

10

ЛЕОНИД
ГОРОДИН

НЕВЫДУМАННЫЕ
РАССКАЗЫ

ОДНОЭТАПНИКИ

МОСКВА, 2020

Музей
истории
ГУЛАГа

ФОНД
ПАМЯТИ

ББК: 84(2)6

УДК: 882

Музей истории ГУЛАГа

Фонд Памяти

Авторская серия книг

Невыдуманные рассказы

были написаны

Леонидом Городиным (1907—1994)

в 60-е годы

прошлого века.

В событиях, сюжетных
линиях «Одноэтапников» —

реальные, тяжелые жизни

и судьбы заключенных,

работавших

на лесозаготовках,

стройках Воркутлага.

Все это Городин

пережил сам,

отбывая наказание.

К рассказам прилагается

небольшой словарь

упоминаемых слов

из лагерного обихода.

Леонид Городин

Музей истории ГУЛАГа

ISBN 978-5-6043357-2-7

2-е изд.

На первых страницах книги —

карта Коми АССР (с указанием трудпоселков НКВД).

Главное управление государственной съемки

и картографии НКВД СССР. 1938. Из фондов ГА РФ.

На обложке — бушлат ватный (ГМИГ НВ-19)

из фондов Музея истории ГУЛАГа.

Музей истории ГУЛАГа
благодарит всех, кто помог подготовить это издание:

Бориса Дубова,
сына Леонида Городина

Александра Веселова

Эльду Веселову (Фридман)

Юрия Иляхина

Анатолия Попова

Галину Иванову,
доктора исторических наук
заместителя директора по научной работе
Музея истории ГУЛАГа

Илью Удовенко,
старшего научного сотрудника Музея истории ГУЛАГа

Наталию Карпухину,
главного хранителя Музея истории ГУЛАГа

Ларису Роговую,
директора Государственного архива
Российской Федерации

Елену Морозову,
научного сотрудника отдела истории
Национального музея Республики Коми

Ирину Витман,
руководителя музея «Город на Севере России»

Светлану Кушеверскую,
начальника ОИАР ФКУ ЦИТОВ УФСИН России
по Республике Коми

Ольгу Бажан,
директора Центрального государственного архива
общественных объединений Украины (ЦГАОО)

Андрея Когута,
директора Отраслевого государственного
архива Службы безопасности Украины

Евгения Куца,
заместителя директора Государственного архива
Харьковской области

Юлию Гунько,
заместителя начальника отдела информации,
использования документов и документального
обеспечения Государственного архива
Харьковской области

Варвару Усаневич,
руководителя Социально-волонтерского центра
Музея истории ГУЛАГа

Александрю Ювженко,
сотрудника Социально-волонтерского центра
Музея истории ГУЛАГа

Над расшифровкой материалов работали:

Ольга Бровкина
Рамона Луома
Татьяна Орлова
Екатерина Томилина

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	10
Иван Акакиевич	16
Деликатность	24
Чистый фраер	24
Диоген	27
Леонид Иванович	28
Рыжий мужик	35
Блатная работенка	35
Кульминационный пункт	42
Каптеры	42
Физические методы	50
«Бо вбыть треба»	51
Цензор	52
Раскололся	54

Вагин	62
Калачов	71
Вавилон	76
Крутая	118
Конь	121
На память	124
«Монашенка»	128
Лепилы	131
Прости меня, Рекс!	138
Мазур	141
Словарь упоминаемых слов из лагерного обихода	151
О себе. О словаре	167
Материалы следственных дел Леонида Городина	177

Основными авторами, прошедшими лагеря ГУЛАГа и рассказавшими об этом миру, считают Александра Солженицына и Варлама Шаламова. Менее известны книги Евгении Гинзбург, Георгия Демидова, Ефросинии Керсновской и других писателей. Но людей, прошедших через ГУЛАГ и переплавивших свой лагерный опыт в документальное или художественное свидетельство, гораздо больше. К сожалению, многие рукописи до сих пор не опубликованы. Они ждут своего часа среди «семейных» бумаг или в закрытых архивах, в личных коллекциях или музейных фондах на всей территории нашей страны.

Одна из наших задач — находить и публиковать такие рукописи. Проводя дополнительные исследования, мы возвращаем из небытия имена и труды людей, оставивших свое свидетельство о том времени, о репрессивной системе и преступлениях тоталитарного государства против человека. Имена тех авторов, которые не только смогли пережить весь ужас ГУЛАГа, но нашли в себе силы помнить.

Нашей первой публикацией в музейной книжной серии станут невыдуманные рассказы Леонида Городина «Одноэтапники».

О лагерной жизни в Воркутлаге Городин написал еще в 60-е годы прошлого века. По воспоминаниям близких друзей, Леонид Моисеевич очень переживал о том, что книга так и не издана (лишь несколько рассказов было опубликовано в газете «Заполярье»). Он все время сомневался — «то ли уровень не тот, то ли время не пришло».

Мы благодарим всех, кто помог подготовить книгу к печати. Всех, кто сохранил машинописные копии, письма, фотографии (архив Леонида Городина): Бориса Дубова, Эльду Веселову (Фридман), Александра Веселова, Анатолия Попова.

Роман Романов,
директор Музея истории ГУЛАГа,
руководитель Фонда Памяти

**КТО МОГ
ПЕРЕЖИТЬ,
ТОТ ДОЛЖЕН
ИМЕТЬ
СИЛУ
ПОМНИТЬ.**

**А. И. ГЕРЦЕН
«БЫЛОЕ
И ДУМЫ»**

СТОЯЛО БАБЬЕ ЛЕТО
1937 ГОДА. НА СЕВЕРЕ ОНО
КОРОЧЕ И ТОМИТЕЛЬНО
ПЕЧАЛЬНО. Я ЗАВЕРШАЛ
СВОЙ ПЕРВЫЙ ЛАГЕРНЫЙ
ГОД. ВЕСЬ ОН, КАЖЕТСЯ,
ПРОШЕЛ В ПУТИ. СКОЛЬКО
КИЛОМЕТРОВ Я ПРОЕХАЛ,
ПРОПЛЫЛ И ПРОШАГАЛ!
ИЗ ХАРЬКОВА ДО СЫЗРАНИ
В СТОЛЫПИНСКОМ ВАГОНЕ.
ДВЕ НЕДЕЛИ В ПЕРЕСЫЛКЕ
И ОПЯТЬ ТАКОЙ ЖЕ ВАГОН,
ТЕ ЖЕ ВНУТРИ РЕШЕТКИ,
КАК ВОЛЬЕРЫ
В ЗООЛОГИЧЕСКОМ САДУ,
С ТОЙ РАЗНИЦЕЙ, ЧТО ЗВЕРИ
ЖИВУТ КУДА ВОЛЬГОТНЕЕ,
ЧЕМ МЫ, СТИСНУТЫЕ
И СКУЧЕННЫЕ.
«ИВАН АКАКИЕВИЧ», СТР. 16

ОДНОЭТАПНИКИ НЕВЫДУМАННЫЕ РАССКАЗЫ

В 60—70-е годы прошлого века Леонид Городин написал серию невыдуманных рассказов о жизни в лагере под названием «Одноэтапники». Часть рассказов публиковалась в воркутинской газете «Заполярье», в изданиях Коми АССР конца 1980-х-начала 1990-х годов, посвященных памяти жертв репрессий.

Полный сборник в авторской книжной серии Музея истории ГУЛАГа и Фонда Памяти выходит впервые.

ИВАН АКАКИЕВИЧ

Забвенье — хуже святотатства.

Друзей забыть я не могу.

Любовь и лагерное братство

С тех пор я в сердце берегу.

1

АННА БОКАЛ¹

Этапы сводили меня с людьми необыкновенной душевной красоты и благородства, ума и таланта, стойкости и жизнеспособности. Часто, в кругу семьи, среди близких друзей, я благодарно вспоминаю этих людей. И всегда я начинаю свой рассказ с Ивана Акакиевича Бирюкова — человека, научившего меня простым вещам, но без которых мне трудно было бы выжить, человека, ставшего мне другом и братом.

2

Стояло бабье лето 1937 года. На Севере оно короче и томительно печально. Я завершал свой первый лагерный год. Весь он, кажется, прошел в пути. Сколько километров я проехал, проплыл и прошагал! Из Харькова до Сызрани в столыпинском вагоне². Две недели в пересылке и опять такой же вагон, те же внутри решетки, как вольеры в зоологическом саду, с той разницей, что звери живут куда вольготнее, чем мы, стиснутые и скученные.

3

Котлас³... Отсюда на тысячу километров раскинулся лагерь. Заполняют формуляры: «Статья, срок?»

4

Один и тот же ответ: «КРТД⁴, пять лет». Переход

¹ Бокал Анна Григорьевна (1910—?) — учительница. В 1936 году А. Г. Бокал была осуждена Особым совещанием при НКВД СССР на 5 лет лагерей за контрреволюционную деятельность. Наказание отбывала в Ухтпечлаге, затем в Воркутлаге. В 1945 году А. Г. Бокал была освобождена.

² Столыпинский вагон назван по имени министра внутренних дел Российской империи П. А. Столыпина, был предназначен для перевозки семей крестьян-переселенцев из европейской части России в мало-заселенные районы Сибири. В годы сталинской власти использовался для перевозки ссыльных и заключенных.

³ В 1931 году был образован Котласский пересыльный пункт Усть-Вымского ИТЛ ОГПУ. В 1932 году был передан Ухтпечлагу. Его профилем было хранение, транспортировка грузов в лагерь Коми АССР и переотправка этапов заключенных.

на пристань. Погрузка в глубокий трюм баржи. Плыдем по Двине, Вычегде. Выгрузка в Усть-Выми. Пеший переход в триста километров до тракта Чибыю⁵ — Крутая⁶. Один лагпункт⁷, другой. Деревня Крутая. Буровые: 7-я, 4-я, 1-я. «Кирпичный». И снова — этап. В этот раз гонят на далекую и пугающую всех Воркуту⁸.

...Я заметил его еще на тракте. На 36-м километре загнали наш этап в палатку, где какой-то остроумец придумал настлать нары из сучковатых жердей, уложив их поперек человеческому телу. Мы повалились, обессиленные, на эти инквизиторские станки. Бирюков же поплелся в лес, наломал лапника, принес, устелил им свое место и только тогда лег.

В этапе на Воркуту мы оказались рядом и уж дальше держались вместе. Слышал я, что он — волжанин, начальник железнодорожной станции. Среднего роста, стройный, сухопарый. Узкое, бледное лицо с крапинками пота на крыльях тонкого носа, белокурые волнистые редкие волосы. Года на четыре старше меня.

Идем берегом Ижмы, вниз по течению, то углубляясь в лес, то спускаясь к самой воде. Переступаем через упавшие стволы, обходим бурелом, продираемся сквозь кусты. Ямы, пни, болото, ручьи. Бездорожье и безлюдье.

И станков тут нет. Предстоит ночевка на берегу под открытым небом. Упали на гальку. Ни мыслей, ни желаний. Неподвижность — единственная потребность. Переменить положение тела и то мучительно. И вдруг Иван Акакиевич предлагает:

4 Контрреволюционная троцкистская деятельность.

5 Населенный пункт в Коми АССР, основанный в 1929 году как лагерьный пункт и названный по имени реки Чибыю. С 1931 года в Чибыю размещалось управление Ухтпечлага. В 1939 году переименован в Ухту.

6 Деревня в Сосногорском районе Коми АССР, где в 1937—1939 годах силами заключенных Ухтпечлага строилась 90-километровая шоссейная дорога Чибыю — Крутая.

7 Лагерьный пункт — филиал лагерьного отделения, организованный на отдаленных рабочих участках.

8 Поселок Воркута (с 1943 г. город Воркута) расположен за Северным полярным кругом в Коми АССР. История Воркуты начинается с момента открытия в 1930 году Печорского угольного бассейна. С 1932 года в угольных шахтах Воркуты работали заключенные Ухтпечлага.

— Пойдем, вымоем ноги.
Я только отрицательно мотаю головой.

— Ну, идем же! Увидишь — легче будет.
Он не отходит от меня, пока я не поднимаюсь
и не плетусь вслед.

— А теперь давай укладываться спать. Раздевайся!

— Да ты что! Такой холод...

— Все снимай. До белья.

Я молча повинуюсь. Он выбирает поровнее и посуше место. Стелет мой кавалерийский полушубок, на него кладет наши пиджаки и штаны, в изголовье обувь, портянки — к ногам, чтобы за ночь высохли. Я стою безучастно. Улеглись. Укрываемся его байковым одеяльцем и шинелью. Прижимаемся друг к другу. Холодно. От реки тянет сыростью. Нас трясет мелкая дрожь. Незаметно засыпаем. Утром встаем выспавшиеся. И хотя ноги деревянные, но через полчаса ходьбы мы снова свежи.

А другие провели эту ночь, сгорбившись у чахлах костров, разложенных на берегу из плавника и валежника. Ноги в обуви у них распухли, тело скованно. Они еле бредут.

В одном месте Бирюков раздобыл охапку сена. В эту ночь мы спали роскошно. Наутро он не оставил сена. Взвалил на себя и тащил до следующей ночевки.

2 Наконец Ижма стала поглубже. Кончился пеший поход. Дальше мы будем плыть на шняках⁹, влекомых плюхающим впереди катерком. С берега на верткие суденышки переходим по узенькому трапу. Он пружинил и плясал под ногами. Ослабевшие этапники, особенно старики, балансировали на шатких дощечках, роняли вещи, некоторые опускались на четвереньки, перебирались ползком. Конвоиров этот даровой спектакль приводил в дикий восторг. Больше всех потешался молодой парень, которого я мысленно окрестил Кузьмой Крючковым¹⁰. Очень он походил на прославленного

10 Рыболовное судно, употребляемое на Севере России поморами.

донского казака, каким его изображали на лубочных картинках и табакерках в дни империалистической войны.

Мой Кузьма Крючков был тоже лубочно красив. Курчавый чуб выпирал из-под фуражки и взбирался на лакированный козырек. Кирпичный румянец на щеках. Острые, плотно пригнанные друг к другу зубы блестели за короткими тонкими губами. Под обмундированием угадывалось сухое, крепкое тело. Он был сыт. По жилам его стремилась здоровая, горячая кровь. Для забавы он щекотал штыком медлящих и громко хохотал, если его жертва оступалась и падала в воду.

По природе, может быть, он и не был злым. Травят же деревенские мальчишки юродивых. Заросшие щетиной, обносившиеся, увешанные мешками и котомками, мы и были убогими нищими. Жалкие, беззащитные, неповоротливые, мы казались ему — сильному и ловкому — смешными.

— Ему бы наметом нестись по станице, вызывая краску восхищения на девичьих лицах, пахать, косить, а он в сторожевых псах ярится, — услышал я рядом с собой.

— Поди, в детстве был приучен почитать стариков, а тут седого профессора в воду толкает, — задумчиво произнес Бирюков. — Эх, лагерь, лагерь. Как он людей губит! Рассобачится парень на этой службе, вернувшись домой, родных отца с матерью вот так же будет пинать.

По реке было много перекатов. Катер часто садился на брюхо. Раздавалась команда: «Лезьте в воду!» Предстояло чуть ли не по горло в воде толкать катер, пока он сползет с мели. Естественно, охотников находилось мало. Конвоиры, мерзко ругаясь, толкали прикладами и штыками. Пуще всех лютовал Кузьма Крючков. Боясь, что не удержусь, увидев его

¹⁰ Козьма Фирсович Крючков (1890—1919) — донской казак, герой Первой мировой войны, в годы Гражданской войны воевал на стороне Белого движения. Погиб в 1919 году.

ощеренные зубы и занесенный приклад, я, не дожидаясь, пока он подойдет, раздевался и прыгал в реку. Вода была жгуче студеная.

Мне было легче, чем другим. Когда, стуча зубами, взбирался на борт шняки, Иван Акакиевич был уже наготове с какой-нибудь сухой ветошкой. Он вытирал меня досуха, закутывал, как нянька, в свое одеяло. У него всегда имелись в запасе сухие чистые тряпочки, иголка с ниткой, даже ножик, который он не хуже вековых арестантов умел уберечь при бесчисленных шмонах.

¹¹ В Щельяюре¹¹ нас погрузили в баржу и повезли по Печоре, затем по Усе до Адзьвавома¹². Здесь была перевалочная база. Нас «перевалили» в другую баржу с более мелкой осадкой.

Потянулись дни и ночи. Дни были тоже, как ночи — в трюме постоянная темнота. Только и увидишь свет, когда выпустят на палубу оправиться. Там, на корме, выступая над бортом, висела будка. У трапа, ведущего на палубу, всегда стояла очередь за нуждой. Многие не выдерживали и справляли нужду в глухих углах баржи.

Первичная ячейка этапного общества — десятка. На десятку выдают бачок этапного варева, на десятку отпускают кипяток, хлеб. Дележ хлеба — основного и самого ценного в этапном питании — происходил, словно торжественный ритуал. В нашей десятке этим занимался Бирюков. Тут требовались максимальная добросовестность и аккуратность. Иван Акакиевич вымеривал кирпичи хлеба веревочкой, складывал ее и делал отметки на хлебе. Нарезав пайки, он каждую взвешивал на руке, к одной добавит, от другой отымет. Тут же всегда выищутся консультанты «вон та помене будет». Наконец все пайки как будто уравновешены. Кто-нибудь, знающий всех по фамилиям, отворачивается. Бирюков, указывая на пайку, спрашивает:

¹¹ Поселок, расположенный на левом берегу реки Печоры.

¹² Село недалеко от г. Инта (Коми АССР), пересыльный пункт заключенных, входивший в систему Ухтпечлага (с 1938 г. — Воркутлага).

«Кому?» Отвернувшийся называет фамилию. «У, лафа, мне сегодня горбушка досталась!» — радуется счастливец. Десять «кому» — десять фамилий. И по соседству слышно: «кому?», «кому?», а оттуда доносится: «вис?», «вис?» — это грузины. А там армянское «кому?». Как ежедневная молитва кормилице-пайке...

Лежали мы вповалку и тоже по десяткам.

Пайка съедена, потянуло на разговоры.

— Чего молчишь? Расскажи что-нибудь.

— О чем?

— Ну, расскажи, как ты женился.

Это было постоянное присловье без надежды услышать ответ.

Когда и эта тема была исчерпана, неугомонный Бирюков откопал где-то в дальнем углу и притащил в нашу десятку профессора Круссера. Ученый старик улегся между нами и без скидок на обстановку прочитал настоящую лекцию: «Достоевский и революция». В те годы имя Достоевского нигде не упоминалось, в курсах литературы оно не значилось, в библиотеке его книг не было.

Но профессор, кроме своих мыслей, оставил и десятка два необыкновенно резвых насекомых.

В полушубке, который он неделями не снимал, расплодилось их тьма. Правду сказать, мы все были порядком вшивые, многие раздирали на себе тело, но стыдились или не умели бить паразитов. Бирюков же каждый день, как только у открытого люка становилось светлее, командовал мне:

— Айда ликвидировать как класс!

Мы снимали белье и, стоя у трапа, расправлялись с непрошеными квартирантами. Одни над нами подшучивали, другие презрительно фыркали, но Бирюков не обращал на них внимания.

Со мной в барже приключилась беда — я заболел дизентерией. Ни лекарств, ни врачебной помощи у нас, само собой понятно, не было, единственное спасение — перестать есть гнилую треску и селедку, которыми нас кормили, не пить забортной

воды. Я обходился сухой коркой и кипятком. Но его спускали нам с палубы недостаточно. За каждый черпак шла драка. И снова я увидел братскую помощь Ивана Акакиевича. Он ссорился, воевал, ловчил, но как-то доставал для меня кружку кипятка.

Путешествие наше длилось долго. Уже по Усе пошло «сало», затем о борта стали торкаться льдины. Видно, не судьба была нам в этот раз попасть на Воркуту. Пароход с баржами повернул обратно и причалил к берегу повыше затона Важкурья. Срочно стали рыть на берегу овощехранилище, разгружать баржи, пока их не затерло льдами.

Я носил мешки с картофелем. В мешке вроде и не ахти какой вес, но приходилось подыматься на высокий берег. Кожаные ботинки скользили, да и ослабел я в этапе. Поэтому часто падал. Поднять самому мешок с земли и взвалить себе на плечи мне было не под силу. Но сзади всегда шел Бирюков, не теряя меня из виду. Как только я падал, он тоже останавливался, спускал с плеч свой мешок, помогал мне поднять мой груз, а потом взваливал свой. А ведь сам далеко не силач. Было это на унылом берегу Усы, за полярным кругом, в грязи, холоде, этапе...

Этап... О, тут обычные законы человеческого общежития не действовали. Люди, державшие себя вполне прилично в тюремной камере и даже в лагерном бараке, в этапе зверели. С них спадала тонкая корка культуры, и обнажались первобытные инстинкты. Выжить самому во что бы то ни стало, пусть даже за счет другого! В этапе, наверное, и родилась эта волчья философия, сконцентрированная в ходкой формуле: «Подохни ты сегодня, а я завтра».

Почему же Бирюков так трогательно заботился обо мне? Кем я был для него? Не сват, не брат, не земляк. Волчьи этапные законы были бессильны против духа товарищества, глубоко заложенного в нем.

...Недавно я разыскал Ивана Акакиевича. Получил от него письмо: «По повторному заходу

в ноябре 48-го года снова схапали. Тюрма, этап, пересылки... В мае 49-го вытряхнули в Тасеево Красноярского края на поселение... В 56-м году реабилитировали. По зрению начальником станции на железную дорогу не взяли. Предлагали пенсию — отказался. Стал начальником цеха на Троллейбусном заводе, а с июля 57-го года инвалид труда 1-й группы — подвело сердце... В меру сил помогаю строить коммунизм — я внештатный инспектор комитета партгосконтроля».

Что-нибудь подобное я и ожидал. Но почему «вне»? Штатный! Штатный с того самого часа, когда подростком связал свою жизнь с революцией. В лагере, лишенный всех прав, с клеймом «враг народа», он и то оставался инспектором партгосконтроля. Въедливый, он многим колол глаза, во все вмешивался. Был ли он лесорубом, конюхом или доярком, ему было до всего дело, всюду он совал свой нос, не терпел, когда плохо работали, не берегли пусть и лагерное, но все же, как он считал, наше общее добро.

В лагере его многие за это не любили, как не любят его — я в этом уверен — и сейчас чинуши и разгильдяи, которых он инспектирует. Многие удивлялись, как я могу с ним дружить, считали его прислужником лагерной администрации.

Видел я его и на любимой им работе — начальником станции Предшахтная на Воркуте — требовательным, придирчивым и нелицеприятным. Лагерная мудрость гласила: «На чем держится Воркута? Ее поддерживают три кита: блат, мат и туфта». А Бирюков, чудака, не хотел верить в незыблемость пресловутых китов. Он воевал с клиентами и со своим собственным начальством, которое смеялось над его рвением.

Наши дележки из Дорстроя, где я в это время работал, жаловались мне на него — он их донимал штрафами за простой вагонов. Называли его ограниченным сухарем.

А я улыбался. Я знал, что скрывается за внешней сухостью и ограниченностью. Сердце честное, доброе и верное. Верное дружбе и верное идеалам революционной юности.

1960 г.

ДЕЛИКАТНОСТЬ

1943 год. Воркута

¹³ Дошел бедолага¹³. Привязали ему к большому пальцу правой ноги бирку, одели в деревянный
¹⁴ бушлат¹⁴ и закопали. Доски списали по акту.

Бухгалтер над актом задумался:

Как провести в отчете? «На изготовление гроба»? Нехорошо. Резко. В Управлении будут читать...

И вывел красивым почерком:

«На последние коммунальные услуги для заключенных».

Он недавно попал в лагерь и был от рождения очень деликатным.

1960 г.

ЧИСТЫЙ ФРАЕР

1942 г. Воркута

¹⁵ Командировка¹⁵ на речке Аяч-Яга. Маленькая, засыпанная снегом землянка. В ней моя резиденция.
¹⁶ Я — счетовод, придурок¹⁶.

В этой землянке мы с ним и познакомились.

Он пришел выписать не то рукавицы, не то телогрейку второго срока. Был он высок, прям. Одет в длинное до пят ватное пальто. Любезная улыбка. Изысканно

¹³ Лицо, вызывающее сочувствие, сострадание.

¹⁴ Здесь: гроб.

¹⁵ Административная единица в системе исправительно-трудовых лагерей; небольшой лагерный пункт, организованный на производственно значимом месте.

¹⁶ Заключенный, которому удалось избежать «общих работ», т. е. тяжелого физического труда.

вежлив. Как вельможа екатерининских времен. (Впоследствии я узнал, что он раньше был на дипломатической службе.) Изможденное лицо аскета, худое тело. А на доходягу¹⁷ не похож. Нет прибитости, приниженности, опущенности. Что-то аристократическое во всем облике и в манере держаться.

Это невероятно, но мне помнится, что он тут же стал увлеченно рассказывать о необыкновенно образованном и умном священнике — соседе по нарам.

...Отсыпали шоссейную дорогу из горелой породы. Прибыли «Студебеккеры». Тут же, у терриконника шахты «Капитальная», свалили бочки с бензином. Друзья устроили моего нового знакомого на блатную работенку — отпускать горючее. Думали, что осчастливили: как же, вытащили с общих работ! А он терзается: шоферня вся из урок — обжуливают его. Боится нехватки. Просится на общие работы.

Друзья утешают:

— Не волнуйтесь, бензин списывают тоннами, а вы тревожитесь о нескольких литрах.

Старые лагерные волки потешаются:

¹⁸ — Лопух!.. Сидор Поликарпович¹⁸!.. Фраер!..

...Зашел я как-то на породный отвал. Заглянул и к Фраеру. Он стоял на пронизывающем ветру и что-то записывал в тетрадку из грубой коричневой бумаги. В те годы бумага была большой редкостью. В конторе нам по счету выдавали листы из старых Усть-Цилемских¹⁹ архивов. На лицевой стороне писарским почерком излагались доносы на старообрядцев. На тыльной стороне писали: «Рабочие сведения бригады з/к, з/к...»

Я узнал бумагу, из которой была сшита тетрадка. На Руднике делали шлакоблоки. Цемент для них поступал в бумажных мешках. За пайку

¹⁷ Человек, страдающий от голода, находящийся на самом дне лагерной иерархии.

¹⁸ Презрительное прозвище заключенного, не приспособленного к лагерной жизни.

¹⁹ Село, расположенное в северо-западной части Коми АССР, на правом берегу реки Печоры.

хлеба я покупал у работяг пустой мешок. Вытряхивал цементную пыль, разглаживал листы и изготовлял из этой бумаги табели.

За пайку, вероятно, была приобретена и бумага для этой тетрадки. Что он туда записывает?

Его вопрос, обращенный ко мне, все разъяснил.

— Не помните ли вы стихотворение Пастернака «Годами, когда-нибудь, в зале концертной...»? Я запомнил, как там дальше после строчки:

«Художницы робкой, как сон крутолобость...»

Изо дня в день, у бочек на юру, на барачных нарах рылся он в своей памяти, извлекал оттуда стихотворные строчки и записывал в тетрадку. Затерялась строчка, слово — оставлен пробел. Со временем он заполнится. Сам ли вспомнит, товарищ ли подскажет.

Составилась богатая поэтическая антология.

²⁰ Его перевели в ОЛП «Капитальная»²⁰, и я его потерял из виду. Но слухи об этой антологии ходили по лагерю. Многие из нас жили тогда, как верблюды в безводной пустыне, за счет своих горбов. Но мы, как и верблюды, поддерживали только свою жизнь. Он же поддерживал духовную жизнь и в других. Скольким людям чтение этой антологии было как глоток живительной воды в пустыне!

...Лагерь страшен не только отсутствием свободы и физическими лишениями. Страшно постоянное унижение человеческого достоинства. Оно влечет за собой иногда распад личности. Там оттолкнул кого-то послабее себя, чтобы занять лучшее место на нарах, тут подшакалил, здесь подшестерил, словчил. Грязь...

Есть такие благородные животные, способные пройти по самой топкой грязи, не запачкав и шерстинки. Их шерсть покрыта грязеотталкиваю-

²⁰ Шахта № 1 «Капитальная» — первая крупная шахта Воркуты, начало строительства — 1937 г. Строительство и эксплуатация шахты до 1960 г. велись силами заключенных.

щим составом. К моему Фраеру тоже ничего лагерного не приставало.

Чудовищные по кощунству ругательства... Я не уверен, слышал ли он их. Ухо его было завешано для всего нечистого. А уж в том, что он ни одного не запомнил, — готов поручиться.

Определили его в торговый отдел. Кругом — деляги. Они поглядывали на него сперва с опаской: как он отнесется к их делишкам? Потом успокоились:

— Да он же чистый фраер, ничего не петряет. Работал он и в бане. Принимал грязное, кишачье вшами белье. Но мне кажется, что и вошь не отваживалась заползти на него...

Чистый фраер...

1963 г.

ДИОГЕН

1938 год. Сынянырд

Суровцев — мятый, в летах, сибиряк из крестьян. Ушел с работы. Забрался на верхние нары. То ли — отогреться, то ли занемог.

В барак ворвался Филиппович. Был каптером. Проворовался. Назначили комендантом. Красные глаза. Хриплый голос. Отец его был поляк, мать грузинка. Себя считал грузином. «Под кацо работает», — говорил о нем Ваня Тихонов, которому Филиппович заказал сапоги, узкие-преузкие. Для вящего сходства. Не намылишь ноги — не обуешься, слезу выжимает. В новых передачах по бокам вырезал круглые дырки над мозолями — жгут! Торчащие из дырок мозоли чернил сапожным варом.

— Ты почему не на работе? В рот... горло... нос... Суровцев нехотя обернулся, поглядел сверху неузнавательно:

— А ты кто такой?

Филиппович так и остолбенел. Как так!

Его все знают! Он — первое после начальника лицо

на запани, и вдруг его спрашивают — кто он. Наконец выдал из себя:

— Да я-а-а комендант.

— А я тебя не вижу.

Суровцев повел несколько раз ладонью перед глазами и отвернулся.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ

...Прибыв на Воркуту, я попал в балластный карьер на 61-м километре узкоколейки Воркута — Вом — Рудник. Пригонят вертушку, накидаем платформы — и греться в барак, до следующей вертушки. В пургу чистили пути от снега. Пока прочистим, у входной стрелки забои завалило. По неделе, бывало, состава нельзя принять.

Однажды меня вызвали к начальнику карьера. Какой-то крупный мужчина расспросил меня, где я до этого отбывал срок, что умею делать, посочувствовал тому, что я из-за войны пересаживаю.

Мне потом сказали, что это был Вирич — начальник плановой части Стройконторы № 5, которой принадлежал карьер.

Через несколько дней нарядчик повел меня на «Предшахтную». Определили в бухгалтерию Стройконторы и поручили вести оборотную ведомость подотчетных прорабов. На одном из листов я прочел: «Аяч-Яга, Коновалов Леонид Иванович²¹». Бухгалтер мне объяснил:

— Это — в десяти километрах отсюда. Там деревянный мост через речку Аяч-Яга. Его спроектировал и построил Коновалов. Теперь от моста прокладывают дальше ветку на шахту № 7. На воле большим человеком был —

21

²¹ Коновалов Леонид Иванович (1893—?) — советский военачальник. Комбриг. Инженер-железнодорожник. Арестован в августе 1938 г. В 1939 г. Особым совещанием при НКВД СССР по обвинению в контрреволюционной деятельности был приговорен к 8 годам лагерей. Впоследствии реабилитирован.

заместителем начальника железнодорожных войск РККА, три ромба носил.

Вскоре я еще раз услышал имя Коновалова.

Я курил в сенях, когда из плановой части вышел человек. Я успел только увидеть его круглую спину в черном полушубке и треух на голове. В приоткрытую дверь донесся до меня возбужденный голос экономиста Мазура. Он криком кричал на своего начальника. Когда этот необыкновенный добряк гневался, он наговаривал Виричу такое, чего тот ни от кого другого не потерпел бы. Вирич был неплохим человеком. Он готов был сделать добро. Не одного только меня, совершенно незнакомого ему человека, он выручил с общих работ²². Но он любил власть и почет, а от своих протезе ждал знаков благодарности. Прорабов держал в постоянном страхе. План-то «делал» он, и не брезговал приношениями.

Мазур наскакивал на Вирича и выпаливал в него:

— Мне стыдно за вас. На кого вы голос подняли! Подумаешь, вас не устраивают его показатели! Зато можно не посылать туда техинспекцию. Уж если Коновалов показал пятьсот метров укладки, так это будет точно, самый придирчивый топограф не намеряет меньше кубов, чем проведено в рапортичках. Вам нужна туфта²³, а Леонид Иванович не умеет. Вы это можете понять? Не умеет — и все! Человек он совсем другой культуры: не может быть неправдивым даже в мелочи. Вы уважаете горлохватов, а он деликатен. И вы позволили себе шпынять Коновалова, человека с европейским именем, строителя уникального моста через Волгу! Вы, толстокожий человек, даже не почувствовали, насколько он тоньше вас, отвечая мудрой улыбкой

²² Общие работы — изнурительные, массовые работы, связанные с тяжелым физическим трудом.

²³ Обман; работа, сделанная лишь для видимости.

на ваши попреки и одной только фразой на ваши угрозы: «Как вам будет угодно».

Через несколько месяцев мне представилась возможность познакомиться с Коноваловым лично. Его спокойный, уравновешенный почерк мне уже был знаком по представляемым им ежемесячно обстоятельно составленным актам на списание израсходованных материалов. Потребовалось сверить наличие инструмента и железнодорожных креплений с книжными остатками. Мне выдали пропуск, и я отправился на Аяч-Ягу.

Миновав два контрольных поста, я по шпалам узкой колеи, дробно перебирая ногами, дошел до Аяч-Яги. Перешел по мосту и слева увидел аккуратную землянку. При моем появлении Леонид Иванович встал и сделал два шага мне навстречу. Я назвал себя и сказал, с каким поручением пришел. Коновалов протянул мне руку, спросил мое имя и отчество. Вопреки господствовавшему в лагере со стороны начальства «тыканью» он ко всем обращался на «вы» и по имени-отчеству, ко всем, с кем я видел его разговаривающим: инструментальщику, бригадиру, дормастеру, повару, курьеру, дневальному.

— Выпейте кружечку кипятка с голубикой. Извините, что без сахара.

На плитке сверкал начищенный алюминиевый котелок.

Леонид Иванович был невысокого роста, широк в плечах. Большая круглая голова. Движения спокойные, плавные, уверенные, но чуть медлящие, как бы в раздумье.

— Прошу прощения, но я вас оставлю ненадолго — пойду в барак на разнарядку. К сожалению, кроме спецификаций, никакой другой литературы не могу предложить вам...

Он вышел, и я имел время осмотреться.

Внутри землянка оказалась довольно просторной. Забранные досками стены были выбелены известью. Ровный земляной пол недавно был помазан жидкой

красной глиной и тронул мое сердце воспоминаниями о родной украинской деревне. Самодельный стол на козлах и две грубо сколоченные скамьи были выскоблены до восковой желтизны. Как я потом узнал, все это было делом рук хозяина землянки. На подвешенной за веревочки полке лежали трубки свернутых чертежей. Единственное хорошо вытертое окно смотрело на мост. Может быть, землянка была умышленно так вырыта, чтобы мост был виден в три четверти. Это был самый красивый его вид, и Леонид Иванович мог им все время любоваться.

Произведения рук человеческих часто несут на себе черты своего создателя. Мост, построенный Коноваловым, был чем-то похож на него. Такой же, с виду неприметный, без украшений, мост-работяга. Он был весь деревянный. На время бурного паводка он полностью разбирался и потом быстро собирался вновь, без потери единой детали. Все элементы моста были так сработаны, что в них не было ничего лишнего, в них была элегантность высшей целесообразности. Лагерники, привыкшие делать все тятляп, встретив в Коновалове не только требовательно-го, но и любящего красивую работу человека, обрадовались возможности поработать «по-человечески», как для себя. Они не просто тесали бревна, а как бы ласкали их лезвиями своих топоров. Дыры были так просверлены, что ни один болт не загонялся из-под кувалды — Леонид Иванович не перенес бы такого зрелища, — а словно ввинчивался в древесину.

Коновалов оставил меня ночевать.

Как я ни сопротивлялся, он не отпустил меня в общий барак, а уступил свою постель — стоявшие сбоку нары, покрытые серым армейским одеялом, а сам улегся на сдвинутых скамьях, подложив под себя полушубок.

Утром постучался дорожный мастер:

— Леонид Иванович, бригада выстроена.

Мы вышли. Работяги стояли в строю около землянки.

— Здравствуйте! Задание известно?
 — Отрихтовать кривую на восьмом пикете семнадцатого километра, поднять упорную нитку, убрать балласт в земляное полотно, оформить бровку, — доложил бригадир. Коновалов прошелся по строю, проверил, остры ли лопаты, хорошо ли насажены кирки, наточены ли французские топоры.

— Счастливо!
 Бригада отправилась на работу, а мы — в инструменталку.

Она помещалась тоже в землянке. На стеллажах лежал рабочий инструмент, инвентарь и железнодорожные крепления. Около каждой кучки была фанерная табличка, и на ней мелом написано количество на данный час. Инструментальщик был приучен выводить новый остаток после каждой выдачи или получения. Все оказалось в идеальном порядке. Это опрокидывало все мои представления о лагерьном хозяйстве, сложившиеся за пять лет ухтпечлаговского²⁴ университета.

Я быстро покончил с проверкой. Учет у Коновалова оказался точнее, чем в бухгалтерии. Пришлось нам делать исправления. Я вернулся на «Предшахтную», а Леонид Иванович отправился на ветку. Он непременно каждый день обходил все работы.

Меня тянуло на Аяч-Ягу. Я придумывал всякие предлоги, чтобы еще и еще раз побывать у Леонида Ивановича. Я узнал, что он был организатором Военно-транспортной академии и ее первым начальником. Он мне рассказывал о своих поездках за границу под видом частного лица, о строительстве там автострад и мостов.

Что-то было в нем от чеховских героев, но без их рефлексий. Чистый, ясный ум, деловитость, организованность и вместе с тем мягкость, Это, по-

²⁴ Ухтпечлаг (Ухтинско-Печорский ИТЛ) — создан в 1931 году на базе Ухтинской экспедиции ОГПУ в результате реорганизации Управления Северных лагерей ОГПУ особого назначения. Лагерное управление размещалось в п. Чибью (с 1939 года — п. Ухта) Коми АССР.

жалуй, тот тип русского инженера, который так любил Ленин, из тех, что окружали Красина и Кржижановского. Его отношение к окружающим? На память приходит слово «корректность». Он не любил панибратства, с уважением относился к достоинству людей, но деликатно и строго охранял свою независимость.

Начальство ценило Коновалова. Ему разрешили получать свое довольствие сухим пайком, и он твердо отстранял покушения со стороны своего каптера и повара на дополнительные, незаконные, по его мнению, подачки.

Леонид Иванович был страстным курильщиком. Табак неоткуда было доставать. Небольшое количество махорки выдавали прорабам для поощрения старательных работяг. Другие прорабы львиную долю махорки оставляли себе, а Коновалов раздавал всю. Разумеется, попроси он у начальника стройконторы Литвакова, тот вряд ли отказал бы ему. Но как раз этого не мог сделать Коновалов. Просить не мог.

Чтобы не унизиться до просьб, он стал курить ромашку. В тундре росло ее много. И тут он тоже следовал неуклонно какой-то ему известной системе. Заготавливал ее в определенную пору, сушил на солнце, крошил и складывал впрок на зиму. И меня научил курить ромашку. Думаю, что она ускорила развитие его болезни.

Меня перевели на Рудник, и я долгое время не видел Леонида Ивановича. В начале сорок четвертого года я услышал, что он получил извещение о гибели своего единственного сына на фронте, а вскоре и второе: умерла жена, не вынесшая страшной потери. Он заболел. Его положили в стационар. Больных тогда на Воркуте было великое множество. Цинга, дистрофия, пеллагра валили людей. Под стационар оборудовали барак в оставленном карьере на 61-м километре, в том самом, где я грузил гравий в начале своего пребывания на Воркуте.

Оборудование заключалось в том, что в бараке сняли верхние нары. Пеллагрики туда бы не забра-

лись. Укрытые серыми одеялами лежали на нарах больные. А казалось, что там никого нет, настолько бестелесными они стали. Из трех измерений осталось только два. Даже кости, казалось, у них усохли. Когда они вставали, чудилось, что это призраки бродят, не оставляя тени. Выделялись лишь темные полосы кожи на запястьях и на шее, будто натертые кандалами. Ягодиц, и тех не стало, одни мешочки висели. И тихо, необыкновенно тихо было в стационаре. Тихо лежали пеллагрики, без стонов они передвигались, без стонов и помирали они. Во всем бараке слышно было только шумное дыхание Коновалова. Он задышался. Я принес ему пачку махорки.

— Вряд ли сами представляете себе, какой ценный подарок вы мне сделали.

Через несколько дней я узнал, что его отправляют в Сангород. Мы с Мазуром пришли попрощаться с ним. В карьер подали вертушку, но теперь уж на платформы грузили не гравий, а людской балласт. Среди больных были, наверно, и те, кто в пургу и морозы ковырялся когда-то в этих забоях.

Леонид Иванович уже не мог лежать. Его прислонили спиной к тормозной площадке. В руках он держал свою трубочку и половину пачки махорки. Это было все его имущество.

Мы надеялись на его выздоровление в Сангородке и старались внушить ему веру в это. Коновалов грустно улыбнулся:

— Для жизни у меня уже не осталось сил. Через два дня по прибытии в Сангородок

Леонид Иванович умер.

...А потом придет усталость,

Задохнется кашлем грудь.

За тобой заедет старость,

Торопя в последний путь.

И тогда уж без этапа

Отвезут за три версты,

Уголок найдет лопата

Возле речки Воркуты.

Эти строки одного из первых мучеников Воркуты, поэта Льва Драновского, погибшего за шесть лет до этого на «Старокирпичном»²⁵, как бы предсказали будущую судьбу Леонида Ивановича. Только какая же это старость — пятьдесят лет с небольшим!

РЫЖИЙ МУЖИК

²⁶

1938 год. Вавилон²⁶

В самом темном углу землянки лежал мужик. Ярко-рыжая голова, рыжая щетина на круглом в красных пятнах лице. И весь он казался круглым, мягким. Я ни разу не видел, чтобы он с кем-нибудь разговаривал. Малоречивый, тихий человек.

На работу он снаряжался всегда основательно. Бушлат подпоясывал бечевочкой, чтобы не поддувало, шею обматывал полотенцем, к голенищам валеков пришил тряпицы, которые завязывались поверх колен, чтобы снег не набивался.

Однажды, когда выгоняли на работу, он, вот так снаряжаясь, замешкался в своем углу. На него налетел комендант с бранью.

И тут я впервые услышал его ясный, спокойный, немного грустный голос:

— Ты пошто на меня гремишь? Я не твой раб, я раб государства.
1962 г.

БЛАТНАЯ РАБОТЕНКА

Жарким летним днем, весь облепленный комарами, от которых кое-как спасали накомарник, телогрейка и рукавицы, я пришел из Вавилона

²⁵ Во время Большого террора, в 1938 году, на Кирпичном заводе, недалеко от Воркуты, были расстреляны 447 политических заключенных. Среди них был поэт Лев Драновский.

²⁶ Поселок в Коми АССР, входящий в систему Ухтпечлага.

в Иваш. Тропинка вывела меня на сухую возвышенность. Лес раздвинулся и открыл просторную вырубку. Тут стояло несколько строений: приземистый длинный барак, каптерка с зарешеченным окном, дымящая, как смолокурня, кухня, рядом небольшой домик с высокой трубой, как потом оказалось — пекарня; пониже у ручья — банька и на отшибе аккуратный домик для охраны. Командировка казалась безлюдной.

Горичева я нашел в каптерке. Единый в трех лицах: начальник, старший десятник и каптер одно- временно. Совсем еще молодой человек. Попал на Печору вместе с раскулаченным и высланным отцом. Работал в Леспромхозе. За небольшую провинность осужден на три года. Лесник, бытовик с малым сроком, он был радостно встречен лагерной администрацией и сразу, чуть ли не прямо из зала суда, послан сюда начальником. Как будто только сменил место работы.

За время нашего с Горичевым разговора открылась дверь, и мягкой кошачьей походкой вошел парень. В стоптанных сапожках с отогнутыми голенищами, с начесом получелочкой, закрывавшим половину лба, из-под которого зыркали веселые, озорные глаза. У него был тонкий нос, подвижный кончик которого синхронно с глазами изгибался, шныряя по сторонам. На левой согнутой руке, как на подносе, он держал пачку выстиранного белья. Оно было переложено розовыми цветами шиповника. Парень отставил ногу в полупоклоне:

— Держи, начальник. Полный порядок! Шик маре²⁷!

— Положи. Вот что, Володя, пусть человек поживет в пекарне. Там комары не так лютуют, — сказал Горичев и, повернувшись ко мне, добавил: — Идите с Киселевым, он вас поместит.

Киселев? Володя Киселев? И я вспомнил историю, происшедшую зимой на запани.

27

Шик (chique — фр. шикарный) маре (moigé — фр. модный)

²⁸ Пригнали с Воркуты этап бытовиков²⁸, у которых остались «малые срока». Когда на следующий день их выводили на работу, небольшая кучка, сбившись в углу, встретила нарядчика песней:

А нарядчик сукин сын, барбос,
Лагерный придурок, ...сос,
Ты же знаешь, что в субботу
Мы не ходим на работу,
А суббота у нас каждый день.

²⁹ Но нарядчик был старый лагерный волк²⁹.

³⁰ Он призвал на помощь коменданта, и они по одному выволокли всех отказчиков³⁰ из барака. Тут их поджидал конвой с собаками и усаживал на снег.

В бараке остались двое. Они сидели на верхних нарах, по-турецки сложив ноги, покуривали и безучастно смотрели на расправу. То были Володька Киселев и Мишка Жижя.

— Отскечь! — сказали они подступившему к ним нарядчику. — Давай сюда начальника, мы с ним покалякаем³¹.

³¹
³² Начальник Лесзага Сынянырд³² Белопольский — сын актера бродячей «малороссийской» труппы, бывший офицер царской армии и делегат от фронтовиков на Второй Всероссийский съезд Советов, эсер, перешедший в семнадцатом году к большевикам. Он был тоже в некотором роде репрессированным. Его, вместе со многими милицейскими работниками Ленинграда, после убийства Кирова направили для работы в лагеря. Гвардейского роста, слегка тучный, в усах и эспаньолке. Кривая трубочка всегда в зубах.

— Вы почему на работу не выходите? — грозно спросил Белопольский.

²⁸ Заключение, осужденные по «бытовым» статьям, — растратчики, спекулянты, аферисты и т. д.

²⁹ Опытный заключенный-одиночка, не один год проведенный в лагерях, знающий специфику лагерной жизни и умеющий постоять за себя.

³⁰ Заключение, уклоняющиеся от работ.

³¹ Поговорим

³² Лесозаготовительный лагерный пункт Ухтпечлага в д. Сынянырд Усинского района Коми АССР.

- Мы работы не боимся — на работу хер пойдем, — чуть ли не пропел Киселев. Жижа, мрачный громила, очевидно, признавал превосходство своего кореша и хранил молчание. — Нет, в натуре, что за работа?
- ³³ — Боны³³ вязать.
- Боны? Торгсиновские? «Златую цепь в Торгсин³⁴ снесли...» Это мы можем, а, Мишка?
- ³⁴ — Вы, милорд, не паясничайте. Из бревен боны. Соорудим запань и перегородим Сыню.
- За что? На манер запретной зоны, только для баланов³⁵, чтобы не спрыснули? Нет, начальник, не будет дела.
- ³⁵ — А какую же вам работу надо?
- Нам все равно. Где бы ни работать, лишь бы не работать.
- Не хотите здесь, пойдете на лесоповал, вам же хуже будет.
- Мы этот лес не сажали, мы его и рубить не станем. Не работники мы тебе. Не надейся и не жди. Пусть у тебя ишачат враги народа, а нам по закону не положено. Давай разойдемся по-хорошему. Припухать тут у вас на запани нам не светит. Отправляй нас дальше вниз, начальник. Мы ищем блатную работенку, печенье перебирать, что ли. А у вас — баланы...

Киселев за весь свой срок не унизился до общих работ. Никогда не прикасался к тачке, следуя заповеди: «Тачка не трогает тебя, не трогай ты ее тоже». Даже на страшной для всех урок Воркуте он ухитрился избежать шахты. «Пусть там раньше окна прорубят — темно же». Последнее время кантовался³⁶ в пожарке. А известно, что пожарников хоронят стоя,

³⁶

³³ Бумажные денежные знаки, выдававшиеся в обмен на валюту, золото и драгоценности.

³⁴ Торгсин — Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами (1931—1936).

³⁵ Бревно с корой.

³⁶ Кантоваться — быть занятым на легких работах.

потому что они всю жизнь пролежали. Хоть после смерти постоят.

Белопольский понимал, что с этой парой хлопот не оберешься. Он бы рад от них избавиться, да и полезно изолировать главарей от шпаны. Но в Усть-Усу, куда они стремились, без наряда не направляли. И он послал их, лишь бы с глаз долой, на свою же командировку, за пятьдесят километров вверх по Сыне, в самую глушь — на Иваш. А им объявили, что отправляют вниз. Только, когда выйдя на лед, конвой повернул не вправо, на Усу, а влево, по Сыне, друзья открыли обман. Да уж ничего нельзя сделать. На льду — не в бараке, и конвой не нарядчик, пристрелит и вся недолга. «Эх, фраернул³⁷ нас пузатый!»

37

Когда Киселева и Жижу привели к Горичеву, они ему, как и Белопольскому, изложили свою декларацию, что «вкалывать нам воспитание не позволяет», а вот если у него есть какая-нибудь блатная работенка, так они, может быть, подумают.

— Есть такая работенка. Нужны пекарь и повар.

— Темнишь, начальник?

— Нет, правда.

— Я — токарь по хлебу, — отозвался Володя, — да и спечь не хитро, а кашу из сечки кто не сварит!

— Ну, давай попробуем. Ты, токарь, будешь пекарем, а твой приятель — поваром. Только уговор — припек, чтоб по норме, и людей мне не обижать.

— Да разве мы позволим, начальник!

Как и везде в лагерях, и тут нашлись «шестерки» — охотники за лишний черпак баланды, за кусок хлеба наколоть дров, натаскать воды, и друзья не обременяли себя работой. Но Горичев был по-крестьянски прижимист и скоро пресек все это.

— Дрова для кухни и пекарни вы будете сами заготавливать, — объявил он друзьям, — вдвоем на пару. Вон сколько кругом сухостоя

37

Фраернуться — ошибиться в расчетах, дать обмануть себя.

и валежника. Если откуда подалее привезти, возьмите лошадь. Кстати, Володя, ты будешь за ней присматривать. Скоро лето, она сама пастись будет. Не держать же конюха ради одной лошади.

Друзья помрачнели. Хотели было напомнить Горичеву о своем «воспитании», но тот им подбросил компенсацию: разрешил покинуть общий барак. Они снова повеселели. Киселев поселился в пекарне, а Жижя устроил себе закуток на кухне.

Спустя какое-то время Горичев встретил Володю и на ходу, будто речь шла о мелочи, бросил:
— Алимова вызвали на освобождение, а людей мыть надо. Истопи, пожалуйста, баню.

Не могу я сейчас никого из бригады снимать.

А после бани, известно, нужно белье постирать. И снова Горичев попросил Киселева. Володя думал, что это «на раз», а вышло надолго. Кроме двух приятелей, Горичев никого больше в обслуге не держал.

Так незаметно для себя Володя стал пекарем, конюхом, банщиком и прачкой. Хоть не много людей на командировке, но каждые два дня надо ставить квашню, пусть раз в десять дней, топить баню, белье стирать, за конем присматривать. А дрова... Правда, они рядом, но сколько их идет! В пекарню, кухню, баню...

На воле Киселев, конечно, не был ни токарем, ни пекарем, ни тем более прачкой. Его настоящая профессия выяснилась совершенно неожиданно. Приехал инспектор лесного отдела Управления лагеря. Володя постирал ему белье, принес тоже украшенное цветочками. Разговорились. Инспектор был москвич.

— Ну, а я подмосковный, тоже, почитай, москвич.

— А именно?

Володя назвал дачное место.

— Да ну! Так у меня ведь там дача. Земляки, выходит. Никак не могу забыть, как меня

обобрали. В первый же день, как поселился, давно дело было. Да так ловко, черти!

Так и не нашли ни воров, ни вещей.

— На какой улице дача? Когда дело было?

Инспектор сказал.

— Моя работа! — вырвалось с гордостью у Володи. А потом, смутившись: — Вы уж извините... Дело прошлое.

Был он ловок, остер, общителен. Хороший глаз имел, наблюдательный и насмешливый. С ним было интересно поговорить. Живя в пекарне, я дивился: когда он все успевает? Он вертелся, как белка в колесе, со всем справляясь. И всегда с присвистом и шуточкой. Дрова они с Жижей пилили и кололи, когда все уйдут на работу и командировка опустеет. Все-таки немного зазорно дрова пилить — мантулить. Они же «свои», не какие-нибудь сявки.

Каждое утро, во время развода, Володя непременно выходил из пекарни, становился с независимым видом у дверей, доставал свой расшитый какой-то марухой кiset, кисти которого всегда у него выглядывали из кармана — это считалось большим шиком, — и, медленно свертывая толстую сигарку — «метр курим, два бросаем», смотрел с высокомерием на работяг, понуро, нога за ногу, идущих на работу. Проводит их глазами и, довольный, опять засвистит.

Как-то поздним вечером, натаскав воду в баню — он это делал, когда командировка спала, — Володя пришел в пекарню.

Я ему сказал:

— Да ты тяжелее работаешь, чем на общих работах.

— Тоже сравнил, чудик! Нормы у меня нет? Нет! Что хочу, то и делаю. Ни подъема, ни отбоя. Когда хочу — ложусь, когда хочу — встаю. Хорошенькое дело! Уж не знаю, когда он и спал. Я укладываюсь — он тесто месит, я поднимаюсь — он хлеба сажает или белье в бане стирает.

- Главное, — добавил Володя, — учти, я сам себе хозяин. Как хохлы говорят: «Сам пан, сам ярмарок». Никто меня не подгоняет. Нет надо мной ни нарядчика, ни коменданта, да и на конвой я положил... Не слышу этого «давай-давай». За срок всю плешь оно мне переело. Я б его...
1964 г.

КУЛЬМИНАЦИОННЫЙ ПУНКТ

1965 год. Свердловск

В разговоре с секретарем своей парторганизации доверительно:

³⁸

- Я работала в органах³⁸... Когда дело достигало кульминационного пункта, выходила. Не могла...
- Неужели вы это оправдываете?
- Как же иначе! Они бы век не сознались. А у нас план...
Посмотришь — милая женщина.
Клубом теперь заведует.
1965 г.

КАПТЕРЫ

³⁹

23 июня 1941 года заканчивался срок моего заключения. Паспортный стол был в Усть-Усе³⁹, и туда за сотни километров по зимнему пути стягивали тех, кто подлежал освобождению летом. Дошла очередь и до меня. Мне выпала честь ехать в одних санях с беленькой в пятнах сучкой Тикси, принадлежавшей начальнику Лесзага Сынянырд. Ее везли вслед хозяи-

³⁸ Органы госбезопасности: ВЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД — НКГБ — МГБ — КГБ

³⁹ Усть-Уса — поселок в Коми АССР, входил в систему Воркутлага.

ну, уехавшему ранее налегке. Она была субтильна, пуглива и редко рисковала покидать своего хозяина. При появлении этапа ее и вовсе прятали: голодная шпана успевала за одну ночь съесть всех собак в округности. У нас ее не любили и называли, незаслуженно и обидно для ее вынужденного целомудрия, проституткой. Одесситу Литвинскому доставляло острое удовольствие, заманив Тикси в барак, муштровать ее:

— Бойся меня, подлюка!

Она вся пласталась перед ним, прикрывая голову лапками. Насладившись ее страхом, Литвинский командовал:

— Служи!

Тикси, мелко дрожа, покорно подымалась на задние лапки. Ее мучитель сиял: нашлось живое существо, принадлежащее начальству, пусть всего лишь собачка, — которое его, зыка, боится и даже служит ему.

...Мы спустились на реку Усу — единственный путь сообщения зимой и летом. Стоял жестокий мороз. Гулко стрелял трескавшийся у берегов лед. Куропатки, обычно летающие тут стаями, и те забрались поглубже в лес, где потеплее. Река была пустынная. За весь день нам повстречался лишь окруженный облаком пара от конского дыхания обоз известного по всей линии бригадира Анджелло, отчаянного итальянца, невесть как попавшего в советский лагерь. И снова ни души.

Тикси, хотя и закутанная в одеяло, не могла долго улежать в санях. Она высвобождалась, спрыгивала, чтобы согреться в беге. Но вскоре, скуля и повизгивая, возвращалась и зализывала оледеневшие подушечки лапок.

Я, одетый только в бушлат поверх телогрейки, тоже не мог усидеть и почти весь путь прошел пешком, поминутно оттирая нос и щеки.

Правил лошадью, одетый в тулуп, наш комендант Майоров. Он же был и моим конвоиром. Немолодой уже ярославец, растратчик, побывавший

до этого каптером. Свою философию Майоров формулировал так:

— Живи как знаешь, только не за счет своего брата, зэка. Умный каптер проживет, и кого надо прокормит, не тронув и крошки из общего котла. Лагерь не обеднеет. И чего, скажи, его жалеть? Только ушами не хлопай.

Он-то «ушами не хлопал». Привезли сахар. Один мешок был слегка залит сверху нефтью. Майоров вызвал комиссию. Составили акт, что «...сахар в количестве 80 кг не пригоден в пищу и в присутствии комиссии спущен в реку Сыню». Никто и не думал его туда спускать. Съели за милую душу.

В бухгалтерии однажды долго смеялись над таким актом: «Мы, нижеподписавшиеся, каптер Майоров, комендант Попов и боец ВОХР⁴⁰ Ивков... сего числа обокрали базу». Разумеется, это была описка: в стандартном тексте авторы пропустили слова «составили настоящий акт в том, что», дальше было написано: «Проходящий этап взломал заднюю стенку и похитил...» Но описка была на редкость близкой к истине. Майоров, пожалуй, мысленно благодарил этапников, отодравших несколько досок. Они успели взять сущие пустяки, а уж он вписал в акт то, что ему нужно было. Благо главный свидетель, единственный «вольняшка» Ивков, подписывал акты, не читая.

Выдавая что-нибудь из каптерки, Майоров имел обыкновение приговаривать: «Пейте мою кровь, она теплая и алая». От каждой выдачи кровь у него только прибывала, румяня круглое лицо. Поговаривали, что он через вольных коми переправлял деньги домой.

Когда пришло распоряжение, запрещающее держать в должности каптеров лиц, осужденных за хищения, начальство с большой неохотой передало каптерку другому, а Майорова назначили комендантом.

В этой собачьей должности он показал себя настоящим дипломатом, умеющим угодить начальству, не притесняя заключенных.

⁴⁰

Военизированная охрана

И вот теперь его переводили на Рейд начальником УРЧ⁴¹. Поручили попутно доставить и меня на вахту Усть-Усинского ОЛПа.

На довольствие меня не успели зачислить, и я утром пошел в каптерку получить свой хлеб по аттестату. Каптером тут оказался знакомый мне по Вавилону Семен Филиппович Волков, плотный коренастый человек, лет за сорок, с немного кривыми ногами. В этапе он никогда не расставался с фанерным ящиком, в котором лежала скрипка. Она-то и избавила его, КРТД, от общих работ и привела в каптерку. В Усть-Усе было много лагерного начальства, жаждавшего развлечений. Волков играл в струнном оркестре, состоявшем из трех человек. Были еще гитара и мандолина.

Продкаптерка была низенькая, расползшаяся, со всякими пристройками. Волков сидел всегда в кабинке, обложенный ордерами и карточками, — вел свой учет сам, никому не доверяя. «Самое главное, — говорил он, — знать всегда, сколько должно быть, тогда и будет столько». Выдачей продуктов чаще всего занимались два сторожа: грузин и армянин. Два маленьких бородатых старичка, как два гнома, копошились в полутемной каптерке. Из всех углов зеленым блеском мерцали кошачьи глаза. Кошки, которых Волков развел, были «ушлые». Даже ночью они из каптерки не выходили, как будто знали, что рискуют угодить в котелок к ээкам.

На кухню Волков и дороги не знал, полагающейся ему порции не получал. Кто-то из гномов, тут же на печке, готовил ему еду. Около него кормились и сами старички. Да не только они одни.

В определенные часы некая особа из женского барака с пустыми торбочками под телогрейкой, пробежав по шаткому деревянному настилу, ныряла в низкие двери. Тотчас кто-нибудь из сторожей вешал снаружи замок. Особа возвращалась в барак заметно пополневшей. Нарядчик, комендант и еще кое-кто

41

Учетно-распределительная часть (лаготделения, колонии)

паслись у Волкова в каптерке. Это было в порядке вещей. О Волкове говорили: «Правильный каптер!»

Когда пришло время Волкову освободиться, каптерку передали одному венгру. Это был стройный старик с хорошей осанкой, румяными, всегда чисто выбритыми щеками и аккуратно расчесанной бородой. Волков был неряшлив, а венгр даже лагерное обмундирование носил с изяществом. Говорили, что в 1919 году он был генеральным прокурором первой Венгерской народной республики, сподвиж-
42,43 ником Тибора Самуэли⁴² и Белы Куна⁴³.

В первый же день после ухода Волкова утром эски выбегали из бараков, привлеченные невиданным ранее зрелищем: неся хорошо вычищенный алюминиевый котелок, новый каптер сам шествовал на кухню за своей порцией каши. Повторилось это в обед, ужин и во все последующие дни. Неслыханное поведение каптера шокировало ревнителей лагерных традиций.

Через некоторое время каптерку покинули два гнома-сторожа, которых теперь не подкармливали: им не обязательно было работать — они были
44 «активированные»⁴⁴ инвалиды. Затем куда-то исчезли кошки. То ли с голоду погибли, то ли разбежались, предпочитая быть съеденными, чем умереть голодной смертью.

Заговорив о прокуроре Венгерской республики, не могу не рассказать еще о двух его компатриотах.

Это было в 1937 году, в начале моей лагерной жизни, на Крутой. На Кирпичный завод, где я был в то время, пришел начальник штрафной командир-
45,46 ровки⁴⁵ Вой-Вож⁴⁶. Настоящая фамилия его была

42 Тибор Самуэли (1890—1919) — венгерский политический деятель, один из основателей Венгерской коммунистической партии.

43 Бела Кун (1886—1938) — венгерский и советский политический деятель. В 1937 году был обвинен в контрреволюционной террористической деятельности. В 1938 году расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР.

44 Заключенные, о которых составлен специальный акт о невозможности их использования на работах.

45 Лагерное подразделение для заключенных, подвергнутых наказанию с жестким режимом содержания.

46 Поселок в Коми АССР, входил в систему Ухтпечлага.

Шенбрунн, но урки его перекрестили, все называли его Шурум-Бурум. К нему посылали «злостную отрицаловку»⁴⁷. Он самолично творил суд и расправу. Самые отпетые боялись его.

— Шebutной, — говорили о нем чуть ли не с восхищением, — ну и шурует⁴⁸, правильно шурует! У него не пофилонишь. Всех — в лес. Не принесешь от десятника писульку, что норма схвачена, — не приходи в зону: так вздрючит, дай боже!..

Мы всегда были рады приходу Шурум-Бурума. Гнет безвинного заключения, тяжесть первых лагерных месяцев, проведенных на тракте Чибью — Крутая, похожих на кошмар, давили нас. А он появлялся всегда веселый, шумливый, к тому же охотно угощал куревом. Пока он с нами балагурил, мы успевали дважды у него закурить. Да и ему после своих урок было, как он несколько старомодно выражался, «приятно побеседовать с людьми своего круга». Ходили слухи, что когда-то он был активным революционером, на чем-то споткнулся, сидел уже много лет, колонизировался и превратился в старого лагерного волка.

Кто-то сказал Шурум-Буруму, что на Кирпичном есть его земляк. Янош работал плотником на строительстве техсклада. Несколько лет тому назад, он, коммунист-подпольщик, бежал из Венгрии диктатора Хорти⁴⁹, где ему грозила смерть. Жил в Советском Союзе на положении политэмигранта. Теперь — у него страшная формулировка «КРТД». Таких полагается держать только на общих тяжелых работах. Болезненный, он страдал от непосильного труда на морозе. Темные и грустные глаза его казались особенно большими на худом маленьком лице. Застенчивый, молчаливый и очень одинокий был человек.

⁴⁷ Заключенные, отказывающиеся работать.

⁴⁸ Делать что-то быстро, шустро.

⁴⁹ Миклош Хорти (1868—1957) — правитель (регент) Венгерского королевства в 1920—1944 годах, вице-адмирал.

Шурум-Бурум обрадовался земляку. Ему без труда удалось перевести Яноша к себе в Вой-Вож. Как лучше устроить своего человека? Ну, конечно же, назначить его каптером. И тепло, и сытно, и мухи не кусают. Работа — не бей лежачего. Пусть себе срок идет. В каптерке можно как-нибудь прокантоваться до звонка.

И вот Янош расстался с проклятыми общими работами. С мороза попал в тепло, из барака-шалмана — в отдельную кабинку. А кругом — хлеб и крупы, сахар и треска, масло хлопковое. Ешь — не хочу. И он, изголодавшийся Янош, всему этому добру хозяин.

Но «хозяин» повел себя странно. Кормился с кухни, как и заключенные. Кипяток пил без сахара — а рядом мешок полный, — ждал, когда счетовод в конце месяца выпишет всем «каптерское», тогда и он возьмет свои двести граммов.

Боялся на грамм обидеть товарищей. Порции хлеба вешал как можно точнее. Строгал палочки, прикалывал ими самые мелкие довески. Над каждой крупинкой дрожал. Просыплется ли, попортят ли мыши, он все сметет, соберет. Но как же грязное в мешок обратно сыпать? Нельзя! И он все сметки в тазу с водой перемоеет, высушит, просеет. Продукты на кухню отпускал точно по весу. Повара привыкли, что им всегда недовешивают. Ну как же! Каптеру тоже надо жить. А начальнику? Дай! И нарядчику — дай! И коменданту — дай! А это чудной каптер.

Повар жаловался:

— Какой-то он чокнутый, блин буду! В натуре! Были же каптеры. Не одного я пережил. Придешь получать по ордеру — раз-раз и в матрас. А этот? Вот резину тянет, вот тянет. Поставит на весы и ждет, пока носик с носиком не поцелуются. Моя бацилла такого не выдерживает! Счетоводы, они же падлы, с граммами выписывают, а у него гирь мелких нет, так он, пидер, камушки подобрал — десять, пятьдесят грамм! Туда положит, там снимет, кишки из меня, сука, тянет.

Нужны мне его граммы! Да я бы ему кило, два кила оставил, слова не сказал бы.

Он сам убирал каптерку, топил печку. Кусочникам, охотникам пошестерить, подлататься от него ничего не перепадало. Шипели: «Жмотничает, сам, падло, жрет, а другие соси...»

Комендант, нарядчик и другая челядь, которой не стало ходу в каптерку, возненавидели Яноша той лютой ненавистью, какой вор всегда ненавидит истинно честного человека как постоянный укор себе. «Честняга нашелся!» Открыто нападать на него не решались — боялись Шурум-Бурума, а исподтишка пакостили.

И работяги, о которых он печалился, чтобы им больше в котел попало, и те смеялись над ним, не верили ему. Его скромность им казалась подозрительной. «В заглашник, змей, прячет, темнит». Искали случая «закосить» у него пайку, украсть продукты. А он ночи не спал, пересчитывал, перевешивал. И обсчитать боялся, и недостачи страшился. И одиночество мучило: от работяг ушел, а к придуркам не пристал — чужой он им.

Впоследствии Шурум-Бурум с неподдельным возмущением рассказывал:

— Нет, братцы, скажу я вам, нельзя делать добро людям. Видал я фраеров, сам фраером был, но такого фраеревича не встречал. Ну, скажите, чем ему у меня была не житуха? Шутка — каптер, земляк и друг начальника! Я своей хевре сказал, чтобы выполняли его распоряжения, как мои собственные. Вижу, что он такой ненормальный, так у него грамма не брал — без него проживу. А он чем за добро отплатил? Под третий отдел чуть не подвел! Послушайте только, какой он номер выкинул. Приходит ко мне и говорит: «Сними меня с каптеров, не могу я больше». Я ушам своим не верю: «Тебя кто обидел? Ты только скажи, я с ним расправлюсь, как повар с картошкой». «Нет», — говорит.

«Недостача у тебя?» «Нет», — отвечает.
«А и будет, так все спишем. Пока я жив, ты обеспечен. Не чуди, иди работай». Прошло сколько-то дней, нахожу у себя формальное заявление: «Если через два дня вы не укажете, кому передать каптерку, я покончу жизнь самоубийством». Я — в смех. А он на самом деле в петлю залез. Хорошо — увидели.

И снова Янош появился у нас на общих работах. Глаза его стали, кажется, еще больше. Он двигался по лагерю печальный и отрешенный, так и не усвоив ни одного из его волчьих законов. Постепенно он стал доходить. Осенью мы с ним попали в один этап. Меня направляли на Воркуту, а его ссадили из баржи в Адаке — лагере для инвалидов. Там он, наверно, совсем дошел.

Прошло много лет, а передо мною всегда стоят печальные глаза Яноша, одного из тех праведников, без которых жизнь была бы куда менее привлекательной, Яноша, добровольно отказавшегося от хлебной должности каптера.

1964 г.

ФИЗИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ

⁵⁰ 1942 год. Кожва⁵⁰

Пригнали этап новеньких. Один туляк узнал среди прибывших своего следователя. С трудом вырвали истерзанного энкавэдэшника⁵¹ из рук его бывшей жертвы. Я разговорился с ним:

— Ну, а вас-то за что?

⁵² — В решении ОСО⁵² сказано: «За физические методы ведения следствия».

⁵⁰ Поселок в Коми АССР, входил в систему Воркутлага.

⁵¹ Сотрудник НКВД.

⁵² Особое совещание при НКВД СССР. Действовало с 1922 по 1953 год как внесудебный орган. Особое совещание имело право выносить приговоры о тюремном заключении, ссылке или высылке обвиняемых, а также о применении других мер наказания. В 1941—1945 гг. могло приговаривать к смертной казни.

- Неужели? Ай да хорошо!
- Пусть будет по-вашему. Скажу вам по секрету, мои следователи ох и мордовали же меня, пока я не сознался, что выбивал нужные нам показания.
Его определили в КВЧ — инспектором культурно-воспитательной части.
1964 г.

«БО ВБЫТЬ ТРЕБА»

1938 год. Вавилон

У него была тонкая шея и большой нос бульбой. Он легко обморазивался, и я помню этот нос всегда фиолетовым и вспухшим. Звали его Беня Гульштейн. Шорник из Умани. Дома оставил кучу детей. Тосковал.

Оживлялся, объясняя тонкости шорного дела. Просвещал нас, профанов, не знавших разницы между польской и английской упряжью. Достал у конюха кусок сыромятины, ушивальник, швайку и показал, какой она может быть изящной, шорная строчка. Артист! А его заставляли дороги в снегу топтать...

Спросил я его как-то:

- Беня, за что вас посадили?
- За что, за что? Как будто всегда сажают «за что». — Помолчал, подумал, а потом продолжил: — Случилась раз такая история. Завелся в одном селе конокрад. Да такой вредный, спасу нет. Что ни ночь, коня уводит. Никакие замки не помогают — а уж до чего хитроумно их делали в своей кузне! Беда! А вы знаете, что такое для мужика коняка? Это — все. Без коня он уже не хозяин, а пропащий человек. Страх пошел по селу. Ночи не спали, сторожили. И словили конокрада. Кто ж это был, по-вашему? Нет, не цыган какой, не чужой, а свой же, сельский — кузнец. Собрался сход. Шум... Гвалт... Страшное

дело! Самосуд, одним словом. «Вбыть!.. Вбыть!..» — кричат. Смерть пришла кузнецу.

Процается он с белым светом. Уж подступают к нему озверелые мужики. Уж занесли над ним цепи, дыны, обарки...

И тут вдруг выскочил незавидный мужичок и писклявым голосом закричал: «Громада, дозвольте слово сказать! Вбыть треба! Беспременно вбыть! Так-то так, а дальше як? Коваль у нас один. Чи коня пидкувать, чи плужка або воза полагадыть — як без коваля? А вбыть треба! Так ось що, людэ добри, в сели у нас два шевця, то давайте одного и вбьем. Бо вбыть треба».

— И убили сапожника... Вот и меня, как того сапожника... «Бо вбыть треба». Другой вины не знаю...
1964 г.

ЦЕНЗОР

1939 год. Запань «Сынянырд»

Обязанности цензора у нас исполняла жена начальника. Совсем еще недавно она сама была заключенной, известной в своей среде под кличкой Машка-хипесница. Болтали, что на сокровенных местах у нее имеется наколка, гласящая о готовности умереть за горячие любовные утехы. Но теперь она вольная, приехала к терпеливо ждавшему ее освобождения бывшему блатному Мирке, вот уже больше года ставшему «гражданином начальником».

Жили они в маленьком бревенчатом домике на самом берегу Сыни. Мария Павловна — так теперь звали бывшую хипесницу — была единственной женщиной на запани. Хозяйства она не вела — их обслуживал по совместительству сапожник Ваня Тихонов, — времени свободного некуда девать, и она сильно скучала. Почти ежедневно она приходила к нам в барак. Ей был мил барачный воздух и вид вагонки. Положение не позволяло ей водить компа-

нию с «пятьдесят восьмой». Но с нами жил и «свой» Серега, парень низкого роста, видимо, много битый, с лицом, о каком говорят, что на нем черт горох молотил. У него была завидная должность курьера. Он носил почту за шестьдесят километров в Усть-Усу, где были расположены Управление Райлага и пересылка.

С ним Мария Павловна отводила душу. Заберется на нары и часами слушает его рассказы о том, кого он по пути и в Усть-Усе видел. Что там еще выкинула Катька Лысикова. Кто загремел на Воркуту. Кто припухает на пересылке⁵³. Кто ссучился, а кто еще держит закон. Наговорившись всласть, она, вздохнув, слезала с нар и скучная, уходила в свой домик, как в изолятор.

К своим служебным обязанностям Мария Павловна рвения не проявляла. Говорили, что наши письма, которые мы сдавали открытыми, она отправляла не читая. Неинтересно! Ну что мы могли такое написать, чего она не знала? А вот письма с Большой земли она перечитывала самым внимательным образом. К ним ее привлекал особый интерес.

Страшная была тогда пора. На воле свирепствовало поветрие отступничества: брат от брата, отец от сына, дети от родителей, мужа от жен. То и дело газеты печатали письма жен, отрекавшихся от своих бывших мужей — «врагов народа».

Некрасов воспел жен декабристов, последовавших за своими мужьями в сибирскую ссылку. Мы и сейчас преклоняемся перед их памятью. Но в те времена жены героев Сенатской площади пользовались сочувствием даже в великосветском обществе. Сибирские губернаторы помогали Волконской и Трубецкой добираться до своих мужей. И, наконец, им не приходилось добывать себе средства к существованию, хлеб для своих детей.

Через сто с лишним лет Россия далеко шагнула вперед. Таких жен было в тысячи раз больше, и сочувствие к ним каралось. Их сторонились

⁵³

Пересыльный пункт, пересыльный лагерь, пересыльная тюрьма.

и шельмовали. Их лишали работы, выселяли из квартир, из больших городов, у них отбирали детей и отдавали их в приюты. «Отрекитесь!» Непокорных арестовывали. Так появились специальные лагеря и формулировка «ЧСИР» — член семьи изменника родины. Не бросим же камня в тех, кто не устоял в этой неравной борьбе. Они тоже жертвы...

Каждая очередная почта в то время приносила черные вести: одному — что жена просит больше не писать, другому — что она «возвращает ему свободу», третьему — что она уже вышла замуж за другого.

Вот тут-то наступало время торжества Марии Павловны. Раздав рядовые письма, она приберегала к концу эти — зловещие. И вручала их в присутствии всего барака. Взобравшись на скамью, она громко возглашала:

— Иванов, на, получай, твоя тоже скурвилась!

Глаза ее в это время сверкали хищно и победно. Злорадство было в голове и во всей напряженной фигуре. Она в эту минуту расплачивалась за унижения, которые терпела от презиравших ее когда-то «честняг».

Есть свои радости и в скучной должности цензора.

1965 г.

РАСКОЛОЛСЯ

Говорят, что в каждом человеке таится коллекционер. Такая слабость недавно обнаружилась и во мне. Я начал собирать лагерные и тюремные слова. В лагере было не до того, а теперь, через много лет, вдруг стало жаль, что это языковое богатство ускользает из памяти и пропадает. Среди этих слов и выражений есть удивительно сочные, меткие, ярко освещающие время и среду, их породившие. «Вридло» — временно исполняющий должность лошади; «деревянный бушлат» — гроб; «подохни ты сегодня, а я завтра», «доходяга второго

срока», «фитили» — никакое сухое исследование не в силах рассказать то, что расскажут эти и подобные им слова.

Филологам, конечно, давно известно стремление уложить новое понятие в старые, уже отлитые словесные формы. Взять слово «параша». Уходя из тюрьмы в этап, заключенный унес и его с собой. Только тут оно приобрело другое значение. Парашей в этапе и лагере называли всякий непроверенный, несбыточный слух: о якобы готовящейся амнистии, массовом пересмотре дел, переводе всех на вольное поселение и прочем. На выбор этого слова повлияло созвучие с выражением «по радио». «По радио передавали» — парашу передавали. Но одновременно здесь содержится намек на то, что такой слух придумал, или, как говорили, «пустил», человек, сидя на параше — тюремном сосуде ассенизационного назначения, и, дескать, цена такому слуху соответствующая. Чувствуется тут и общее недоверие к радиосообщениям того времени.

Много таких слов добыл я из своей памяти. Вспомню — запишу на листочек. Собралось их у меня изрядно. Как будто ничего не пропустил.

Однажды я решился показать свою маленькую коллекцию моему другу, Григорию Абрамовичу Смелянскому. И оказалось — пропустил...

С Григорием Абрамовичем я познакомился в сорок втором году на Воркуте. Попалась мне на глаза записка, присланная им своему товарищу. Меня поразил почерк, не похожий ни на один до этого виденный. То была готика, но без ее колющей остроты. Вспомнился великолепный шрифт знаменитых лейпцигских изданий Гейне. С точки зрения каллиграфии ни одной правильно написанной буквы. В каждой, казалось, бьется, стремясь вырваться, изошренная мысль. Что ни буква, то лабиринт. И при этом ни одной писарской завитушки и редкое чувство стиля. Ровные строчки извилистых букв на цементной нелинованной бумаге, но одинаковой высоты и под одним углом написанных.

Я решил во что бы то ни стало познакомиться с обладателем такого необыкновенного почерка, который, я был в этом уверен, и сам должен быть человеком незаурядным. Случай к этому скоро представился. Я попал на «Капитальную». В коридор шахт-комбината стремительной походкой вышел Григорий Абрамович. Немыслимая, какого-то двадцать седьмого срока гимнастерка без пуговиц, неподпоясанная. Из раскрытого ворота выпирают острые ключицы. На ногах незашнурованные кордовые бахилы из автомобильных покрышек. Громадные, неуклюжие, они за сходство с мощным трактором носили название «ЧТЗ»⁵⁴. Коротко остриженная голова. Страдальческие складки вокруг широко открывающегося в разговоре беззубого рта. Неровная речь, запинаясь. Казалось, что пока речевой аппарат успевает облечь в слова одну мысль, ее настигала вторая, более точная, а там еще и еще. Великолепный русский литературный язык, который только выигрывал от вкрапленных со вкусом и произнесенных со смаком словечек из лагерного жаргона.

Личное знакомство с Григорием Абрамовичем усилило впечатление, произведенное его почерком. Но говорить с ним было легко. Его интеллект не подавлял, а подымал в тебе то, что лежало придавленным под тяжестью лагерного быта. После каждой встречи и беседы я чувствовал себя так, как если бы принял душ или из вонючего барака был перенесен на горную, лесистую вершину и подышал свежим воздухом.

Биографии наши не были похожи. Он никогда не был ни в партии, ни в комсомоле. И вообще никакой политической деятельностью не занимался, считая, как мне кажется, что есть более высокие ценности, на которые стоит тратить так скупое нам отмеренное в этой жизни время. Ровесник века, он с детских лет жил в мире книг. Еще юнцом он на равных правах с известными учеными читал рефераты в семинаре по философии. Окончил

один из лучших тогда киевских институтов и работал экономистом. Как-то, еще в Воркуте, мы заговорили о том, кто за что сидит. Григорий Абрамович сказал: «Есть три вопроса, на которые я до сих пор не могу найти ответа: первый — возникновение мироздания и жизни во вселенной, второй — природа антисемитизма, и третий — за что меня арестовали».

И вот сейчас, через много лет, Григорий Абрамович перебирает листочки моей картотеки. Внимательно прочитав все записи, он вдруг воскликнул:

— Позвольте, позвольте, а где у вас слово «расколоться»? Нет? Ну как же так? Это — почти первое слово, какое узнавал человек, попадая в тюрьму. Люди, чуждавшиеся блатного жаргона, строгие пуристы употребляли его потому, что нет в русском языке другого слова, так точно передающего внутренний смысл события. В этом слове заключена глубокая этическая и психологическая проблема нашего времени. Ах да! Вы ухитрились сесть в тридцать шестом, на год раньше меня. Отхватили себе свои пять лет, как говорят, не хворамши, не бодемши. С вами следователи на «вы» разговаривали. «Стойка», «конвейер» для вас не больше как технические термины, а у меня, при одном только воспоминании, начинают ныть кости и тупеет мозг. Да знаете ли вы хоть значение слова «расколоться»?

— Знаю, — ответил я. — Сознаться на допросе, перестать заперяться, упорствовать; выдать сообщников; подписать все, что требует следователь.

— Верно, — подтвердил Григорий Абрамович, — но только приблизительно, весьма приблизительно. Все это сложнее. Давайте посмотрим, что по этому поводу говорит словарь. Вот оно: «Расколоться — разделиться на части от ударов чем-нибудь острым, колющим». От ударов... Чувствуете?

Не просто сознаться, а от ударов, тут уж не важно чем — острым или тупым, хотя следователи предпочитали второе — тупым. Да! Это главное — от ударов. Разделиться... раскрыться... обнажиться... вывернуться наизнанку...

А теперь подумаем: кто пустил это слово в его новом значении? Не кажется ли вам, что это был следователь? Это он мог, делясь своими затруднениями, когда заключенный упорно не подписывал заготовленные признания, сказать: «Эх, и попался мне твердый орешек, но ничего, он у меня расколется».

— Следователь... — продолжал он. — О происходившем в те времена в кабинете у следователя наша литература еще ничего не сказала. Дьявольская смертоносная логика и сокрушенная, растоптанная человечность. Ничего человеческого и в самом следователе. Это — машина. Глаза... У каждого человека, самого злого, самого жестокого, есть глаза. В них можно заглянуть и где-нибудь на самом дне увидеть живые искорки. А тут — пустые впадины. Уши... У каждого человека уши слышат. У него же они воспринимают только то, что он хочет от тебя услышать. Самая сокровенная твоя искренность, живая твоя душа, поданная ему на ладонях, не вызывает в нем никаких эмоций. Есть такое выражение «до лампочки», в смысле абсолютной бесполезности твоих обращений. В киевской Лукьяновке его переделали в «до с...» — это по-украински та часть тела, которая в русском начинается с буквы «ж». Но и это слабо отражало совершенную безнадежность вызвать человеческий отзыв на твои слова. И тогда родился термин «ДБС» — «до большой с...». Многие часы, проведенные мною у следователя, сливаются во что-то иррациональное. Мне все время хотелось сбросить с себя этот вязкий кошмар. Хотелось

крикнуть: «Такого не может быть!» Помню, что я шептал тогда почему-то украинское слово «нисенитныця», то есть чепуха, несусветица... Вспомнишь об этом и наплывает гнетущая смута.

Григорий Абрамович надолго замолчал.

Лицо его как-то посерело. Глаза заволокло. Наконец он привычным движением языка утвердил на месте сползающий зубной протез и, как будто возвратившись издалека, продолжал:

— Процесс раскалывания начинался задолго до того, как ты попадал на допрос к следователю. Тебя выдерживали несколько недель в камере. Камера... Только мучительный гений Гойи мог бы изобразить ее такую, какую я увидел ее впервые. Зыбучая масса голов, раскрытых, тяжело дышащих ртов, полураздетых тел, притиснутых друг к другу. Шевелящаяся серая масса. Клоака... Меня туда не вводят, не бросают, а втискивают, чтобы закрыть за мною дверь.

Не могу удержаться от слов восхищения перед организующей силой человеческого таланта. В камере был староста, в прошлом партийный работник. Он обладал непостижимым даром организовать, упорядочить наш примитивный быт. С одним ему ведомым искусством он умудрялся всю эту массу, едва умещавшуюся в вертикальном положении, укладывать на ночь спать, разумеется, на боку. По его команде все одновременно поворачивались. Был он полным диктатором, и все охотно ему подчинялись.

Обитатели камеры... Такие все разные, но все одинаково обреченные. При мне никто из них не вышел на волю. А ведь многим она была обещана за «чистосердечные признания». По-разному добывались признания эти. Старых коммунистов, свято веривших в идею, убеждали, что подsunутые им фантастические измышления нужны в высших интересах партии, не подлежащих пока оглашению: «Наверху знают, что делают».

Людей, болезненно привязанных к семье, запугивали угрозами арестовать близких родных. Одним читали поддельные показания мнимых сообщников: «Видите, они вас не пощадили, почему же вы с ними церемонитесь?» Другим внушали, что они жертвы зловредных козней. Уговоры, посулы, страх, истязания физические и душевные. Удары... Удары...

Чтобы расколоть тыкву, ее бросают оземь. По ореху бьют молотком, зажимают в щипцы. В детстве мы защемляли орехи между дверью и косяком, топтали каблуками. Только бы расколоть... Так ведь то был орех. Природа создала его в твердой броне. А человек сколочен не очень крепко. Природа не рассчитывала его на раскалывание. Для того, что называется нашей душой, нужна была бы более крепкая и совершенная оболочка...

Тема о расколовшихся... Она вводит в суть человека, в суть нашей эпохи, где действуют слова: диктатура, произвол, насилие. Для человековедения те годы дают неисчерпаемый материал, но сам человек выглядит в нем не очень гордо...

По-разному вели себя расколовшиеся. Одни пытались прикрыть свою наготу цинизмом:

- Я такого наговорил, что ни один нормальный человек не поверит.
- А я перехитрил следователя — назвал своими сообщниками в двадцать седьмом году ныне умерших.
- Почему мы одни должны страдать? Чем больше людей арестуют, тем скорее это кончится. Я назвал всех знакомых мне активистов.
- Расколосся, братцы, ничего не поделаешь. Сказано ведь: «Бытие определяет сознание». Красавец украинец, диаматчик. Вернулся однажды в камеру победительно сияющим:
- Я выторговал у следователя — вместо восьми я сообщу ему только троих сообщников. Агроном из Облсельхозуправления был несколько дней мрачен, и вдруг воскликнул:

— Эврика! Нашел! вспомнил о пожаре мельницы в Барышевском районе. Скажу — это моя диверсия.

Мой профессор международного права.

Обрусевший немец. В двадцатых годах, когда все носили деревяшки на ногах и костюмы из мешковины или хаки, он являлся в институт в черной паре и крахмальном белье. Теперь я его едва узнал, грязного и обросшего. Каждый день, как на службу, он отправлялся к следователю и писал о немецкой организации в Киеве. В камере он забивался в угол и просил не мешать ему. Он должен обдумать, что он завтра будет писать. Таких тогда называли «романистами». Запишите себе и это слово.

Были в камере и другие, чьим мукам я особо сострадал. Эти молчали. После своего падения — хотя, не знаю, подыметесь ли у кого рука бросить камень осуждения в этих страстотерпцев — душа их была опустошена. Расколотый орех уже не орех. Разграблена, выедена, запакощена сердцевина. Осталась никчемная скорлупа... мусор.

Потухшие глаза, безучастность ко всему.

Нет! Не ко всему. Я видел, с каким болезненным интересом они следили за теми, кто еще не раскололся: «Когда же они сдадутся? Наверно, их просто не мучали так, как нас. Разве может человек все это выдержать? Или мы действительно жалкие черви?» Каждый следующий расколовшийся как бы брал на себя, снимая с них, часть непосильной ноши, которой они были раздавлены. Им становилось легче. Это служило крохотным оправданием, утешением, чуточку возвращало уважение к себе, без которого жить невозможно.

Когда я возвращался с очередного допроса, они бросались ко мне:

— Ну как?

— Нет, — отвечал я. Они отшатывались, как если бы я им нанес пощечину.

Однажды вечером — на допросы всегда вызывали поздно вечером — открылась камера:

— Кто тут на букву «СЭ»? — спросил надзиратель, заглядывая в бумажку. Дошла очередь до меня.

— Выходи!

...Поздней ночью меня внесли обратно в камеру. Очнувшись, я увидел склоненные над собой участливые лица тех расколовшихся, о которых я вам сейчас говорю. Это они перенесли меня от зловонной параша, куда меня бросили надзиратели. В невероятной тесноте камеры они освободили для меня уголок у стены — литерную ложу, как говорили камерные остряки, — двоим пришлось из-за этого стоять. Они смачивали мои изуродованные губы, поили водой, кормили с ложки, пока я полностью не пришел в себя. Все же, скажу я вам, наибольшая краса земная — добро людское. Да еще когда его творят на фоне человеческого зла, звериной люти, вулканический взрыв которой я в ту ночь испытал. Они обо мне заботились, как о брате родном. И все время я читал в их глазах немой вопрос. Наконец они его задали:

— Ну как?

— Расколосся, — сказал я и увидел их просветлевшие лица.

Григорий Абрамович виновато улыбнулся:

— Я им солгал. Я не мог сказать правду.

Следователь в эту ночь вынужден был закончить следствие, так и не добившись от меня чудовищных оговоров. Но они, мои братья еще по одной Голгофе, позорящей человечество, никогда этого не узнали.

1963 г.

ВАГИН

Нас высадили из баржи на неприветливый берег Выми. Его унылость не в силах была скрасить и первая снежная пороша. Позади остался Котлас — ворота в бескрайний Ухтпечлаг. В громадных пакгау-

зах сортировали «товар», выгружаемый круглосуточно из столыпинских и телячьих вагонов.

Это было 8 октября 1936 года. Я запомнил этот день, потому что с этой даты начинается мой лагерный стаж. Многие годы на генеральных проверках и перед каждым новым этапом я должен был отвечать:

- Статья?
- КРТД.
- Срок?
- Пять лет.
- Кем осужден?
- Особым совещанием.
- Начало срока?
- Двадцать третьего июня тысяча девятьсот тридцать шестого года.
- С какого времени в лагере?
- С восьмого октября тысяча девятьсот тридцать шестого года.

На пристань проходили мимо штрафного изолятора. Я его увидел впервые. Пустое пространство, огороженное колючей проволокой на высоких столбах. В этой клетке, как дикие звери, метались и бешовались урки. Вид обеспеченных фраеров, с чемоданами и корзинами, добротнo одетых, таких близких и недосягаемых, выводил из себя голодных блатных. Они долго бежали вдоль колючей проволоки зоны, выкрикивая:

- Га-а-а-а, троцкисты, в рот, горло, нос пиханные! Вы нашего Кирова убили, вы нашего Сталина хотели убить! Не расстреляли вас, гадов. Ничего, в лагере вам дадут жизни, подохнете все, падлы!

...Усть-Вымь. Нас куда-то долго вели и поздно вечером загнали в какое-то строение с загородками. Утром выяснилось, что мы ночевали в конюшне. Мой случайный сосед по кормушке, куда мы накануне в темноте забрались, произнес:

- Спаситель тоже начал свой земной путь в яслях. Не ждет ли и нас впереди Голгофа?

Еще один переход. Ночевка в землянке. По крыше, над нашими головами, ходит охрана. Она уже не в шинелях, а в бушлатах. Во время перехода, на остановках, когда нужно пропустить встречную партию или дождаться отставших, нас заставляют садиться. И как будто нарочно выбирают для этого лужи. На слабые протесты отвечают похабной бранью, а то и прикладами. Это уж нас конвоируют охранники, набранные из среды заключенных, так называемых бытовиков — «друзей народа» — попросту уголовников.

Наконец нам объявили, что мы направляемся в Чибью.

— Идти далеко: двести сорок километров. Вещи сложите, их повезут за вами на машине.

Я взял с собой оставшиеся у меня несколько кусков сахара, полотенце, кружку, ложку, а рюкзак со всеми носильными вещами бросил в общую кучу. Через восемь месяцев, на Крутой, нас вызвали опознавать свои вещи. Перед нами лежали какие-то грязные тряпки. Ничего своего я там не нашел. Тут мы впервые услышали слово «раскурочили», иначе говоря — разграбили. Так с первых дней в лагере я стал легким пассажиром, необремененным вещами.

Многие же, однако, не столь легковверные или более привязанные к своему имуществу, потащили вещи на себе.

Раздалась команда: «Стройся!» Начальник конвоя прочел «молитву» — вступление к каждому переходу: «Этап, внимание! В пути следования не растягиваться. Шаг вправо, шаг влево считается за побег. Конвой применяет оружие без предупреждения». Мы вышли на тракт Усть-Вымь — Чибью.

Небо было серое, падал ленивый снег. Когда колонна сильно растягивалась (среди нас были старики и больные), конвой останавливал передних и штыком подгоняли отставших. Так этим беднякам и не удавалось отдохнуть. Едва они достигали основной группы, этап двигался вперед. Тут-то им и доста-

валось. Постепенно они освобождались от вещей, бросая их в боковые канавы.

Но некоторые обладатели тяжелых рюкзаков, чемоданов и даже свертков с пуховыми кавказскими одеялами сохранили свое добро. Спрос рождает предложение. Нашлись кули. Из тех этапников, у кого вместо продуктов был неутолимый аппетит. За небольшую плату натурой они несли чужие вещи.

Среди «бобров» — так называли состоятельных этапников — был и Вагин. Невысокого роста, с бородкой и усами, из которых выглядывали ярко-красные губы, всегда почти сложенные в сладкую улыбку. На нем было коричневое шевровое пальто. Шел он налегке. Принадлежащие ему вещи несли другие.

В первые дни этапа у меня еще не было знакомств, и я каждый раз шел рядом с другими людьми. Однажды я оказался сзади Вагина. Из его рассказов я узнал, что он ранее работал в каком-то торгпредстве. Рядом с ним шел человек в тяжелом драповом пальто, Кузнецов, ресторанный повар.

— А чем бы нам сегодня позавтракать? — спрашивал Вагин, потирая руки, как если бы он только что уселся за ресторанный столик и рассматривал карту кушаний.

Кузнецов, изображая метрдотеля, предлагал то одно, то другое.

— Нет, это натошак будет тяжеловато. И полагаю, что сперва опрокинем в себя... закусим... А то можно взять...

Кузнецов советовал другой набор блюд.

Вагин снова отвергал и требовал десяток других. Он был неистощим. Часами они могли обсуждать завтрак.

— Ну, а теперь, кажется, пора и пообедать, — и опять бесконечное перечисление вин и блюд в разных сочетаниях.

«Пообедав», Вагин лакомился мороженым, но уже не вымышленным, а собственного приготовления. Клал в рот кусок сахара, всегда находившегося в кармане, нагнувшись, зачерпывал серебряной

ложечкой снег с обочины и смаковал, победно поглядывая на соседей. Я что-то не видел, чтобы он угощал своим мороженым метрдотеля. Кузнецов после утомительного дня довольствовался вонючей липкой треской, слегка ошпаренной кипятком, да кашей из ржаной сечки.

Дни тянулись унылые, как и тракт, по которому мы шли. Ничего вокруг, на чем бы мог остановиться глаз, да и притуплялась способность к восприятию картин природы. Передвигаешь ноги, не чая дожидаться спасительного станка. Вот и замаячило что-то впереди. Самые сильные вырвались вперед, захватили лучшие места на нарах, поближе к печке для себя, для «бобров», которым уступят их за подачку, а слабые и старики останутся на полу у входных дверей или под нарами. Тяжелый сон и снова знакомая молитва «шаг вправо, шаг влево»...

В Чибью нас не оставили. После короткой дневки зашагали дальше. Теперь уже по вновь прокладываемому тракту Чибью — Крутая. В два перехода мы достигли цели нашего этапа — лагпункта № 6.

Рано утром невыспавшихся, с одубелыми мышцами тела выгнали из палатки. Появился начальник лагпункта Тихоненко. У него из-под рукава кожаного пальто выглядывали часы, а рядом стоял их бывший обладатель, наш этапный гурман Вагин. Он читал список вновь созданных бригад. Когда он только успел «зацепиться»? Вагин был моим первым нарядчиком⁵⁵, представителем того ненавистного племени лагерных придурков, в чьей власти шаткая судьба зыка, чаще всего ее вершителей.

Вскоре меня перевели на 58-й километр, потом на Крутую, и я надолго потерял из виду Вагина.

Лет через пять, на Воркуте уже, я встретил его на улице. Он был в добротной романовской шубе со сборками на поясе и в пыжиковой шапке. Румяные бритые щеки и распушившаяся борода. Вся фигура

⁵⁵

Заключенный, выдающий наряды на работы.

⁵⁶ излучала благополучие. Рассказал, что долгое время провел в Сангородке⁵⁶, жил там очень хорошо. Намекнул, что пользовался особым расположением главврача — известной всему лагерю спасительницы сотен людей.

В другой раз увидел его прогуливающимся взад и вперед по морозу. От него пахло духами.

— Поджидаю одну девочку, — поспешил он мне сообщить, облизывая сластолюбивые губы стареющего селадона.

На Воркуте он так же легко делал карьеру, как на тракте и в Сангородке. Вагин не был инженером. По правовому положению он после освобождения был директивником, то есть человеком, которому запрещен выезд за пределы лагеря. И все же именно его послали в Свердловск уточнять какие-то вопросы, связанные с изготовлением форм для первого моста нормальной колеи через реку Воркуту.

...В ночь на 24 февраля 1950 года ко мне постучались. Я открыл дверь и увидел уполномоченного МГБ при нашем ОЛПе Речлага и инспектора ЖКО в качестве понятого.

— По нашим сведениям, у вас есть оружие, и вы поддерживаете связь с заключенными.

— Не валяйте дурака, а лучше предъявите ордер.

⁵⁷ Я был внутренне подготовлен к этому ночному визиту. На Большой земле⁵⁷ уже в сорок восьмом году начался «повторный заход»⁵⁸. Летом сорок девятого года, во время моего пребывания отпусником в Киеве, Быстрицкий был взят на улице по дороге ко мне. Это заставило меня прервать отпуск и вернуться в Воркуту. Тут, нам казалось, мы в безопасности. Дальше уже не загонишь, а правовое положение — одна видимость, что вольный. Но уже осенью

⁵⁶ Больничный лагпункт

⁵⁷ Территория страны, с которой Заполярье связано лишь речной навигацией или воздушным путем.

⁵⁸ В 1948 году начались повторные аресты бывших политических заключенных, вышедших на свободу.

сорок девятого года начались аресты и на Воркуте. Каждый из нас ожидал своей очереди. На соседней шахте знакомый мне главный механик держал в своем кабинете упакованный рюкзак с сухарями.

Уполномоченный предъявил мне ордер на обыск и арест с визой прокурора от 19 сентября 1949 года. Вот еще когда я был обречен. Не взяли раньше потому, вероятно, что некуда было сажать. На Воркуте тюрьма только строилась. А пока под нее приспособили лагерьный изолятор на территории бывшего ОЛПа «Капитальная».

Никакого обыска у меня не делали. Я поручил свои вещи соседу. Поздно ночью на санях меня доставили в город. Вот и изолятор. Мой приход никого не беспокоил. Я нашел себе место на верхних нарах и улегся.

Первым, кого я увидел утром, был Вагин. Он стоял, обнаженный до пояса, выставив бороду вперед и, выбрасывая короткие пухлые, как у женщины, ручки, делал утреннюю зарядку.

— А, так это вас привели ночью! Мы с Николаем Васильевичем, — он указал на своего соседа, — уже третий день здесь. Кроме нас, в камере больше повторников⁵⁹ нет.

А соседняя камера — сплошь наш брат.

Многочисленное население камеры было довольно пестрым. Рядом со мной лежал парень из рецидивистов, побывавший на фронте в штрафном батальоне. От его рассказов, как он «гулял» в Будапеште, насилуя и убивая, стыла кровь. За что его теперь посадили, он умалчивал. Дальше лежал щипач, то есть карманный вор. Худое, почти мальчишечье тело, мягкие ручки с очень гибкими пальцами, незапоминающееся личико.

— В магазине какая-то баба подняла хипеж, будто я к ней в сумочку залез. Но у меня хер что нашли.

⁵⁹

Бывший политзаключенный, вышедший на свободу и арестованный повторно.

Каждый раз, как нас выводили на оправку, бывшую одновременно и нашей прогулкой, в слуховом окне соседнего дома появлялась женская голова.

— Моя маруха, — говорил щипач, — сколько ни гнал, сколько ни лупцевал, не уходит. Верная, как собака.

Был тут и лагерный нарядчик Леха, ссучившийся, то есть бывший блатной, пошедший работать в лагерную администрацию. На воле он занимался «куклами» — аферами на рынке, всучивая людям, падким на дешевку, какую-нибудь дрянь под видом ценной вещи. Леха был близорук, страдал от этого, но тщательно скрывал свой недостаток. Ни за что он не согласился бы носить очки. Это вытолкнуло бы его из родного ему круга. «Очкарик» — что может быть унижительнее!

С опаской поглядывал Леха на верзилу, молчаливо лежащего над ним. Было известно, что он попал в тюрьму «по мокрому делу» — за убийство в лагере. Вдруг он «законник»? Узнает, что Леха «сука», тогда он может его зарезать. Что ему! У него и так уже двадцать пять лет срока. Из них он отсидел полтора. За очередное убийство ему эти полтора года и добавят до «полной катушки»⁶⁰.

⁶⁰ В камере нашелся бывший сцепщик вагонов, знавший меня по Транспортному управлению. Высокий парень с белесыми глазами и фиксой⁶¹ во рту. У блатных считалось особым шиком иметь впереди золотой зуб. Этот модник надел на здоровый зуб коронку из латуни. Она окислялась, и у «красюка» все время во рту было противно. Он поминутно вытирал свою фиксу грязной тряпкой и нещадно плевался.

Вагин, или, как его тут называли, «Батя», пользовался благоговением собравшейся в камере шпаны. Он им «тискал романы» — рассказывал детективы, похождения знаменитых куртизанок.

Как всегда в тюрьме, люди, оторванные надолго от женского общества, много говорили

⁶⁰ В полную меру.

⁶¹ Зубная коронка, чаще всего золотая.

на сексуальные темы. Вагину нравились такие разговоры, он поощрял все новую и новую похвальбу.

Лежал в углу один мрачный парень. Родителей своих он никогда не знал. Вырос в детском доме. Бежал. Связался с ворьем. Попал еще малолеткой в тюрьму. Короткое пребывание на воле, и снова тюрьма, лагерь. Вконец какой-то изуродованный человек. У других блатных нет-нет да и обнаружится какая-нибудь человеческая черта, особенно когда с ним поговоришь наедине, когда он не в стае. А это была законченная мразь. И он-то стал пользоваться особым расположением Вагина после одного своего повествования. Когда уже было переговорено обо всех видах полового извращения, парень этот переплюнул всех, рассказав, как он изнасиловал курицу, только что снесшую яйцо. Вагин был в восторге. Он заставлял повторять рассказ, уточняя детали. Глаза его в это время были масляными, губы влажными.

Однажды Вагина вызвали днем. Мы думали — на допрос. Вернувшись, он, сияя, рассказывал о своем приключении. Ему, дескать, разрешили сходить в сберкассу. Подкупил конвоира и уговорил его зайти с ним в соседний дом.

— Пока вертухай сидел на кухне и угощался, — хвастался Вагин, — я там с одной девочкой... да еще как!

Даже уркам стало неловко. Только вчера он получил обильную передачу от святой женщины, многим рисковавшей, афишируя свою связь с ним. О ней в лагере из поколения в поколение передавались легенды как о враче-спасительнице многих и многих.

Когда Вагина отправляли на пересылку, никто не отозвался на его прощальные слова.

1964 г.

КАЛАЧОВ

От Усть-Выми до Чибью 240 километров. Между ними тракт. Вдоль него, на расстоянии 25—30 километров один от другого, станки. Иногда это землянка, а то и деревянная хибара. Здесь мы ночевали, получали еду и шли дальше.

В дороге было достаточно времени, чтобы присмотреться к своим одноэтапникам. Мое внимание привлек к себе Калачов из Ленинграда, или, как он предпочитал говорить, из Питера. Шел он как-то очень хорошо, беструдно, споро переставлял немного вывернутые внутрь ступни. В шапке-финке, коротком пальто; на спине ладно сидит, не вихляет, заплечный мешок, на носу очки в стальной оправе. Редко он шел молча. Я пристраивался сзади, чтобы послушать его. Перед моими глазами мерно колыхался его мешок, а он рассказывал своим соседям по рыду:

«...В пересылке нас, нескольких питерцев, поместили в просторную опрятную камеру. Вместо нар там стояли деревянные топчаны. На одном из них, застеленном новым ворсистым одеялом, сидел средних лет человек в синем лыжном костюме. Бросилась в глаза пышная шевелюра — нас всех в тюрьме остригли наголо, — холеная черная борода. До нашего прихода он один жил в камере. В углу стояло несколько чемоданов с его имуществом.

⁶² Он получал специальный политпаек⁶², а мы сидели на тюремной баланде. Кроме того, его поддерживал Международный Красный Крест посылками. Называл он себя социал-демократом. Принадлежал к партии армянских дашнаков⁶³.
⁶³ Всю жизнь провел в ссылке.

— Добро пожаловать, граждане коммунисты! — встретил он нас несколько театрально. —

⁶² Паек политического заключенного, состоявший из лишней порции хлеба, сливочного масла, сахара. Был отменен в 1930 году.

⁶³ Армянская политическая партия. В начале XX века ставила перед собой цель создания национального армянского государства. С 1920 года партия действовала в эмиграции.

За что боролись, на то и напоролись, а?
Раньше вы нас сажали, а теперь и сами вслед
за нами. Это справедливо: поднявший меч —
от меча и погибнет.

Под градом его насмешек мои ребята совсем
было приуныли, но я ему ответил:

- Бывает в семье, что отец по ошибке выпорет
невинное дитя свое. Так разве кто на отца
своего обижается? Это — внутреннее семей-
ное дело. Так и с нами произошло. Мы не оби-
жаемся. Мы не троцкисты. Я, например, ак-
тивно боролся против них. А мне дали КРТД.
Но ничего, партия разберется. Надо терпели-
во ждать... может быть, это испытание, кото-
рому нас подвергают, чтобы проверить нашу
выдержку и стойкость.

Конечно, было обидно, что за меньшевика-
ми ухаживали, а с нами, коммунистами, обращались
как с уголовниками. Я даже писал протест, но беспо-
лезно. Будем терпеть, товарищи, и стараться сохра-
нять себя как коммунистов».

...Миновали Чибыю. Здесь тогда было Управ-
ление Ухтпечлага. Отсюда брал начало новый тракт
Чибыю — Крутая, который нам предстояло построить.
Пока же была только просека в глухой парме. Идти
было трудно. На второй день мы достигли лагпункта
№ 6 на 36-м километре. Тут просека кончалась.
Дальше были топь и болото.

Нас загнали в длинную палатку армейского
типа. Нары были из тонких жердей, незачищенные
сучки впивались в ребра. Я услышал, как кто-то
по соседству проворчал:

- А вы не стоните и не ворочайтесь,
Калачов. Это продолжение того испытания,
которое, по вашим словам, уготовлено
нам партией. Вспомните, что и Рахметов
спал на гвоздях, воспитывая в себе
стойкость.
Ответ Калачова я не расслышал.

Наутро мы осмотрелись. Кроме нашей палатки был еще шалаш, сложенный из еловых ветвей. Внутри на козлах были подвешены два котла. Здесь же хранились продукты — одна мука. Из нее нам варили затируху⁶⁴. Мало кому удавалось удержать ее в желудке. От нее разило керосином, и возмущенный желудок стремился извергнуть это варево.

В четырех километрах от нас находился асфальтированный Рудник. Там были база, пекарня. А добраться туда было трудно. Гниющий торф образует тепло, и топи поздно замерзают. Пробраться на Рудник удавалось только верхом на лошади. Муку доставляли вьюком, вероятно, вместе с керосином.

Мы корчевали пни и снимали моховой покров на трассе. Снег еще не был глубоким, и я, как олень, копытил его, добывая ягоды брусники и голубики. Была у меня посудина — полулитровая эмалированная кружка. В нее я получал свою порцию затирухи, в ней я варил на костре собранные ягоды и этим подкреплялся.

Мучительно хотелось курить. Мои запасы иссякли еще в барже. Сушили мох, осиновый лист — какое это куриво! Тут-то пришел мне на помощь один бобруйский кожевник, с которым мы познакомились в этапе. Однажды он мне открылся, что сохранил торбочку махорки. К этому времени в ней оставалось две или три восьмушки. Удалось это ему ценой невиданной выдержки.

— Я разрешаю себе только две сигарки в день, — сказал он, — теперь будем их выкуривать на двоих.

Первую сигарку мы высасывали на работе в лесу. Это было несложно: мы отходили в сторону, якобы за ягодами. Вторую мы приберегали на вечер, чтобы насладиться ею перед сном. Это давалось нелегко. Укрывшись с головой, мы глотали теплый пахучий дым. В палатке не было никакого освещения.

Только из открытых дверей печек-полубочек падал неверный свет на небольшой кусок земляного пола. Нам нетрудно было скрыть огонек папиросы, но запах мы не могли утаить, он дразнил изголодавшихся курильщиков. И вот уж на этот запах ползут прямо по чужим телам, стараются угадать, где курят.

Раздаются мольбы:

- Кто курит последний, дай хоть раз потянуть!
- Братцы, поимейте совесть, дайте задохнуться!
- Когда будешь бросать, скажи!
- Дай хоть губы обжечь!

В палатке среди двухсотпятидесяти человек было четверо урок: Корзубый, Рыжий, Цыган и пахан их, Иона. Они, конечно, на работу не ходили, грабили тех, у кого еще сохранились какие-нибудь припасы, и жили припеваючи. В первую же ночь они украли у бывшего саратовского прокурора хромовые сапоги. Долго в темноте прокурор произносил пламенную речь о законности, о приказе № 100-Я, карающем за лагерный бандитизм. А у блатных назавтра появилась картошка и мясо. Какими-то путями они все это доставали. Не испытывали они нужды и в табаке.

Урки нас, фраеров, людьми не считали. Толкнуть, согнать с нар, обидеть каким-нибудь другим образом доставляло им удовольствие. Их пахан — главарь Иона сам в кражах не участвовал. Внешне он держал себя довольно прилично. Невысокого роста, черноволосый. Он носил жилетку как мундир пахана и на пальце кольцо, кажется, медное. Днем он вел иногда с фраерами «галантерейные» разговоры, не сквернословил, даже выражал сочувствие пострадавшим. Но никто из хевры ничего не предпринимал без его ведома, и все награбленное сдавалось ему.

Как-то мне нездоровилось, и я остался в палатке. Напротив меня на верхних нарах, сложив по-турецки ноги, гужевались урки, поедая уворованное. Потом Иона свернул сигарку с палец толщиной. И в это время я увидел Калачова. Выхватив из печки раскаленный уголек и перекатывая его на ладони,

он понес Ионе. А тот долго прикуривал, наслаждаясь видом пританцовывающего от боли Калачова.

Мы были на работе, когда услышали лай собак, шум, крики. Пригнали под усиленным конвоем этап урок. Едва мы успели забрать свои вещи из палатки, как туда ворвалась «абиссиния». Через час мы были свидетелями кормежки этой оравы. Затируху давали по бачку на десятку. Мордастый десятский, получив бачок, несется с ним что есть мочи. А за ним — его десяток, норовя на бегу ухватить из бачка, кто черпаком из бересты, кто консервной банкой, а кто просто шапкой. Не то двое-трое самых сильных и наглых съедят все сами.

Эту ночь мы провели под елками. Разложили костры и, усевшись вокруг, коротали ночь. Сидя, вздремнешь ненадолго и просыпаешься от холода. Принесешь валежника, подбросишь — костер оживет.

Очнувшись от короткой дремы, я услышал хорошо поставленный, уже знакомый мне голос Калачова. Говорил он горячо и красиво о человеческом достоинстве. Вспоминал дневную картину кормления шантрапы⁶⁵, всеобщее унижение и позор такого существования, подчеркивал глубокую пропасть, отделяющую нас от уголовников. Когда он закончил, я вмешался и передал сцену с угольком, свидетелем которой я стал на днях, не назвав при этом фамилии Калачова. И тут произошло неожиданное:

— Товарищ, фамилии которого я не знаю, — сказал Калачов, — нарисовал нам яркую картину человеческого падения. Вы знаете, о ком он говорил? Это он обо мне говорил. Спасибо вам, товарищ, вы мне преподали хороший урок.

Он встал, нашел меня в общей куче и долго тряс мою руку.

...В палатку мы больше уж не попали. Нас перегнали на 58-й километр. Но и там мы удержались недолго. Завалилась наша землянка, когда мы были

на работе. Придавило двоих больных. Всю следующую ночь мы строили новую землянку. Но пожить в ней мне не пришлось — часть людей перевели на Крутую. Я попал в число счастливых.

Нам говорили, что на Крутой дают килограмм хлеба. На тракте мы его ни разу не видели и не знали, как он выглядит. Сорок километров мы бежали. Все боялись, что нас могут вернуть. Вдали, как та вязанка сена в анекдоте с ослом, маячила перед нами сытная горбушка. Конвоир с нашими формулярами остался далеко позади, не поспевая за нами.

Через некоторое время я очутился на Кирпичном заводе. Зашел за справкой в контору и тут снова увидел Калачова, пристроившегося дневальным в бухгалтерии. Он был совсем обтерханным.

Как раз в это время он принес обед бухгалтеру Смолину. А затем обратился к маленькому круглолицему нормировщику, помещавшемуся за печкой:

— Давайте ваш котелочек, я вам мигом принесу обед, — подобострастно попросил он.

Нормировщик покраснел, засмутился.

Ему было неловко и стыдно перед нами, стоявшими за барьером. Но Калачов уже схватил котелок.

Повернувшись к нам, он гаркнул зычным голосом:

— Чего приперли? Не видите — контора обедает! А ну, выматывайтесь отсюда! Меня он не узнал...

1964 г.

ВАВИЛОН

На реках Вавилонских,
тамо седохом и плакахом...

ДАВИДОВ ПСАЛОМ 136

Важкурью мы покидали без сожаления. Позади осталась грязная палатка, служившая нам домом несколько месяцев. В сильные морозы по утрам приходилось отрывать волосы, пристывшие

к полотенцу, мохнтому от намерзшего дыхания двух сотен людей. Серый унылый берег Усы. Где-то рядом, может быть, под нашими ногами, дуга невидимого полярного круга.

Только и сохранилось на всю жизнь воспоминание о сполохах северного сияния, какого ни до, ни после этого никогда не видел. В последние дни я сторожил овощехранилище. Когда разыгрывалась ночная феерия, когда с края в край по всему небосклону начинали пробегать волны света, беспрестанно меняя тона, я не мог удержаться, забежал в палатку и будил людей. Браня меня и все сиянья на свете, люди все же выходили и, коченея на морозе, глядели, как невидимые великаны размахивали по небу гигантскими флагами, окрашенными во все цвета радуги.

В этапе непременно найдется один, кто неизвестными путями узнает обо всем раньше всех. Таким всезнайкой оказался у нас харьковчанин Линецкий.

— В Сынянырд чапаем, братцы, — объявил он, — на лесозаготовки. Лесзаг — не конфетка, я побывал уже на «Косью» — знаю, но все же лучше Воркуты. Подальше от нее, паскуды!

Двигаемся в обратную сторону от ненавистной Воркуты по закованной в лед Усе. Миновали инвалидный лагпункт Адак, перевалочную базу Адзъвавом, дальше уже ночуем в редких деревнях, но в избах. Чудно видеть вольных людей, над которыми не властен конвой. Общению с ними мешает незнание нами языка коми, их понятный нам страх перед заключенными. Этапы урок, проходившие ранее, так часто обижали этих доверчивых людей, что мы все для них «шпанаяс упетлаг».

— Мун, лешак! — гонят они нас.

— Абу, — то есть «нет», отвечают на каждую просьбу.

Вот и Сынянырд. Переночевав, пересекли широкую в этих местах Усу и поднимаемся вверх по Сыне. Через несколько часов увидели в стороне ограду из поставленных впритык заостренных палей.

«Вот оно откуда пошло слово «острог», — подумал я. Действительно, это был лагерный пункт «Неофит». Тут же помещалось Управление Лесзаг — Сынянырд. Часть оставили здесь, а мы пошли еще дальше.

Уже к вечеру круто свернули с реки направо и стали подыматься по высокому берегу ручья. На возвышенности была командировка Вавилон — конечная цель нашего пути.

Свое название командировка получила от ручья и деревни, расположенной выше, на правом берегу реки.

Неофит, Вавилон... Диковинные названия. Возможно, что эти крохотные деревни основали когда-то сектанты, забравшиеся в эти пустынные места Припечорья, спасаясь от преследований официального православия.

Странное соседство: неофит, то есть новый, пламенный последователь веры, и в нескольких километрах от него источник всякой скверны Вавилон. За какие грехи было названо этим проклятым именем селение из двух рубленых домов, ко времени нашего прихода необитаемое? Раньше там жила какая-то бабка. Не была ли то «блудница вавилонская»⁶⁶, навлекшая на себя гнев некоего пророка-обличителя? Или прозрел он сквозь даль годов будущий лагерь в этих местах? Не у кого было спросить. Но название было пророческим. Начать с того, что «смешение языков» у нас было поистине вавилонское. Среди пятидесяти лагерников каких только национальностей не было! Русские, украинцы, евреи, поляки, немцы, грузины, армяне, азербайджанцы, белорусы, китаец, болгарин, остяк, коми, тувинец.

Древний Вавилон напоминала и наша работа. Она заключалась на первых порах в том, что мы вывозили на катище бревна, заготовленные нашими предшественниками еще осенью. Лошадей не было. К саням были приделаны лямки, обшитые кусками ак-

⁶⁶ Крайне развращенная, распутная женщина. От названия города Вавилона, который, по библейской легенде, был городом, полным соблазнов.

тированных бушлатов. Двое впрягались в них, пропуская хомут через одно плечо, а третий подталкивал груженные сани сзади дрыном. Мы называли себя «вридло» — временно исполняющий должность лошади.

Прошло около тридцати лет. Но и сейчас не могу без дрожи вспомнить этой унижительной для человеческого достоинства мерзости — вридло. Двадцатый век! Венец творенья — человек, создавший теорию относительности, открывший закон развития природы и общества, заглянувший в строение атома, вот этот гомо сапиенс, вшивый и голодный, одетый в тряпье, утопая в снегу, согнувшись, чуть ли не касаясь земли руками, как раб тащит за собой сани с бревнами. Не в вавилонском плену, не на капиталистической каторге, а в своем, тобой завоеванном, тобой построенном государстве...

Многие так и двигались, придавленные тяжким горем, терзая себя и других вопросами, на которые не было ответа или ответ был пугающе страшен. Уж лучше не додумывать до конца! Одни опускались, спали, не раздеваясь, не мылись, вшивели, не вырабатывали горбушки и постепенно доходили.

Другие, сжав зубы, молча или матерясь, тянули лямку, «упирались рогами», мантулили понемногу. Выжить! Не упасть!

Мрачен обезображенный лес. Все лучшее в нем вырублено. Остались деревья-уродцы, негодные ни на что. Гнилыми зубами торчат лишённые вершин стволы берез. Это трупы. Они истлели на корню. Внутри все превратилось в труху. Держатся они только на крепкой, долго не поддающейся тлению бересте. Стоит их задеть, и они разламываются в воздухе на куски. Такой обломок может сильно зашибить. Из-под снега цепляются за вязки саней пни и сучья, делая тяжелее и без того непосильный груз. Все враждебно тебе. Мрак внутри и вокруг.

Единственно чистый и привлекательный — белый снег. По нему ползают, пыхтя и скверно ругаясь, какие-то существа. Сверху они должны казаться грязными насекомыми.

Но вот среди тяжелых вздохов, матерщины, проклятий слышно громкое лошадиное ржание, веселое и задорное. Это Илюша Линецкий и Саша Зафранский. Они тянут сани в одной упряжке. Чтобы полностью оправдать свое звание «вридло», они взбрыкивают и ржут на весь лес: «И-го-го!»

Нет! Они не сильнее других, и не сытее, и сани их так же тяжелы, так же глубоко чувствуют они позор этой каторги. Но так легче! Легче самим и другим. И люди оглядываются, поднимают голову: «А может быть, не стоит так убиваться? Ведь вон те двое находят в себе силы смеяться».

Как много добра делали такие люди!

Бывало, придешь из лесу... Нет! Не придешь, а приползешь, ничего не хочется, даже баланды. Нет сил снять бушлат, сбросить мокрые тяжелые валенки. Валишься на нары, не сняв варежек с рук. И вдруг раздается песня:

Час ды по часу день прохо-о-дит,
Солнце ды зайдет. В э-э-э-тот час,
Ды куды скрылся, мой хоро-о-оший,
С кем, с кем ды гуляла я вчера-аясь?

Это — Жуков Александр Филиппович. Блондин, здоровяк. Муж и, кажется, антрепренер исполнительницы русских народных песен из Ленинграда. Он уже разделся, пристроил к печке свои валенки и распевает во все горло. И странно: эта грустная песня действовала, как бравурный марш. Становилось стыдно своей слабости. Подымешься, встряхнешься и благодарен этому грубоватому горлопану.

У Жукова это случалось стихийно, от избытка здоровья, что ли. Зафранский же с Линецким как будто взяли на себя подвижничество — бодрить людей. Они были неистощимы на всякие выдумки. Все их за это любили. Даже наш комендант, длинный худосочный бытовичок, и тот относился с почтением к солидному, всегда вежливому Зафранскому.

Кто-то прозвал коменданта Пришибеевым. Несколько раз он слышал за своей спиной это имя. Обидеться? А черт его знает, что это такое. У кого

спросить? От пятьдесят восьмой жди любой подвох. И он отозвал в сторону Зафранского — не трепло какое-нибудь:

- Скажи, что это за Пришибеев?
- Как! Ты не знаешь? Да это же знаменитый герой-партизан.
- То-то же. — И комендант прошел по землянке, молодецкато выпятив цыплячью грудь. Настоящее имя Зафранского было Иосиф.

Почему же Саша? Подозреваю, что тут не обошлось без Линецкого. Сталина, как известно, тоже звали Иосиф, или, по-грузински, Сосо. Прозвали и Зафранского Сосо. Тот негодовал. «Саша» явилось компромиссом.

Раннее утро. В землянке все еще спят.

А Саша уже встал, умылся, успел заглянуть на кухню и, опережая коменданта, возвещает зычным голосом старого станционного смотрителя, объявлявшего когда-то, до появления радио, о прибытии поезда:

- Граждане, лишённые свободы, могут получить кашу!

Иные съедали свой завтрак на ходу, торопясь и обжигаясь, даже не почувствовав его вкуса. Другие — держа котелок на коленях. Хлеб они умяли еще накануне вечером и теперь весь день будут работать голодными. Саша не такой. Он превращал поглощение нескольких ложек каши в трапезу, в пиршество. Из-под нар доставалась «скрипуха» — плетеная ивовая корзина, чудом пронесенная в целости по всем этапам. Она устанавливалась на нарах и изображала стол. Из «скрипухи» извлекались чистая миска и металлическая ложка — тоже немалая редкость, хлеб, завернутый в чистую тряпицу. Хлеб нарезывается тонкими ломтиками. Часть его снова завертывается в тряпочку — будет съедена в лесу.

Усевшись на нарах за свой «стол», Саша начинает истово есть. Он смакует безвкусную кашу из ржаной сечки, как редкий деликатес. Поел. Оглянулся на Линецкого. Оба встают. Линецкий подымает-

ся, дирижерские движения руки, в правой — вместо палочки ложка. Взмах — и вместе поют:

Спасибо товарищу Сталину

За нашу счастливую жизнь.

Ти-ра-рам, ти-ра-рам, ти-ра-рам.

Особенно старательно выводится припев.

Разумеется, в тот же день об этом доносят начальнику Лесзага Полякову. Он приезжал, за отсутствием карцера сажал Зафранского в какую-то яму, орал на нас, исходя слюной от злости:

— Вас всех давно расстрелять надо, троцкистов в рот, горло, нос, печенку, селезенку...
На Воркуте с такими уже расправляются.
Скоро и здесь будем. Я сам собственной рукой буду вас шмалять, сволочей.

Садистски злорадствуя, читал нам Поляков приказы начальника Ухтпечлага об осуждении «к высшей мере социальной защиты за лагерный бандитизм и контрреволюционный саботаж». Среди казненных я услышал имена своих близких знакомых: первого декана киевского рабфака, бородача Юрия Азагарова и старейшего комсомольца, выходца из подольских трущоб, бредившего мировой революцией, восторженного и неистового Мити Куреневского.

И другие узнавали среди «лагерных бандитов» своих друзей, руководителей, чистейших, бескорыстных рыцарей революции, чьей жизни и таланту они когда-то восхищенно завидовали.

Поляков ненавидел нас лютой ненавистью. Имей он оружие и право, он бы действительно в нас стрелял. Но все ограничивалось бранью и изолятором. Мы тогда себе много позволяли, во всяком случае в разговорах, но ни один из нас не попал в третий отдел. В прошлом бандит, отбывший срок заключения, Поляков имел свои понятия о чести, и они ему не позволяли передавать в третий отдел, к которому он не питал особой любви. От «хитрого домика» он держался подальше, с кумом знакомства не водил. Никого не продал. Пусть хоть этим добром будет помянут начальник Поляков.

А дни шли. Мы обжились на новом месте, немного втянулись в работу. Перешли к повалу леса. Тут нам пригодились старые плитки и табельки, скрытые под глубоким снегом. Мы перекатывали их на новое место, для виду валили рядом пару деревьев, уминали дорогу, притрушивали ее сучьями. Эти раскопки назывались у нас «ЭПРОН». В тридцатых годах гремел по стране ЭПРОН — Экспедиция Подводных Работ Особого Назначения, подымавшая и возвращавшая к жизни давно затонувшие корабли. Наш ЭПРОН и камуфляж требовали от нас, пожалуй, не меньше усилий, чем мы потратили бы на то, чтобы заготовить столько леса, но так было интереснее, тут был элемент творчества. Это — удивительное психологическое явление. В эти дни мы, кажется, и не так уставали. Риск быть разоблаченными вносил особую остроту.

В то же время родилось у нас слово «Валенсия». Это означало большой, хорошо оборудованный костер, резиденция нашего звена. Придя на участок, мы в центре его валили большую сухостоину, разделявали ее на чурки. Часть шла на основание костра, на котором мы потом сжигали сырые сучья, другая часть пока служила сиденьями. В те времена все жили испанскими событиями. Передавали сообщения: «Столица переехала в Валенсию». И наша «столица» тоже часто переезжала. Дадут новый участок, нужно опять готовить костер, новую Валенсию. Вероятно, на выбор слова повлияло и созвучие: валить лес — валенсия.

Приближалась весна. Местный абориген — коми, Тит Лазаревич Носов, осужденный за растрату, стал обучать нас сплотке⁶⁷. Мы рубили тонкие прутья черемухи, парили их на костре и вили вокруг ствола дерева «вицы». Мы узнали также специальные термины: ромжина⁶⁸, собачина, потязь⁶⁹. А потом начался

⁶⁷ Сплоток — бревна, доски, связанные наподобие плота.

⁶⁸ Еловая жердь 7—8 метров для сплотки бревен.

⁶⁹ Длинное озеро, длинное болото; длинные полосы, оставшиеся после разлива на пойменных местах.

сплав. Сложенные зимой на пожне плитки всплывали.

⁷⁰ Мы вязали бревна хомутами из черемуховых виц⁷⁰,
⁷¹ собирали из плиток, соединенных собачинами,
 гоны и сплавливали их до запани⁷¹ в устье реки Сыни.

Одновременно мы продолжали валить лес недалеко от берега и выносили бревна к реке на плечах. Я работал вдвоем с Давидом Нестеровичем Глonti. Датико, красивый грузин моих лет. Сильный,
⁷² он всегда норовил стать под комель⁷², щадя меня, более слабого. Когда я обнаружил его уловки, мы установили очередь. Он меня обучал грузинскому языку. До сих пор помню несколько чудесных народных песен.

В Вавилоне была большая группа грузин. Их вообще среди КРТД было много. Сталин не щадил своих собратьев. Он не мог простить им, что когда-то они его выгнали из тифлисских Главных железнодорожных мастерских. Грузин в Вавилоне понимали попреками:

- Это вы нас наградили отцом народов, великим и мудрым.
- Ва, кацо, — отбивались те, — какой он грузин! Он — осэтын. И фамилия ему правильная — Джугаев, а не Джугашвили.

Чем больше разгоралось лето, тем сильнее нас изводили комары. Мы уже не знали, что хуже: мороз или комар. Нам выдали накомарники, мы не снимали рукавиц, но мошкара забиралась через самые мелкие отверстия и нещадно жалила. Особенно она любила веки глаз. Ворот, рукава у кистей, штаны у щиколоток мы туго завязывали, чтобы мошка и комары не забирались. Работали в телогрейках, потому что гимнастерку комары прокусывали. В ушах все время стоял шум, как от дождя, — это комары бились о накомарник. Как ни завяжешься, а мошка

⁷⁰ Скрученный ствол молодой ёлочки, березы, ивы или черемухи, употреблявшийся для связки деталей деревянных судов.

⁷¹ Инженерное заградительное сооружение, представляющее собой огражденную плавучими конструкциями водную поверхность.

⁷² Толстая часть ствола дерева непосредственно над корнем и корневищем, толстый «нижний» конец бревна.

все же ухитрялась пролезть, и к концу дня пазуха была полна их трупами.

И в землянке не было спасения от комаров. Жили в дыму. Весь день и всю ночь жгли хвою, березовый гриб. Но комар хитер. Пока дым держится, он опускается на пол, но стоит только дыму рассеяться, он снова тут как тут. Чтобы заснуть, мы зарывались во все возможное тряпье, не снимали накомарников, рукавиц. Забудешься, и слышишь над ухом противное «з-з-з». Это очередной мучитель выбирает удобное место, чтобы вонзить в тебя жало. И уже не спишь, ждешь, когда он сядет, чтобы его прихлопнуть. Если я когда и был близок к тому, чтобы взбеситься, так именно в такие ночи. У кого было одеяло, матрас, какой-нибудь мешок — кооперировались, шили из собранного пологи. Залезешь под полог, убьешь успевших залететь туда комаров и только тогда можно отдохнуть.

Мучительно было справить большую нужду. Стоило только оголиться, как в нежную кожу мошонки и промежностей впивались кровососы. Мы бегали за много сот метров в речку. Опустись по шею в воду, голова упрятана в накомарник. Но уж очень далеко бегать, да и вода невероятно холодна. Поэтому разводили у пня дымок и орлом усаживались над ним. Но чуть подует ветерок, отгонит в сторону дым, а гнус сторожит, тучей вьется.

И тут Саша оказался изобретательнее всех. Он раздобыл в каптерке пустой бочонок, выбил из него второе днище. При нужде усядется на него, выпустит поверх рубаху и покуривает через накомарник. Покуривает и посмеивается над беснующимися вокруг комарами. В следующий раз перенесет бочонок в другое место. Просто! Этот легкий передвижной агрегат пользовался большой популярностью.

Наша землянка все больше ветшала, и начальство решило построить землянку-гигант, а старую отвести под конюшню — к Новому году обещали пригнать лошадей. Предстояло вырыть большой котлован.

Запомнилась норма — семь кубометров на человека. Чтобы не было никакой туфты, придумали отмерить каждому участок: 2×2,5 метра и глубина 1,4 метра.

— Вот вам урок — сделали и можете быть свободными.

73

Урок⁷³ — это всегдашняя западня для нашего брата. По лагерному обычаю этот котлован копали бы неделю, а на урок он был вырыт за два дня.

Илюша Линецкий, Датико Глonti и я взяли три участка рядом, перекопали границы и работали вместе. Напротив нас копал Сережа. Это был немолодой уже китаец Ван Фу Тин. Но его все звали Сережа, и он откликался на это имя.

Мне до этого не приходилось видеть Сережу на работе. В котловане этот щуплый, больной человек поразил нас. Лопата в его руках не была чем-то посторонним, а казалась продолжением рук. Мы, пройдя на штык половину своего участка, вынуждены были давать себе отдых, а его спина продолжала наклоняться и выпрямляться, как будто ему неведома была усталость. Он копал без ухання, без надрыва, не частил. Двигался экономно, бережно неся лопату с землей, не глядя бросал сзади себя, но земля ложилась точно на бровку, и ни один комочек не скатывался в котлован. Будто и немного земли набирал на лопату, а котлован его уходил все глубже и глубже. Видна была веками выработанная культура человека земли. К полудню Сережа выполнил свой урок. Участок его был посередине. Понимая, что, как ни берегись его соседи, отставшие от него, но их земля будет сыпаться к нему, Сережа прошел свой участок еще на один штык, вылез, отбросил землю подальше от бровки. Мы еще копали, а он уже возвращался из лесу с котелком красной смородины.

Я запомнил Сережу по этапу с Крутой. Когда мы плыли по Ижме, катер часто садился на мель,

73 Работа, выполняемая по частному договору, в согласованный срок, а не по официальным нормам.

74 Поселок в Коми АССР, входил в систему Ухтпечлага.

и Сережа без принуждения всегда спускался в реку, чтобы столкнуть катер.

74

В Важкурье⁷⁴ он держался компании юного гиганта из бытовиков, Моисеенко. Они разгружали баржи в затоне. Вечерами, в палатке, Сережа пек лепешки из ворованной муки. Палатку обогревали печки-полубочки. Большую железную бочку из-под горячего резали пополам, пробивали отверстие, в которое подкладывали дрова, на другое отверстие, сделанное в днище, ставили обсадную трубу — печка готова. Сережа ловко прищлепывал к бокам печки раскатанное тесто, а над ним в это время жарили вшей.

Важкурья была временной командировкой. Вошебойки — обычной принадлежности обжитого лагпункта — здесь не было, а паразитов, несмотря на холод, в палатке развелось много. Кто-то придумал пользоваться трубой от печки в качестве вошебойки. Толстая труба достаточно хорошо нагревалась, но не жгла полотна. Мы выворачивали белье и прижимали швы к раскаленной трубе. Раздавался треск от лопающихся паразитов, как пулеметная очередь. Сережу это нисколько не смущало, он продолжал печь лепешки.

Когда у Сережи спрашивали: «Какая у тебя статья?», он отвечал, скаля большие редкие зубы: «Шапиона, бись она лота». У него был срок десять лет по подозрению в шпионаже, поэтому его разлучили с бытовиками, и он попал в нашу компанию КРТД — самых опасных в те времена преступников.

Был среди нас и настоящий вор, Сорокин. Это обстоятельство, то есть что его, законного вора, держат вместе «с этими пидерами — троцкистами», больше всего его удручало. Стоило появиться кому-нибудь из начальства, как он начинал бурно протестовать. Но ему ничего не помогало: у него была статья 58 пункт 10, срок десять лет, поэтому он был обречен мыкать свою злосчастную судьбу с нами, презренными.

Это был маленького роста, старый, много раз битый, весь изломанный, беззубый вор. Отбыв свой очередной срок, он приехал в Тбилиси. Идет по улице. По какому-то случаю улицы были украшены портретами руководителей партии и правительства. Сорокин возьми и скажи: «Понавешали ...сосов, я б их в рот...» Его — цап, и за контрреволюционную агитацию сунули десять лет.

В Вавилоне у нас был очень неумелый повар. Кто-то сказал, что Сережа содержал ресторанчик на Дальнем Востоке. Спросили его:

— Пойдешь, Сережа, поварить?

— Моя может.

И каким еще поваром оказался! А сколько времени пробыл на общих работах и ни разу не попросился на сытное и теплое место. Та самая вонючая треска, которую мы раньше получали в виде ошпаренных кипятком липких кусков, в его руках превратилась в благородную рыбу. Сережа вымачивал ее в реке, пластал и ухитрялся даже жарить на тех скудных граммах хлопкового масла, полагавшихся по норме. Русской грамоты он не знал. Чтобы каптер его не обвешивал, он просил счетовода несколько раз прочесть ему ордер на продовольствие и заучивал на память, что и сколько он должен был получить, благо ассортимент был невелик.

До него около кухни всегда кто-нибудь кормился. Повар сам воды не таскал, дров не рубил. Начальник, комендант получали, разумеется, побольше и повкуснее. Сережа все это вывел. Однажды один наш великан, всегда голодный, стащил на кухне крохотную булочку из ржаной муки, полагавшуюся на премблюда. Надо было видеть, как Сережа бил незадачливого вора, бывшего вдвое выше и сильнее его. Поди ж ты! Тот самый Сережа, воровавший со спокойной совестью муку на барже. У него были свои и довольно твердые понятия о пределах позволенного.

Через год, уже на запани, оказался еще один китаец. Из тех коммунистов, бежавших в Советский

Союз, спасаясь от неизбежной казни. Не знаю из каких соображений, но здесь они получали русские фамилии. Все они потом оказались в лагере. И появились китайцы Двойкины, Тройкины, Семен Афанасьевич Корш, мой друг по Воркуте Федор Алексеевич Валецкий и другие. Павел Алексеевич Витин, тоже китаец, в отличие от Сережи, был интеллигентом. Он учился в Шанхайском университете, и у нас в КУТВ (Коммунистический университет трудящихся Востока), на запани его назначили прачкой на том основании, что-де все китайцы прачки. Витин был очень слаб и худ. Сереже говорили:

- Ты бы подкормил Пашу. Видишь, какой он тощий и больной. Земляк ведь тебе.
- Бись она лота. Все обци котел, — отвечал Сережа. «Бись она лота» — так произносил Сережа распространенное среди урок грязное ругательство, не понимая его значения.
- Ты сам почти ничего не ешь, отдавай ему свою порцию, — продолжали его уговаривать.
- Моя так не мозет.

Когда этап разлучил Сережу с Моисеенко, он подружился с Костей Щенниковым. Трудно сказать, что свело вместе этих двух разных людей. «Колхозы» — маленькие артели, чаще всего из двух-трех человек были очень распространены в лагере. Они облегчали жизнь. Может быть, Щенников предложил Сереже когда-нибудь свой котелок или уступил рядом с собой место на ночевке. Но Щенников теперь числился другом Сережи и мог спать спокойно в логове самых страшных урок. С его головы не упадет ни одного волоса. Ворье знало нравы китайцев типа Ван Фу Тина. Он способен перегрызть горло, защищая своего товарища. Рядом могут грабить, убивать. Это его не касается.

Упомянув много фамилий в своих воспоминаниях, я ничего не говорю об их «деле», то есть за что они были репрессированы, не рассказываю их биографии. Потому что я избегаю в этих своих

записках всякого не только вымысла, но, по возможности, и домысла. Я не помню подробностей из интересных биографий Линецкого, Глonti, Зафранского и других, осужденных за КРТД, как и я. Моя собственная политическая судьба может показаться нетипичной, к тому же трудно остаться объективным, рассказывая о себе. Но я имею возможность изложить «дело» типичного представителя КРТД, можно сказать, из первых рук. По моей просьбе Константин Захарович Щенников, недавно мною разысканный, прислал мне свою биографию. Вот она:

АВТОБИОГРАФИЯ ЩЕННИКОВА КОНСТАНТИНА ЗАХАРОВИЧА

Родился в 1904 году в селе Сулок Саратовской области в семье бедняка. До революции два брата жили в работниках у кулаков. После неурожая на Поволжье, в 1921 году, я пошел работать на ст. Ершов Рязано-Уральской железной дороги, в паровозное депо. Производственная моя деятельность выглядит так:

1. Ученик слесаря — с 1/V-22 г. по 16/XI-23 г.
2. Подручный слесаря — с 16/XI-23 г. по 3/II-24 г.
3. Слесарь — с 3/II-24 г. по 27/I-1928 г.
4. Зав. культработ. при Учпрофсоже — с 27/I-28 г. по 4/I-30 г.
5. Председатель Ершовского рабочего комитета совхозов с 4/I по XI-30 г. — был выдвинут на усиление руководства профсоюзной работы среди работников сельского хозяйства. Возвращен на производство на основании постановления ЦК ВКП(б) и Совнаркома о возврате на транспорт железнодорожников.
6. Машинист паровоза депо Ершов — с XI-30 г. по 31 г.
7. Машинист паровоза, дежурный по депо, мастер депо ст. Шепетовка с XI-31 г. по 6/X-1936 г. Решением Политуправления НКПС был откомандирован на пограничную станцию.

8. Машинист паровоза ст. Ершов с 6/V-36 г. по 1 сентября 1936 г. — день ареста.

В комсомол вступил в 1922 году. Несколько лет был секретарем комсомола, неосвобожденным от основной работы. Был ассистентом инспектора охраны труда по защите правовых интересов молодежи. Несколько лет работал редактором живой газеты.

В 1925 году, в Ленинский набор, был почетно передан в ряды коммунистической партии. На момент ареста был партгруппоргом паровозной группы и членом пленума райкома ВКП(б), избранным за два месяца до ареста.

В чем выразилась моя погрешность, моя политическая неблагонадежность?

В основном, как и у многих, набор таких свидетелей, которые имели бесстыдство показывать ложь. Вся ложь была вызвана затаенной местью за обиды, как им казалось, полученные в свое время. Привожу факты из показаний свидетелей:

1. Назаров показывал, что я восхвалял жизнь в капиталистических государствах, вел разговор против колхозов. Его обида на следующее: в 1923 году в живой газете, которую я редактировал, его подвергли критике за бездеятельность.

2. Карпов показывал такую нелепость: «Я подтверждаю, что Щенников троцкист, так как в 1929 году моя сестра на предложение выйти за него замуж, заведомо зная, что он троцкист, в замужестве отказала». Я никаких предложений сестре не делал. А Карпов, будучи студентом, был в летние каникулы 1927 г. на практике в депо. Ему дали нагрузку, а он ничего не делал. По окончании практики ему в аттестации было записано пассивное участие в общественной жизни. Вот через девять лет он и вспомнил.

И еще подобные показания были беспочвенные, но в то время все принималось за истину.

Особенно нужно отметить грубейшие нарушения партийной демократии. 26 августа пригласили меня на заседание райкома партии. Стали разбирать мое персональное дело. Секретарь райкома Фреберг

предъявил мне, что я троцкист, шпион в пользу японо-германского фашизма, веду пропаганду против строительства социализма и т. д. На этом заседании исключили из партии и силой вытащили из кармана партийный билет.

31 августа 1936 года пригласили на партийное собрание первичной парторганизации. Перед объявлением повестки дня выступил Фреберг и предложил: «Заядлого троцкиста Щенникова с собрания удалить». Я стал возражать, доказывая, что парторганизация должна выслушать нелепости моего обвинения и вопрос об исключении меня из партии должен решаться в моем присутствии. Но секретарь райкома применил весь свой авторитет, а вернее, давление и добился большинства голосов за мое удаление. Выйдя в коридор, я был арестован.

Хочется остановиться на практике ведения следствия, не говоря уже о грубостях и угрозах. Долгое время мне предъявляли свидетельства людей почтенных в партии и на производстве. И вот однажды ночью — допросы всегда происходили ночью — следователь Токарев был изрядно пьян и вскоре заснул за столом. Я взял дело и стал просматривать. Я пришел в ярость от подвигов следователя. Поверх показаний Карпова и Назарова простым карандашом были проставлены фамилии старых коммунистов Миленковой, Похазникова и других. Когда я разоблачил этот шантаж и потребовал очную ставку, мне было отказано. Было решение Особого совещания от 10 сентября 1936 года изолировать на 5 лет за контрреволюционную троцкистскую деятельность.

Вот, кажется, и все. Сейчас работаю на общественной работе в первичной парторганизации.

ЩЕННИКОВ.

Приведенная «автобиография» — настоящий человеческий документ, представляющий со всех точек зрения большую ценность. Десять дней прошло со дня ареста до вынесения постановления Особого совещания. За это время следователь успел допро-

сить свидетелей, поспать над делом. И все же заметно желание соблюсти какую-то видимость следствия, пусть и фальсифицированного.

В 1937 году следователям приелась эта формалистика, и они начали резвиться в меру своих способностей и фантазии.

Бывший секретарь парткома московского тормозного завода им. Л. М. Кагановича был обвинен в том, что он готовил убийство шефа — Л. М. Кагановича. Добиваясь признания, ему отбили почки, порвали барабанные перепонки. Бесполезно. Все же его судили. Спецколлегия при закрытых дверях осудила к десяти годам заключения. Объявляя приговор, председательствующий по обычаю спросил:

- Обвиняемый, вам понятен приговор?
- Мне понятно, что я ни за что осужден на десять лет.
- Основное вы поняли, — цинично заметил судья.

Но о классическом образце фантазии следователя мне рассказала скульптор Софья Гитмановна Спасская.

Она была женой известного в свое время поэта Сергея Спасского. Жили они в Ленинграде, в доме, населенном писателями.

Когда ее арестовали в 1937 году, ей предъявили приговор обвинения:

1. Восхваление и пропаганда поэзии Есенина.
2. Дружба с врагами народа Тихоновым и Фединым.
3. Подготовка взрыва памятника Урицкому.

Что касается первого обвинения, то в те годы это был действительно криминал. А дальше начинается фантастика, порожденная скукой подлой следовательской работы, уверенностью, что никто, никогда не будет читать этих сотворенных в тиши следовательского кабинета «дел».

«Враги народа» Тихонов и Федин в то время и по сей день бессменные депутаты Верховного Совета, виднейшие боги литературного олимпа.

Еще забавнее со взрывом памятника Урицкому. Во-первых, такого памятника не существовало. Во-вторых, Урицкий был родным дядей С. Г. Спасской, братом ее матери.

А жертва этого измышленного детектива отбыла в лагере десять лет, нажила там туберкулез, провела еще четыре года в ссылке в Красноярском крае. И даже не сразу ее отпустили по амнистии, последовавшей через год после смерти Сталина. Спасибо депутату Верховного Совета, писателю И. Г. Эренбургу: он принял живое участие в ее судьбе и добился ее освобождения.

...Возвращаюсь в Вавилон. Наступила еще одна зима, и начался планомерный повал леса. Переформировали звенья. Я попал в одно звено с Константином Александровичем Стройковским.

Обычно говорят: «интеллигентное лицо», «мудрый лоб», «глаза светятся умом». Считается, что душевное богатство отражается на лице. У Стройковского было лицо мужлана, рыхлое, неотесанное, черты невыразительные, глубоко спрятанные маленькие глаза. Склонное к полноте тело увальня. Ходил он вразвалку, говорил медленно, тусклым голосом. Не принимал никогда участия в кипевших вокруг спорах.

Когда спросили: «Кто умеет пилить?», он вызвался: «В детстве пилил». Я тоже когда-то пилил с отцом дрова на козлах. Так получилось, что мы стали напарниками. Пилить с ним было одно удовольствие. (Если допустить, что этот тяжелый труд может доставлять удовольствие. Но с другими — это страшная мука.)

Он никогда не спорил, не пытался настоять на своем, хотя, как позже выяснялось, пожалуй, лучше было поступить так, как он советовал.

- Ну что, Костя, давай эти шесть елей свалим без перекура.
- Давай.
- Я буду обрубать сучья, а ты относи их в костер.
- Ладно.

- Лучше, по-моему, в эту сторону валить, сюда вроде наклон.
- Что ж, пожалуй, так.
- Покурим, что ли?
- Добро.
Удивительно удобный и приятный напарник.

Необыкновенно спокойный и рассудительный.

Впечатление сплошной флегмы.

Постепенно я стал убеждаться, что лицо мужлана меня обмануло. Не говоря уже о том, что Костя был чрезвычайно деликатен, внутренне тонок, он поразительно много знал. И знал он так же основательно, как основательна была его коренастая фигура и большая круглая голова. Он не просто читал то-то или слышал о том-то, а уж если читал или слышал, то знал это детально, во всех подробностях.

Юность его прошла в Ленинграде. Выяснилось, что он не чужд был и литературы: посещал кружок, которым руководил в двадцатых годах «пролетарский» поэт Илья Садофьев. Перед арестом ведал производственным обучением на Ижорском заводе.

Завелись у нас самодельные шахматы. Объявились заядлые игроки. В активированные дни развернулись баталии. Я его спросил:

- Играешь, Костя?
- Играю.

Сели. Обычные ходы, простые, известные. Никаких агрессий, никаких жертв, ловушек. Партия протекает нормально. И вдруг замечаю, что мне некуда ходить: куда ни пойдешь — потери, потери.

Стройковский играл с каждым, как если бы перед ним сидел сам Ботвинник. Он обдумывал серьезно каждый ход противника, пусть самого неумелого. Шла солидная расстановка фигур, маневрирование, накопление сил. Создавалось впечатление, что не он играет хорошо, а ты делаешь неудачные ходы. Ничего бьющего на эффект. Все охотно садилась с ним играть, надеясь когда-нибудь выиграть. Он давал возможность своему противнику проявить свои лучшие качества, разрешал брать ходы обратно.

Все ему проигрывали, но эти проигрыши никого не унижали.

В игре человек легче всего раскрывается и обнаруживает такие черты характера, какие в обычной жизни удастся скрыть. Шахматы не составляют исключения. Костя-шахматист был благороден, великодушен, умен. У него было настоящее уважение к противнику, презрение к легким победам и дьявольская выдержка.

Среди шахматистов, естественно, зашла речь об игре вслепую.

— Когда-то играл, не глядя на доску, — заявил Стройковский.

— Попробуем? — предложил я.

— Идет.

Я уселся за доску, а Стройковский полез на верхние нары. Вокруг меня образовался круг советчиков. Это не спасло меня от проигрыша.

Слава о Стройковском-шахматисте шагнула далеко за пределы Лесзага и достигла Усть-Усы, где помещалось наше Управление. Его вытребовали туда, и он демонстрировал начальству свои шахматные способности, причем пробовал, и успешно, играть против двоих, не глядя на доску. Там он и застрял.

Я увиделся с ним снова, когда в сорок первом году попал на Усть-Усинский лесной рейд. Он там заведовал небольшим складом горючего.

Вскоре было решено ликвидировать рейд. Стали отправлять людей. Мы с ним ходили просить, чтобы нас включили в один этап, — нам не хотелось вновь разлучаться. Но он был подотчетным лицом, его временно оставили, а меня, бывшего в то время на общих работах, отправили в Кожву.

Через короткое время на Рейде разыгралась трагедия. Подробностей я не знаю: оставшиеся в живых бухгалтер Лихацкий и нормировщик Гинзбург, как я их ни пытал, были так напуганы, их так застрашили на многих допросах, что из них ничего не удалось вытянуть.

Вот что дошло до нас. Однажды начальник Рейда, бывший бандит Ретюнин — личность весьма любопытная, любитель поэзии, знавший классиков, — вошел в барак к заключенным. Их оставалось совсем немного, самые надежные, много лет с ним работавшие. Им он полностью доверял.

— Я получил рацию, — якобы заявил он, — в которой содержится приказ расстрелять всех троцкистов. Нежели вам так погибать, не лучше ли пробиться на фронт и присоединиться к какой-нибудь части или партизанить в тылу у немцев.

Выбрав время, когда бойцы ВОХР были в бане, восставшие заперли их там. Забрали оружие, перешли Печору, разоружили в Усть-Усе милицию, захватили местный банк, повредили радиостанцию, погрузили запас продовольствия на лошадей и двинулись в сторону Троицко-Печорска.

⁷⁵ Второпях восставшие забыли о радиостанции в соседнем селе Новик-Бож⁷⁵. Через эту станцию вохровцы дали знать в Воркуту. Против горстки беглецов были брошены самолеты и отряды ВОХР. Их обнаружили. Все были перебиты. Среди них был и Константин Александрович Стройковский.

Безусловно, то была провокация. Но она должна была быть хорошо подготовлена и организована, если на нее поддался такой разумный, обычно невозмутимый, рассудительный человек, как Стройковский.

Двумя другими членами нашего звена, кроме Стойковского и меня, были Цуцульковский и Комаровский. Зиновий Семенович Цуцульковский был самым старшим среди нас. У него была рыжеватая с проседью бородка клинышком, морщинистое лицо. До революции он был вечный абитуриент. Каждый год он держал экзамен в университет, блестяще сдавал, но не проходил из-за процентной нормы. Уже он других готовил, решал за них конкурсные задания — это доставляло ему средства к существованию, — а сам

поступить не мог. В семнадцатом году он стал большевиком, участвовал в Гражданской войне. Был завкультуротделом ЦК профсоюза металлистов при Лепее, окончил МВТУ и в числе первых инженеров был послан на заводы Форда для обучения автомобилестроению. Несколько лет провел в Америке, а потом возглавлял экспериментальный цех на Московском автомобильном заводе. Он многое видел, многое знал, и мы вечерами, а также в активированные дни с интересом слушали его рассказы.

Звено состояло из двух повальщиков, навальщика и возчика. Мы с Костей взяли на себя самое тяжелое — валить лес. Цуцульковскому как самому старшему поручили самое легкое — быть возчиком. Зиновий Семенович, как и большинство из нас, никогда в жизни не имел дела с лошадью. Утром конюхи сами на первых порах запрягали лошадей новоявленным возчикам. Один из них, старый язвительный крестьянин, попавший в лагерь «по пятьдесят восьмой» за то, что, будучи в колхозе скотником, назвал родившегося бычка Климом, чем осквернил имя «вождя» Ворошилова, — показывая, как надевать хомут, с какой стороны вдевать дугу в гужи, приговаривал:

— Это вам не в райкоме сидеть — тут думать надо.

Комаровский, бывший начальник политотдела МТС, был навальщиком. Вдвоем с Цуцульковским они должны были нагружать бревна на сани. Но в первый же день нам с Костей приходилось отставлять пилу и помогать нашим товарищам, а то и разнимать их. У каждого бревна они затевали спор. Один твердил, что нужно брать за вершину — тут «момент», второй возражал, что его оппонент не учитывает других законов механики. Они способны были ожесточенно препираться над дрыном: какой тут рычаг действует — первого или второго рода. А лошадь стояла и зябла.

Когда у нас появились лошади, встала проблема дорог. Это вридли могли возить баланы по глу-

бокому снегу. Лошади не так воспитаны. Они отказывались идти по снежной целине. Под снегом был валежник, пни. Лошадь могла повредить, а то и сломать ногу. На выпуске военных академий Сталин изрек одну из своих мудростей, что лошадь труднее сделать, чем человека. Не потому ли в лагере за гибель коня карали расстрелом, да и возни для начальства много: нужно составлять акты в десяти экземплярах. (Кстати, в случае гибели человека акты составлялись всего в трех экземплярах.) И не только это. Непременно вмешается третий отдел. Допросы, следствие. Начальство тоже предпочитало быть подальше от третьего отдела. Лошадей очень берегли.

Несколько человек из так называемой слабосилки, одетые во все, что только можно натянуть на себя, взявшись за руки, целый день переминаясь с ноги на ногу, двигались по лесу, утапывая дорогу. Нам тогда выдавали белые фланелевые маски для защиты лица от обморожения. Вид неуклюжих топтунов в масках напоминал замедленную съемку мрачной клоунады, какой-то бредовый танец из кошмарных сновидений.

Среди топтунов мне особенно запомнился один. Звали его Керцман. Он был родом из небольшого городка на Украине. С малых лет работал на маленькой фабрике гнутой мебели. В Ленинский призыв вступил в партию. Вскоре его избрали председателем горсовета, потом послали в губернскую совпартшколу. Во время коллективизации он был председателем колхоза. Больной человек. Политура разрушила его здоровье еще тогда, когда он гнул спину у хозяйчика — богобоязненного кровососа. Пребывание на воздухе не согнало с его лица тюремную желтизну и одутловатость. Ни разу за все время на общих работах он не получал полной горбушки — килограмма хлеба. Посылок ему никто не слал. Шестерить он не умел, придуриваться, ловчить, комбинировать — тоже. Жил на одной баланде и урезанной пайке. Сцепив зубы, топтал он снег, еле вытаскивая

ноги, обутые в белые матерчатые бурки, из которых ключьями вылезала вата. Вокруг доходили ээки. А он все так же топтал снег. Уже был отправлен в стационар великан, грузин из Рачи, красавец и силач Двали. Во время сплава я любовался им, когда он, стройный, длинноногий, будто приросший, гордо стоял на юрком плоту, бешено мчавшемся через перекааты. Глядя на него, я всегда вспоминал Бабеля: «...Длинные ноги его были похожи на девушек, закованных до плеч в блестящие ботфорты». Увезли Двали. Слабели и другие. А Керцман все держался, все так же топтал бесконечные дороги. Что держало на ногах этого человека? Откуда брались силы?

Его напарник мне рассказывал:

— Он чудаковатый, этот Керцман. Я подслушал, как он все время шепчет: «Я его переживу... я должен его пережить».

Это казалось совершенно несбыточным.

Я был моложе и здоровее Керцмана, и то не надеялся выжить те пять лет, которые мне было определено провести в лагере, а уж ЕГО пережить! Кто мог об этом думать!

— И все равно я его переживу, — сказал мне Керцман, когда я решился осторожно заговорить с ним об этом. — Я должен, вы понимаете, я дал обет. Я поклялся. И я его переживу!

В марте пятьдесят третьего года, в Красноярской ссылке, услышав по радио траурное сообщение, я вспомнил Керцмана и подумал, слышит ли он эту весть. Как хотелось, чтобы он выжил и услышал, этот подлинный герой духа!

Зафранский тоже стал возчиком. Он работал на каурой круглой кобылке Бомбе. Она чем-то напоминала деревенскую краснощекую молодку, сдобную, как малявинские бабы, в меру лукавую и, пожалуй, втайне блудливую.

Но среди обычных коняг выделялась серая в яблоках кобылица Бутырка. Это была аристократка. Изящная, она не ходила, а выступала. Ее прозвали у нас балериной. У нее были тонкие, точеные ноги.

Ее возчиком стал Иванов Александр Иванович. Певец и музыкант, с покатыми плечами, сильный и ловкий. Следующим летом, когда вместо Полякова начальником Лесзага стал Локтев, Иванов был взят им в свои личные «шоферы».

Локтев не был аттестованным, но носил полувоенную форму, широкий командирский ремень и портупею. Его любимой позой было засунуть руку за пояс, а ногу поставить на пень или скамейку. В таком виде он отдавал распоряжения, может быть, в его воображении пень был полковым барабаном, поваленные деревья — трупами врагов, а он, Локтев, полководцем.

Каждый уважающий себя начальник мечтает о персональной машине и личном шофере. Автомашин на Лесзаге не было, дорог — тоже. Была река Сыня, служившая дорогой круглый год. У Локтева была персональная лодка, а Иванов стал его «шофером». Выгрести от Сынянырда до Иваша — пятьдесят километров — против течения, дело нешуточное. Локтев никогда не помогал Иванову даже на перекатах. Сидел на корме, прямой и величественный, как идол, не прикасаясь к кормовому веслу.

Иванов оценил достоинства своей красавицы Бутырки, в которой было что-то чистое и немного надменное. Многим это не нравится даже в животных. Находились среди нас люди, норовившие ударить Бутырку или просто облаять. Иванов же был человек с художественными наклонностями. Он любил свою кобылицу, берег, много на сани не грузил. В кармане у него были для нее всегда корка хлеба, крошки. Она послушно всюду шла за ним, норовя забраться мягкой мордой в карман его бушлата.

Многие завидовали возчикам. Завидовал им и я. Все же эта работа намного легче, чем целый день валить лес. Нагрузил сани и иди за ними. Отвез, свалил, а обратно можешь даже проехать порожним.

Наконец и мне поручили коня. Вернее будет сказать, что мою судьбу вручили коню. Мне достался громадный сильный мерин, выбракованный из артил-

лерию, по кличке Трактор. Он и был силен, как трактор. Совладать с ним мне было не под силу. Другой, умный конь, как только сани зацепят вязками за пень, сразу останавливается и ждет — пока не освободишь сани. Трактор же ничего не чувствовал. Мои ноги по его милости были всегда в опасности. Соскользнет нога, а он прет напролом.

Мы завидовали легкой работе возчика, но не замечали теневых сторон. В активированные дни, бывшие нашим спасением, все лежит в землянке и покуривают, а возчики именно в эти дни усиленно возят сено, овес и продукты с базы.

Будто на грех, как только я стал возчиком, пошли активированные дни. И на беду, в самый сильный мороз гужи дубеют и соскальзывают с оглобель. Перепрягать, укорачивать гужи на сорокаградусном морозе дело нелегкое и для привычного крестьянина, а я до этого не имел понятия об упряжи. Проклинаю все на свете, еле справишься с гужами, а тебя уже подстерегает другое. В бушлате на санях долго не сидишься. Сойдешь согреться в ходьбе. Но Трактор не согласен идти шагом, ему тоже холодно, он бежит, догоняя других, а ты за ним не поспеваешь: на сильном морозе трудно глубоко дышать — вот-вот отстанешь. Тут-то я понял мрачную шутку о том, как один возчик просит другого: «Скажи моей лошади тпру». Так замерзнешь, что губы не складываются произнести сигнал остановки.

Сила Трактора, его нетерпеливый нрав чуть было не привели его и меня к настоящей беде. В активированный день мы поздно возвращались обозом из Сынянырда, нагруженные овсом и продуктами. При въезде с Усы на командировку образовались большие раскаты. Чтобы сани не скатились в русло замерзшего ручья, лошадей пускали по одной, конюхи поддерживали сани с боков. Я был в середине обоза. Пока передний конь стоял, ждал спокойно и Трактор. Но как только тот двинулся, за ним пошел и мой. Я не мог его остановить. Неподдерживаемые сани заскользили под откос,

опрокинули коня, и он кувырком полетел, обламывая кусты, вниз на пни и колья. Я скатился за ним и замер на месте.

Трактор лежал на спине, только ноги его торчали вверх, и хрипел. Ну все! Я знал, что полагается за гибель коня. Догадливый Иванов, первым опомнился, подбежал с топором и обрубил заворотки. Подыметесь или не подыметесь? Случилось чудо. Конь поднялся целехонек. Ни одной царапины. А меня из возчиков все же разжаловали.

76 Снова топор и пила. Появились кое-какие навыки, сноровка. Даже Цуцуйковский с Комаровским не так подолгу дискутировали у каждого бревна. Научились мы понемногу и туфтить. На первых порах наша туфта была наивной и неумелой. В хлыстах⁷⁶, имевших на вершине «штаны», старались отрезать по мутовкам⁷⁷, чтобы при замере вышло больше кубатуры, фаутные комли⁷⁸ заделывали снегом, маскировали. Иногда удавалось сдать десятнику дважды один и тот же лес. Когда тот завел клеймо, мы отпиливали кружки с клеймом, перекатим немного бревна и опять сдаем. Как я недавно узнал, на Колыме точно так же поступали. И называлось это у них «освежить бутерброды».

Вокруг туфты было много жарких споров: честно ли это, допустимо ли? Всем, или почти всем нам, претил обман. Как же быть? Без туфты нормы не выполнишь. Она рассчитана на стахановцев да вдобавок к тому еще на двенадцатичасовой рабочий день. А выжить можно, только если будешь получать горбушку, то есть полный паек.

Туфта не была чем-то инородным. В ней не было ничего злонамеренного. Она была органи-

⁷⁶ Хлыст — ствол поваленного (срубленного) дерева, у которого отделены корни, вершина и сучья.

⁷⁷ Мутовка — часть осевого органа растения (узел), обычно стебля или ветви, на которой кольцеобразно, на одной высоте (уровне), располагается три и более органа, обычно листьев, иногда цветков или ветвей.

⁷⁸ Толстая часть ствола дерева непосредственно над корнем и корневищем с дефектом и повреждениями.

чески присуща лагерю. Она — краеугольный камень всей системы. Глубоко справедлив бытовавший тогда афоризм: «На чем держится Ухта (Ухтпечлаг)? Ее держат три кита: блат, мат и туфта». А для нас туфта была одной из форм борьбы за существование. Сами десятники и бригадиры «натягивали» за счет всяких вспомогательных работ: расстояния, высоты подъема, очистки снега. Прораб Гаврилин на Воркуте называл пургу «матушка-кормилица». Она давала ему возможность «проводить» людей на очистке снега.

79 В Важкурье наш нормировщик «погорел» в женском лагпункте Кочмес⁷⁹. Не имея никого другого, Поляков назначил меня. Штабелевали бревна. Нормы, присланные из Адзъвавома, были чудовищными. Я «ошибся»: там, где единица измерения была кубометр, я читал «штука». И все зарабатывали хороший «котел». Я был, конечно, «бездарным туфтачом», меня через две недели разоблачили и выгнали из нормировщиков в сторожа.

Нормировщики, десятники, бригадиры, если они не были «собаки», должны были обладать своеобразным талантом, чтобы удержаться на своей должности и не «довести» работяг. Умение заполнить рапортчику, как, впрочем, и сейчас умение закрыть наряд на стройке и в промышленности, дело большое, важное, не всякому доступное.

Были и тут артисты своего дела. В лагерном фольклоре эта сторона жизни тоже нашла свое отражение в образцах заполнения рабочих сведений. Например, на лесозаготовках: «Укладка фраеров в штабеля — кубометров столько-то», «Оттяжка солнца» — повременно три часа», «Трелевка дыма — на расстояние столько-то сот метров» и тому подобное. Рассказывали байки про лопухов-нормировщиков, якобы принимавших к обработке такие рапортчики.

Вскоре нашему относительно спокойному житью в Вавилоне был положен конец. В ту пору

79

Лагпункт, входивший в систему Ухтпечлага.

у Полякова состоял в должности «ученого еврея при генерал-губернаторе» Ульяновский Ростислав Александрович. То, что он вовсе не был евреем, не меняет дела. Это скорее служебное обозначение, а не национальное. Так называли всех экономистов — главных советников при начальстве. Многие из них использовали все возможности для облегчения жизни заключенных. Линецкий рассказывал нам про Абрамовича, бывшего в этой же должности при начальнике Лесзага «Косью» Ретюнине. Там жизнь была намного легче, чем в Вавилоне. Неслыханные вещи происходили в «Косью». Поручают, например, зачистить хвост сплава. Бригада возвратилась с задания. Ретюнин посылает десятника проверить, не осталось ли бревен на берегах. Если все сделано хорошо, бригаду отпускают на день-два в соседнюю деревню и выписывают им сухой паек. Ничего, что в этой деревне всего четыре избы, что с жителями трудно объясниться. Почувствовать себя почти вольным, побыть среди свободных людей, пусть всего одни сутки — нам это казалось великим счастьем. Эту идею с отпуском подал Ретюнину «ученый еврей» Абрамович.

Не таким был Ульяновский. Он был действительно ученым, талантливым востоковедом, и умен был дьявольски. Густые, длинные русые волосы. В Адзьявове его удачно прозвали «белокурой бестией». Влияние на Полякова он имел большое. Свой ум он использовал для еще большего нашего порабощения. Ульяновский придумал систему, исключавшую туфту на повале. Раньше валка леса, вывозка и штабелевка были отдельными операциями. Десятник принимал у нас лес на делянке. Теперь создали комплексные звенья. Каждому звену придавалась лошадь. Лес принимали на катище. Никому дела не было до того, что вы делаете в лесу. Всему звену засчитывается только то, что привезено на катище. И норму установили на первый взгляд небольшую — девять кубометров на четверых.

⁸⁰ Приемщиками поставили «зверей»⁸⁰ — их не умолишь, не упросишь.

⁸¹ Лес у нас был еловый, мелкорослый, свиловатый, редкий. Большая сбежистость⁸¹ — морковкой. К дереву не подступиться — ветви до земли, как яблоня. Снег глубокий. К каждому дереву нужно прорыть траншею. За высокие пни штрафовали. Во время паводка лес затопляло. Спадая, вода оставляла на стволах ил, съедавший зубья у пилы.

Мы подсчитывали, что для выполнения нормы требовалось свалить сорок хлыстов. Сучьев на ели много. Их надо обрубить, снести, сжечь. Сырые, они плохо горят. Выгорит середина и остается воронье гнездо. Чтобы сжечь все сучья, мы раскладывали большой костер из предварительно сваленных сухостоин и уж на эти костры сносили сучья.

Тут-то мы и приуныли. Конечно, норму можно было выполнить, но для этого приходилось всего себя выложить. Один, два дня можно так протянуть, дальше как? Срок большой, ему края не видно. Так скоро и дойдешь...

Сидим как-то мы у костра и обсуждаем свою тяжелую долю. Подошел к нам прораб из «Неофита», такой же коллаборационист, как и Ульяновский.

Подошел, сел у костра, достал пачку махорки:

- Закуривайте, ребята. Чего нос повесили?
- Да вот, норма невыполнима. Шутка ли, сорок деревьев надо свалить и обработать!
- А я вас научу, как легко выполнить норму. Главное — делать все не спеша, не торопясь. Пришли утром в лес. С ходу раз-раз двадцать деревьев свалили, сучья обрубили, хлысты раскрывали, костер разложили, сучья на него поносили, сани наложили. Теперь, пока возчик делает первую езду, можно спокойно и покурить. Отдохнули и снова:

⁸⁰ Лагерное прозвище, даваемое уроженцам Кавказа или Средней Азии.

⁸¹ Сбежистость — постепенное уменьшение диаметра ствола или ширины необрезного пиломатериала по всей его длине по направлению от комля к вершине.

раз-раз двадцать деревьев свалили, раскряжевали, сучья сожгли. Тут уж вы делаете большой перекур. Не спеша подогрели хлебушко, закусили, со вкусом покурили. Отдохнули хорошенько и напоследок остается сущая херня: раз-раз двадцать деревьев свалить, сучья обрубить, сжечь, раскряжевать и все! У вас не только норма схвачена, но и на премпирожок будет, и задел на завтра останется.

Был он сыт, одет в аккуратный новый бушлат-полупальто, ладные ватные штаны, на ногах валенки первого срока. Глаза ясные, улыбка приятельская. Обещал подбросить курица, валенок, бушлатов...

— Ишь, сладкопевец! — сказал Цуцульковский, когда прораб отошел. — «Раз-раз»! Ведь он издевается, этакий хлюст. А кто он? Такой же зыка, как и мы с вами. Кто придумывает эти нормы? Заключение. Кто кричит на тебя: «Давай-давай!» — заключенные. Я уже скоро три года в лагере и не видел еще ни одного начальника из НКВД. Все — заключенные или бывшие заключенные. Поневоле вспомнишь библейские времена. У древних евреев были ужасные проклятья, изощренные сатанински. Но среди них было одно, почитавшееся самым страшным, страшнее проказы, нашествия гадов, смерти первенцев, повального мора. Оно звучало так: «Чтобы тебе быть рабом у раба». Нас постигла эта, самая страшная казнь — наши надсмотрщики рабы, мы рабы у рабов.

В первое время мы пытались саботировать новые нормы. Никто их не выполнял. Сидели на «семисотке и шестисотке». Первым сдался Сергей Морозов. Он был из крестьян, кажется, раскулаченных. Молодой и сильный, он удивительно красиво работал в лесу. Ему нетрудно было выполнить норму. Вторым капитулировало грузинское звено. Крепыши все,

как на подбор. Эти два звена стали выполнять норму. Приехал Поляков.

— А-а-а, троцкисты, такую вас мать! Контрреволюционный саботаж устроили! Расстрела захотелось? Звенья Морозова и Двали выполняют, а вы не хотите! Всех передам в третий отдел! Голодом заморю!

Одно за другим звенья стали выполнять норму. Изо всех сил тянулись. Выполняли норму и мы. Но как это давалось! Изо дня в день, от зари до зари мы ратоборствовали с враждебным нам лесом. И по ночам не было от него отдыха. Во сне снова попадаешь в лес. Пилишь, рубишь, перекаты-ваешь, ворочаешь бревна. И так всю ночь напролет мечешься, а со всех сторон тебя обступили деревья. Все подсчитываешь кубатуру, никак на норму не набирается...

Многие годы после этого я не мог бескорыстно любоваться лесом. Бродил ли я по киевским паркам, попадал ли в лесную дачу под Свердловском, я каждое дерево быстро оценивал, какая из него может выйти кубатура, в какую сторону его следует валить, на какой сортимент⁸² разделять: вот из этого можно вырезать три шестиметровых бревна и четырехметровку, а из этого столько-то.

Просыпался утром разбитый и снова шел сражаться с лесом. Казалось, что и дерево видит в тебе своего врага. Оно защищалось, выставив вперед ветви, опущенные до самой земли, оно зажимало пилу. А ты прорубаешься сквозь защиту и вгрызаешься топором и пилой в живое, стонущее тело дерева...

Я стал слабеть. Силы убывали. Хоть бы заболеть! Болезнь — это несколько дней отдыха. В тридцатиградусный мороз я выходил босой и стоял на снегу, сколько мог вытерпеть. А назавтра хоть бы насморк! Не помогает. С некоторых пор появилась боль ниже правой лопатки. Будто воткнули туда

⁸² Сортимент — это круглый, колотый или пиленый лесоматериал установленного назначения, соответствующий требованиям стандартов или технических условий.

острый тоненький ножик. Пошел на прием к Пинти. Он меня внимательно выслушал, поставил термометр — температура нормальная.

— Это у вас мышечное. Объективных показаний для освобождения от работы нет.

Пинти был болгарин. Худой, болезненный, седая голова. По слухам — известный маляриолог. Ульяновский не мог допустить такой роскоши, чтобы в Вавилоне, где всего было пятьдесят эков, держать освобожденного лекпома, поэтому Пинти половину дня работал в лесу, и только потом принимал больных. Он принадлежал к тем лепилам, о которых говорили: «Ты принеси ему свою голову под мышкой, тогда он тебе поверит, что ты болен».

Пинти не находил у меня объективных показаний, а я слабел и слабел. Прибавилась еще мучительная изжога. Пилить внаклонку стало нестерпимо. Работай я в одиночку, еще бы ничего, но я состоял в звене, выработка делилась поровну. Товарищи по звену видели мое состояние, часто советовали посидеть у костра, отдохнуть, но я не мог сидеть, зная, что они работают на меня.

Что делать? Как бы заболеть? Где взять эти «объективные показания»? На память все чаще приходил рассказ Линецкого.

На Лесзаге «Косью» вместе с ним был один молодой человек. Потянуло его когда-то, пятнадцатилетнего юнца, повидать свет.

Тайно перешел границу и начал свои странствия. В одном месте поработает, скопит небольшую толику денег, переезжает в другую страну. Обошел и объездил всю Европу. Прошло несколько лет, затосковал по родине. Ностальгия не давала покоя. Мучительно захотелось посмотреть на дом, в котором жил, пройти по пыльной улочке, где бегал когда-то босиком. Ступни его еще помнили ее мягкую теплоту. А сохранилась ли та лужа, что никогда не высыхала перед их домом. Не в силах противостоять властному зову, он подался на родину. Так же нелегально перешел границу, но тут был схвачен. Никто его объясне-

ниям не поверил. Шпион — чего там долго толковать! Тройка. Суд короткий — десять лет. На Лесзаге он ходил в отказчиках. «Трам-тара-рам, триста грамм и гуляш по командировке». Сажали в карцер. Доведенный до отчаяния, он однажды в бараке, на виду у всех, схватил топор дневального, положил левую руку на чурку и перерубил себе кисть.

И себе такое сделать? Я посмотрел на свою руку и будто впервые ее увидел. Какая она красивая! Какая умная! Миллионы лет природа ее совершенствовала, сделала удивительно целесообразной. Я не могу ее уродовать. А как же получить освобождение от работы? Мне необходимы три-четыре дня отдыха. Я вот что сделаю: немного надрублю руку, вот в этом месте, на сгибе ладони, где мякоть. Только бы кость не задеть... Несчастный случай, обрубал сучья, топор соскочил. Это будет выглядеть правдоподобно, если будут разрублены варежки и рукавица. Иначе беда! Саморубов в третьем отделе не щадят. Все обдумал. Решился.

Мы как раз свалили несколько деревьев и стали обрубать сучья. Я забрался в самую гущу, меня ниоткуда не видно. Выбрал развилку, положил туда левую руку. Примерился. Замахнулся... Рука сама отодвинулась. Несколько раз так: пока правая рука опускает топор, левая — незаметно отползает.

Говорят: «Правая рука не знает, что делает левая». Нет, они хорошо знали. Левая, казалось, говорила правой: «Что ты собираешься делать? Чем я тебе была плохая сестра? За что меня калечить?» А правая — отвечает: «Меня заставляют, но я буду бить мимо». Они были в сговоре против меня, хитрили, увиливали. То левая отодвигалась, то правая не попадала. Я их уговаривал, кажется, даже вслух, что это будет не больно, легкий надруб с самого края...

Несмотря на мороз, у меня выступила испарина. Мне казалось, что прошло бесконечное количество часов, меня могут хватиться, окликнуть, не слыша долго моего топора.

Наконец удалось! Носок топора рассек край ладони. Рукавица и внутренняя варежка в крови. Держа пораненную руку перед собой, я пошел на командировку. Пинти засочувствовал, перевязал мне руку. Я забрался на нары.

Царапина была пустяковая, и рана быстро заживала. Чтобы этому помешать, я по нескольку раз в день растягивал рану. Пинти сокрушался: «Плохо у вас заживает». Я же огорчился, что слишком быстро.

Откуда-то выползло подленькое, чего раньше в себе не предполагал. Я лежал целыми днями на нарах, но день пролетал как один миг. Ну вот только что люди ушли на работу, а они уже возвращаются. Почему их так рано отпускают? Моя бы власть, я бы их еще задержал в лесу. Я не успевал насладиться своим преимуществом, добытым с таким трудом.

Прокантовался я несколько дней, но все же заметно отдохнул.

Снова мне дали коня. Это был гнедой мерин. С ним я тоже принял много мук, хотя он был прямой противоположностью Трактору. До меня на гнедом работал Орлов. Флегматик, но уж очень себе на уме. Он ничего не принимал близко к сердцу, даже бушлат так же щадил, как и свое сердце.

Грузили мы на запани лес в баржи. Делалось это так. Выбирали крепкую плитку, у которой все бревна прикреплены к ромжинам хомутами. Ее подводили к барже. С нее на борт баржи устанавливали два поката, укрепленные скобами. Два человека стояли на плитке. Они выбирали баграми бревна и подтягивали к плитке. Набрасывали на оба конца бревна веревки, один конец которых был прикреплен к борту баржи. Четверо (по два человека на каждую веревку) стояли наверху и тянули за веревки. Бревно по покатам катилось вверх, достигало борта и падало в трюмы.

Все мы, разумеется, были насквозь мокры. Барака тогда на запани не было, а был какой-то дырявый шалаш. На гнилом сене, иногда поливаемые дождем, мы отдыхали до следующей смены. А Орлов

был сухим. Я долго не мог понять, как можно остаться сухим, когда тянешь изо всех сил мокрую веревку, только что побывавшую в реке. Однажды вышло так, что Орлов оказался моим напарником. Я стал на борт, а Орлов сзади меня — на палубу (он всегда старался стать сзади). В этот день мне было особенно тяжело тащить бревна. Что случилось? Неужели попался сплошной толстомер или все бревна комлями в мою сторону? Посмотрел — нет, обычные бревна. Почему же так тяжело? Оглянулся и увидел, что Орлов, далеко отставив руки от своего армейского образца бушлата, не тянет веревку, а только перебирает ее в руках, чтобы она не упала в трюм.

Человек приспособливает к себе природу. Он влияет на окружающую его флору и фауну. Даже пейзаж каким-то образом приобретает вид, соответствующий обитающему в нем человеку. Человек украшает природу, облагораживает ее. Но он же уродует природу и развращает ее детей.

Развратил гнедого мерина Орлов. Бегать конь вовсе не хотел, а ходил, тихо переставляя короткие, мохнатые, кажется, даже немного кривые, как у Орлова, ноги.

Начинаем грузить бревна на сани. Положили одно, другое. Конь оглядывается недовольно: «Не много ли грузите?» А когда наваливаешь третье, четвертое, он поджимает уши. Нагрузили. Увязали. «Но!» Конь — ни с места. «Н-но!» Оглянулся через правое плечо. Оглянулся через левое плечо. Недоволен: «Много же, сбросьте парочку». Дергаю за вожжи. Гнедой, переступая с ноги на ногу, начинает медленно раскачиваться. С правой на левую, с левой на правую. Я выхожу из себя, нагибаюсь и хватаю палку. Но это его не пугает. Он как будто знает приказ лагерного начальства, запрещающий бить лошадей. Очень гуманно относились в лагере к животным. Поляков запрещал нам употребление кнутов. Хлыстика, и того не разрешалось. Неожиданно появлялся Поляков на делянках, и горе было тому, у кого в руках он увидел хворостину. А в это время

во внутренних тюрьмах на допросах отшибали почки, рвали барабанные перепонки, вышибали зубы. Трудилась целая армия подобранных «из молодых да ранних» вышибал. На Воркуте в эти самые дни выводили мучеников из «Старокирпичного» якобы в этап на Салехард, и в тундре расстреливали из пулемета. А лошадь не смей тронуть хлыстом...

Это невероятно, но животные чувствуют, когда человек для них не опасен. Мой гнедой хорошо знал, что я его не ударю. Но что лошадь! Дикие птицы, и те понимали, что мы бесправные заключенные, что оружия у нас нет. Поэтому и опасаться нас не надо. Каждый день, отправляясь на свои делянки, мы проходили березовой рощей. Часто деревья были усыпаны косачами. Жирные тетерева копошились в ветвях. Обычно такие сторожкие, они не улетали и роняли на нас шелуху от березовых почек и, кажется, насмешливо поглядывали на проходивших под ними голодных зэков, для которых они были недосыгаемы.

К концу моего пребывания в Вавилоне воля начальства свела меня ближе с Батлером. Я давно за ним наблюдал, но не было случая сойтись. Сводила ведь совместная работа, а нам до того не приходилось работать вместе.

⁸³ Дед Бориса Александровича по отцовской линии был кантонистом⁸³, насильно крещенным. Внук кантониста родился уже в православии и унаследовал от деда разве только фамилию да горячие черные глаза. У него была редкая для обитателей нашей землянки профессия. Он был специалистом по мехам, участвовал в международных пушных аукционах, проводившихся в Зимнем дворце. Перед арестом был мастером на московской меховой фабрике. Тоненький, худенький, он мне чем-то напоминал

⁸³ Кантонисты — в Российской империи несовершеннолетние сыновья нижних чинов (солдат и унтер-офицеров), которые со дня рождения принадлежали к военному ведомству. Служба в армии детей еврейской национальности подразумевала обращение в христианскую веру.

лермонтовского мцыри. Легко возбуждался, чуткий до болезненности ко всякой несправедливости. Один раз я увидел, как он будто поднялся в воздух, перелетел из одного конца землянки в другой и вцепился в своего обидчика — здоровенного детину, готовый перегрызть тому горло.

Весь он был как натянутая струна. Когда нам приходилось пилить, я легко угадывал состояние его духа, по тому, как шла пила. Узнав его ближе, я безошибочно определял, что сейчас он думает о своей жене — казанской татарочке, нежно любимой им — пила вибрировала.

Северная природа была к нам жестока, но и милостива одновременно. Самой большой милостью был короткий зимний день. Уж как ни старалось начальство, а двенадцатичасового рабочего дня зимой не получалось. Как стемнеет, поневоле ведут в лагерь. В долгие зимние вечера мы по очереди вели рассказы. Сегодня Цуцульковский рассказывает о внутренней организации производства на заводах Форда. Завтра — кто-нибудь интересный случай из жизни. Подошла очередь Батлера. И тут он нас всех удивил. Он нам рассказал «Письмо незнакомки» Стефана Цвейга. Рассказал почти дословно, со всеми еле уловимыми тонкостями. Мы, огрубевшие, погруженные в мысли о пайке, о туфте, о грызущих нас паразитах, погрузились благодаря Батлеру в извилины человеческой души, в лабиринт психологических нюансов. Я помню до сих пор эстетическое удовольствие, испытанное тогда мной. Грязная землянка, клопы, вши, храп и стоны спящих кругом смертельно усталых людей, темнота, еле пробиваемая чадящими «свечами» из скрученной бересты, вонь от сохнувших у печки портянок и валенок, и на этом мрачном фоне светлая, прозрачная струя цвейговского искусства!

В первые лагерные годы мы страдали не только от повседневных тягот. Нас пугало будущее. «Допустим, — рассуждали мы, — что нам удастся выжить, отбудем срок, выйдем на волю. Ведь мы же одичаем за эти годы, влача почти первобытное суще-

ствование, когда в центре всех помыслов стоит «пайка», все радости, все огорчения зависят от ее размеров. Пять лет без книг, без театра, без богатого мира искусства! Культура развивается, а мы безнадежно отстанем».

Те, что выжили, пробыли дважды, а то и трижды по пять лет. Вышли — и что же? Оказывается, мы вовсе не дикари. Нас очень удивило, что мы не чувствуем себя отсталыми, встретившись с теми счастливыми, кто все эти годы провел на свободе. Почему так получилось?

Это только казалось, что духовная жизнь в нас замерла. Она продолжилась, но была загнана внутрь. Замечательно об этом сказал Экзюпери в «Письме заложнику»: «И так как пустыня (можно подставить слово «лагерь». — Л. Г.) не предлагает никаких богатств, так как в ней нельзя ничего ни увидеть, ни услышать, а внутренняя жизнь не только не погружается в сон, но даже становится богаче, убеждаешься в том, что человека одушевляют прежде всего незримые побуждения. Человеком правит дух. В пустыне я стою того, во что верю». Батлером в высшей степени властно и безраздельно правил этот Дух.

Борису Александровичу и мне поручили вывозить бревна из давно покинутых делянок. Мы помогали друг другу нагружать сани и потом сваливать баланы на катище. Работником он оказался необыкновенно старательным, по мне, даже слишком старательным. Морозы в ту пору стояли жгучие. Как обычно, у нас горел костер. После каждого рейса мы около него отогревались. Батлер не давал мне лишней минуты отдыха. В первый день мы сделали 8—9 ездов, почти не отдыхая, хотя никто у нас леса не принимал (а может быть, именно поэтому). За все время работы на этих делянках мы ни разу не видели десятника.

Когда на третий день пришло время получать хлеб за вывозку, нам выдали по шестисотке. В первый раз мы промолчали, во второй — обратились к десятнику.

- Так получается, ребята. Подождите, позже подброшу.
- Но мы продолжали получать урезанный паек.
- Вот, — говорю я Батлеру, — видите, какой смысл лезть из кожи вон?

Через несколько дней я с трудом уговорил его подольше задерживаться у костра, не надрывать-ся: «одна подяка», как говорят украинцы. Стали делать по 6—7 ездов — все те же шестьсот граммов. Мы снизили число оборотов до 4—5 — нам стали выписывать по семьсот граммов. А когда уж из спортивного интереса делали 1—2 рейса, мы стали получать полную горбушку. Борис Александрович все это время страшно томился, порывался ездить один, чувствовал себя окаяннным преступником. Он не мог наслаждаться этим ворованным отдыхом у костра, был грустен, раздражителен. Однажды после долгого раздумья он мне сказал:

- Вы знаете, какая страшная мысль неотступно преследует меня последние дни? Может быть, лагеря придуманы врагами, задавшими целью вызвать у людей отвращение к труду. Возьмите меня. Я всю жизнь испытывал удовольствие от работы. Я наслаждался ею. Из тюрьмы я рвался в лагерь, писал заявления, объявил даже голодовку, требуя, чтобы меня скорее отправили, потому что нет худшего наказания для меня, чем безделье. Я знал, что меня ждет тяжелый, принудительный — поэтому в тысячу раз тяжелее — труд. Но он меня не пугал. А теперь я наблюдаю, как во мне зреет ненависть к труду, не потому только, что он вынужденный, а потому, что он бессмыслен. Помните, мы ведь с вами были в одном этапе, — когда мы прибыли на Крутую, к нам пришел воспитатель. Он рассказал, что тут таятся неисчислимые запасы благородного газа гелия. Здесь будет когда-нибудь построен город Гелиоград, тут будут заправляться дирижабли, и нам, бри-

гаде камнеломов, предстоит добыть камень для фундамента будущего Гелиограда. Поверите, я, невинно осужденный, ведь увлекся этой идеей. В тоненьких кожаных ботинках, в своем еще с воли принесенном, уже дырявом пальтишке я ломом и киркой добывал этот камень, обмораживая себе руки. И что же? Весной река Ижма разметала выложенные нами штабеля камня, никому не нужного и по сей день. И наш труд не только был бесполезен, но он принес вред. Камни запрудили реку, образовали перекаты, одним словом, изуродовали красавицу реку. Там же мы рубили дрова для 3-й Буровой.

Рубили по берегу реки выше буровой, с тем чтобы сплавить их до запани. Но береза во время сокотечения тяжелее воды, и все нами заготовленные дрова пошли ко дну, опять-таки захлавив реку.

А тут? Кто-то валил этот лес. Мы вывозим его на пожню. В паводок его расшвыряет, как расшвыряло в прошлом году. Некоторые баланы на запани уже узнаю «в лицо». За три года я их валил, возил на катище, спускал в реку, плотил в плитки, сплавлял до запани. Там я их выкатывал на берег, складывал в штабеля. На следующий год я их снова спускал в реку, вязал из них «щуки». Эти «щуки» ни один пароход не мог тащить против течения по быстрой Усе. Они замерзали за мысом. Зимой я их выкалывал изо льда, снова возил на берег, снова штабелевал, чтобы летом — в который раз! — спускать на воду, а потом грузить в баржи.

И котел тоже не зависит от твоего труда, от твоего старания, а от каких-то комбинаций десятника. Ты получаешь не то, что заработал, а то, что тебе «выведут». И тут ты похож на нищего, которому подают милостыню. Почему мы стали получать килограмм? Вы не знаете этого. Раскрою секрет. Я однажды прижал в темном углу Полонского:

— Долго ты нас будешь морить, сука? Душа из тебя вон, падлы кусок!

Поговорил с ним на единственно понятном ему языке, и пошли горбушки. Ужасно, просто ужасно! Это заговор, говорю я вам, подлый, хитрый заговор. Цель его — растлить, изуродовать людей, чтобы уже никогда, выйдя на волю, не желали работать, презирали, ненавидели труд.

84 Вскоре мы с Батлером расстались. Он был этапирован в Еджыд-Кырту⁸⁴. После реабилитации я стал разыскивать тех, кто вышел из «вавилонского пленения». Нашлись Бирюков, Зафранский, Глonti, Щенников, Гульштейн, Рояк, Шумаков, Тюрин. На мой запрос о Батлере московский адресный стол ответил: «В Москве и Московской области не проживает».

Верны были, выходит, слухи, что он утонул в Печоре. Он бы непременно вернулся в Москву, будь он жив.

Нет в живых Батлера, человека с горячими глазами и недремлющим сердцем, «открывшего» заговор против самого для него дорогого — любви к труду.

1964 г.

КРУТАЯ

1937 год

Я слышал о нем еще до нашего знакомства. Прошел слух, что на 5-й Буровой некто объявил голодовку. Это казалось лишненным всякого смысла. Мы знали по собственному опыту, что этот ранее испытанный способ протеста ныне не производит на начальство никакого впечатления. Лишь на седьмые сутки к голодающему явился врач. На командировке 1-я Буровая уже много дней голодал один сионист. В тюрьме, когда объявляли, то из камер все выметалось, чтоб и крошки съедобной не оставалось. А тут, находясь в общем бараке, среди всех принимающих пищу —

84 Угольный рудник (среднее течение реки Печоры), входил в систему Ухтпечлага.

и голодать... Неслыханно! Да никто и не обратит внимания, не шевельнется.

И чего же добивается своей голодовкой этот чудаковатый? Всего-навсего предоставления ему работы по специальности техника-строителя. Все скептически качали головами.

Как же были удивлены скептики, когда голодовка увенчалась победой. Он появился у нас на «Кирпичном» в должности прораба на строительстве техсклада.

Наше с ним знакомство произошло не совсем обычно. В бараке мы с товарищами вспоминали годы Гражданской войны. Я, перечисляя действия банд на Украине, упомянул имя Махно. Лежавший невдалеке на нарах человек как вскинется:

— Не говорите глупостей, Махно не был бандитом. Он был членом партии анархистов.

Тут и выяснилось, что накричавший на меня и есть новый прораб Алексей Ефимович Тюрин. Собеседником он оказался необыкновенно занимательным. Впоследствии мы с ним сошлись на молчаливом уговоре не касаться в беседах идейных расхождений. Так, например, при нем нельзя было упомянуть марксизм в положительном смысле.

Тюрин был убежденным анархистом. Много лет уже странствовал по тюрьмам и ссылкам. Объявленная им недавно голодовка была не первой. Случалось голодать и по двадцать суток, подвергаться искусственному кормлению.

Высокий, шагавший широко, с разлетающимися прямыми волосами, он был издали заметен. Худой, но, несмотря на перенесенную голодовку, он не производил впечатления изможденного. Был он не только строителем, но мастером на все руки. Так, он сам себе стачал туфли, а мне, неумехе, потерявшему шапку, сшил из старого пиджака кепку.

Свою деятельность на «Кирпичном» он начал с демарша. Начальником в то время был у нас вольнонаемный Быков. Омерзительный сквернослов, особо

изощрявшийся в неимоверной брани при женщинах. Так вот, именно Быкову Тюрин заявил:

— При мне, на разрядке, не смейте ругаться. И Быков подчинился. При Тюрине он себя сдерживал.

Я в это время работал табельщиком. У меня произошла стычка со старшим воспитателем. То был «друг народа»⁸⁵, осужденный за растление малолетних. Он считал себя заместителем начальника. Я отказался выполнять его незаконное распоряжение. Вызванный к Быкову, я и там вел себя непочтительно. Меня выгнали на общие работы. Попал я в бригаду, работавшую на механической пиле. Мы ходили на работу без конвоя.

Рядом с нами работала подконвойная бригада, выкатывавшая бревна из воды. Эти бревна мы и распиливали на доски.

К концу рабочего дня около нас появился старший воспитатель. Он приказал мне перейти работать в ту бригаду. Я отказался:

— Меня сюда назначили, тут я и буду работать.

Он указал на меня одному из конвоиров:

— Взять его!

Я и конвоиру не подчинился. Тот ударил меня прикладом в грудь, толкая в воду. Я еле удержался на ногах, но не двинулся с места, а потом и вовсе сел.

— Стрелять буду.

— Стреляй!

Пока я пререкался с конвоиром, мои товарищи по бригаде оставили работу, побежали на «Кирпичный» и рассказали Тюрину о случившемся. Он прискакал на лошади и освободил меня.

Очевидцы передавали, что Тюрин ворвался к Быкову и потребовал отстранения того вохровца от конвоирования рабочих бригад, иначе он объявит голодовку.

Подействовала ли его угроза, я так и не узнал. Начальство расправилось со мной по-другому: я был включен в этап на Воркуту. Тут уж Тюрин был бесси-

лен. Мы крепко пожали друг другу руки на прощанье, и я ушел.

⁸⁶ Впоследствии я узнал, что там же, на Крутой, во время зверств Кашкетина⁸⁶, Турин умер в изоляторе во время очередной голодовки.

1977 г.

КОНЬ

Поздняя осень тридцать седьмого года. Пустынный берег в верховьях реки Усы, повыше затона Важкурья. Сюда прибился караван барж, чуть было не затертый льдами, так и не сумев добраться до Воркута-Вома. В трюмах — люди, картофель. На палубах — «техника». Еле-еле успели выгрузиться до полного ледостава. Раскинули большую армейскую палатку для заключенных. Начальству вырыли землянку. Под открытым небом повесили на козлах два котла — кухня. Соорудили загородку для продуктов — каптерка. Образовался непредвиденный лагерь. Спешно копали в отдалении погреба и сносили туда картофель. «Техника», среди которой было ценное оборудование для воркутинских шахт, оставалась в кучах на берегу.

Когда по реке установился санный путь, из Воркуты прибыл «спецификатор». Ему предстояло разобраться в свалке металла. То был длинный, тощий старик, прихрамывающий на одну ногу. Такой же зэка, как и остальные, но из тех, кого называли «выхожу один я на дорогу», так как они пользовались правом вольного хождения. К тому же он был счастливым обладателем ложки.

Ложка... Задумывались ли вы над сравнительной ценностью предметов, которыми мы ежедневно пользуемся? Вот мы сели за обеденный стол.

⁸⁶ Е. И. Кашкетин — лейтенант госбезопасности, оперуполномоченный ГУЛАГа, во время Большого террора руководил массовыми расстрелами политических заключенных Ухтпечлага. По данным общества «Мемориал», за два года (1937—1938) в Ухтпечлаге было казнено 2614 человек.

Он покрыт скатертью. На нем хлебница, тарелки, нож, вилки, ложки, стаканы, блюдца. Что из них самое важное, самое ценное, самое необходимое — без чего уж никак не обойтись?

В том «антимире», где происходит действие моего рассказа, быт был доведен до унижительного убожества. Не было там ни стола. Ни тем более скатерти. Из всего того, что красуется на вашем столе, заключенный, доведись ему выбирать из этой благодати, не задумываясь, ухватился бы за ложку.

Горестной была участь того, кто не имел своей ложки. Ее нигде не приобретешь. А как без нее есть? Из своего котелка можно, на худой конец, вылить баланду себе в рот. Коркой хлеба, а то и пальцами выбрать кашу. А как быть, когда приходится есть из общего бачка, а ложки нет? Не жди от «собачников» — так лагерные остряки называли едящих из одного бачка, — что они хоть каплю оставят. Жестокий, неписанный лагерный закон гласил: «Подохни ты сегодня, а я — завтра». Постоянный голод удел такого бедолаги.

Поэтому ложку берегли пуще глаза, прятали подальше. «Спецификатор» носил свою драгоценность при себе, не рискуя оставить ее в землянке, поближе к сердцу. Она выглядывала из нагрудного кармана его синей куртки, всегда готовая к бою.

Ни старость, ни хромота не ослабили его прыти, когда дело касалось еды. Годы недоедания придали лицу настороженный вид. Глаза рыскали алчно. Нюху его могла позавидовать гончая собака. Стоило откуда-то запахнуть съестным, как он оказывался тут как тут — хотя, казалось, все время ковырялся на берегу в грудях ржавеющей «техники».

Каптером в ту пору был у нас старый лагерный волк Болдырев. Впрочем, мало кто знал его фамилию. Величали каптера уважительно Фан Фанычем. Не всякий, пусть и пожилой, многосудимый арестант, почитаемый шпаной, удостоивался такой

клички. Она свидетельствовала о солидности, своеобразной порядочности ее носителя.

Однажды я стал свидетелем следующей сцены. Дождавшись, когда все уйдут на работу и в землянке никого не останется, Фан Фаныч решил «погужеваться». Он притащил из кухни шипящую сковороду жареного картофеля. Едва он приступил к еде, как сзади над ним нависла долговязая фигура «спецификатора». Из его кармана будто сама собой выскочила ложка и погрузилась в соблазнительное едово.

— У-у-у, падлы кусок, — озлился Фан Фаныч. — Только я собрался втихаря похавать⁸⁷, как он уже тут как тут со своим конем. Ну на, жри, шакальская твоя морда.

Разрешение было излишним. «Спецификатор» торопливо глотал, почти не разжевывая. Потом долго, тщательно, я бы сказал даже, нежно облизывал ложку, словно оглаживал резвого скакуна после лихого набега. А «конь» только что не ржал и не бил копытом.

Язык — строгий оценщик. Чем важнее предмет, чем выше его роль в жизни заключенного, тем больше у него синонимов.

Возможно, селянин, склонный к поэтическому видению, дал ей имя «гриб». Расписная деревенская ложка напоминает яркий гриб на высокой ножке.

Рыбак или помор назвал ее «веслом». И действительно, у ложки есть рукоять и лопасть. Ею, как веслом, гребут по бачку с баландой, гоняясь за питательной гущей.

По всей вероятности, бывший вояка окрестил ее «минометом». И если вспомнить, что в лагере «метать» означало — есть, чуть-чуть фантазии, и перед вами встанет картина: окружили люди бачок с варевом. Кто-то, опережая других, так быстро «мечет», точно миномет стреляет.

А мрачное воображение горемыки, испытывшего все беды безложечного прозябания, увидело в ней «костыль» — опору, поддержку ему, убогому.

87

Хавать — есть, употреблять пищу.

Напомню, что «костыль» — это еще и паек хлеба. Вот как важна была роль ложки — наравне с хлебом!

Назвав ложку «конем», Фан Фаныч, большой знаток «блатной музыки», разумеется, не обмолвился. В значении ложки «конь» упоминается бывшим политкаторжанином П. Васильевым-Северянином в его воспоминаниях, относящихся к началу века. Киевский пристав Попов включил его в свой арестантский словарь, изданный в 1912 году. В советское время филолог В. Тонков записал его в Казани.

Почему «конь»? Может быть, потому, что основой благополучия крестьянского двора был конь? О заключенном, обладателе собственной ложки, можно было сказать, что он уже «на коне».

Так это или не так, но и тогда, сорок лет тому назад, когда я его услышал впервые из уст Фан Фаныча, уподобление ложки коню мне не показалось неожиданным.

1977 г.

НА ПАМЯТЬ

В конце тридцатых годов в районе действия Ухтпечлага был только один паспортный стол — в Усть-Усе. Сюда зимой и ранней весной по льду рек шли с Воркуты, Нового Бора, Косью, Абези, Кочмеса, Инты, Адзъвавома, Еджид-Кырты и с десятка других мест подлежащие освобождению заключенные.

Шли они без конвоя. Пропуском им служил запечатанный пакет с формуляром — «пакет с личностью», как это еще называлось. Шли они от станка к станку, иногда покрывая сотни километров. В мороз и пургу. Скучное свое довольствие они получали на станках сухим пайком. Сводилось оно к хлебу и сырой соленой треске.

Но ни голод, ни холод не причиняли им таких страданий, как солнце, особенно в весенние месяцы. Снег отражает солнечные лучи, а на реке нет ни одного темного пятнышка, на котором отдохнул бы глаз.

Самые догадливые коптели осколки стекла, вкладывали их в тряпье, которым обматывали голову. Кто-то спасался, надевая на глаза чудом сохранившийся с лета накомарник. Большинство страдало от снежной слепоты.

Я в это время был на запани «Сынянырд», в шестидесяти километрах от вожделенной Усть-Усы. Тут был станок. Сюда часто заходили люди «при пакете» — как их называли — за пайком и для короткого отдыха.

Ко всему привыкает человек. Так и мы притерпелись к виду двух кровавых ран вместо глаз у многих, обреченных иногда на полную потерю зрения. Привык к ним и наш фельдшер Джафар Фаталибеков, пытавшийся без особого успеха облегчить их муки. Вид очередной фигуры с закутанной головой уже не вызывал любопытства. Но однажды необычно возбужденный Джафар позвал меня в свою кабинку. На узких нарах сидела молодая женщина. Глаза ее были сильно воспалены. Это было не самое страшное. Самое страшное находилось пониже глаз, там, где у всех людей нос. Вместо него я увидел какую-то бесформенную опухоль багрово-синего цвета. Джафар попросил свою пациентку повторить рассказ, из которого мало что понял. Я услышал певучую украинскую речь, знакомую мне с детства, милое мягкое «л». В ее рассказе была горечь и растерянность человека, впервые столкнувшегося с чудовищным злом.

88

В лагерь попала она за «колоски»⁸⁸. На сжатой колхозной ниве, в стерне подобрала немного зерна. Ей еще повезло — отхватила три года и попала на Север.

Лагерь не показался ей страшным. К тяжелому труду она была приучена с детства, а кормили здесь лучше, чем она питалась дома. Тяготила, разумеется, неволя, тосковала по родным. Докучали

88

Осужденная по Указу 7 августа 1932 года за хищение социалистической собственности. Колхозники осуждались за сбор оставшихся после уборки колосков, картофеля и т.п.

еще наглые приставания мужчин, срамные слова. Была она, на свою беду, хороша своей юной статью.

Да! То, что должно составлять счастье, в лагере оборачивалось бедой. Телесная красота навлекала часто на женщину горе и муки. Как алчная нечисть налетали со всех сторон жадные «любители». Им не терпелось поскорее осквернить, изгадить, затоптать в грязь эту красоту. Каким только испытаниям не подвергалась женщина, наделенная от природы привлекательностью! Дав ей наголодаться, «начальники» пускают в ход пресловутые три витамина «С» — сальЦЕ, маслиЦЕ, сахарЦЕ. Не пошла на эту приманку — отправляйся на самую тяжелую и грязную работу. Вот когда ты станешь «тонкой, звонкой и прозрачной» — ты будешь покладистой. Тогда тебя оставят от утренней разрядки и пошлют мыть полы к начальнику. «Мыть полы» — все уже знали, что скрывается за этим термином.

Для «жеребчиков» из высокопоставленных придурков — заключенных, выбившихся в начальники, — было делом престижа «оформить» каждую выделявшуюся своей миловидностью вновь прибывшую женщину.

Наша «хохлушка» — так все ее называли — случайно избежала грязных лап начальника, но зато блатные не давали ей проходу. Большой лагерный пункт был смешанный. Забора между мужским и женским бараками не было. Общение строго преследовалось, но блатари-ухажеры находили лазейки для флирта. Со временем от грубых домогательств стал ограждать ее некий Леха, «положивший глаз на клевою простячку». Приставания прекратились после того, как тот заявил своей хевре: «Это моя баба, и я оттяпаю грабки любой твари, кто только ее лапанет».

Она была ему признательна. Его опека вызвала в ней ответную волну теплоты. Любви она еще не испытывала. Правда, у себя в деревне она уже ходила на гулянки, провожали ее до дому хлопцы, но на вышки к себе она ни одного не пустила.

Как-то Леха заманил ее в кубовую, заранее подкупив кубовщика махоркой. Тот оставил их на короткое время вдвоем, заперев дверь снаружи. И тут между котлами с кипятком, на куче угля, отдала она ему свое чистое девичество. Долго сопротивлялась, было стыдно и больно.

И странное дело, когда все произошло, в ней стало постепенно расти то вечное по сути своей, материнское чувство преданности к тому, кто стал, пусть и против воли, ее «мужиком». После того как она стала женщиной, ее доселе тусклая, вся в отупляющей работе жизнь вдруг осветилась каким-то смыслом. Появился тот, о ком нужно было заботиться. Теперь ее вечера после работы, редкие дни отдыха были заполнены. Ее мужик должен быть чисто, хорошо одет. Она напрашивалась помогать в бане, чтобы выстирать ему рубаху. Из каких-то тряпок сшила ему кисет, сплела кисточки. Распустила чулок и умудрилась вышить на кисете крестиком незамысловатый узор, чтобы ее Леха стал красоваться среди своих. Он выступал теперь щеголем. В кармане у него всегда лежала аккуратно сложенная, никогда не употребляемая по назначению чистая «марочка» — носовой платок. На его нарах в бараке появилась подушечка, набитая ватой из «сактированных» бушлатов, в цветастой наволочке. Сама недоедала, копила хлеб, и на сбереженную пайку выменивала для него пачку махорки. А он время от времени мял ее в кубовой. Радости это не приносило, но так уж полагалось.

Когда ее вызвали на освобождение и на руках уже был «пакет с личностью», он ее подстерег у выхода из зоны.

— Ну что ж, давай попрощаемся, красючка.

Она подставила ему губы для поцелуя. Он нагнулся, захватил ее нос в свой рот и с хрустом перекусил его.

— Это тебе на память, чтобы меня не забыла, — сказал, вытолкнул на вахту, а сам скрылся.
1977 г.

«МОНАШЕНКА»

Так ее многие называли. Когда-то я знал ее фамилию, имя-отчество, но за давностью лет позабыл.

Судьба свела нас в начале 1941 года в Усть-Усе. Как и многие, у кого заканчивался срок заключения, мы оказались в этом лагерном пункте, располагавшем паспортным столом.

⁸⁹ В ожидании освобождения я был назначен на работу в продстол⁸⁹. Работы было очень много, я не успевал справляться с ней, и завхоз, скромный, застенчивый молодой человек из вольнонаемных, выделявшийся своей мягкостью среди лагерного начальства, дал мне помощницу.

Маленькая, скрюченная, повязанная по самые брови платком, державшая все время глаза долу, она действительно напоминала собой монашенку. Но под этой замшелой внешностью скрывалась образованная женщина. Она была замкнута. Однако совместная работа, сидя друг против друга, оброненное слово, мимолетная реакция на твои или чужие слова — все это невольно раскрывает человека. Так я случайно узнал, что ей ведомы стихи Гейне в оригинале. Не чужда ей была и современная русская поэзия: Пастернак, Багрицкий, Тихонов.

⁹⁰ Постепенно мне стали известны отрывочные сведения из ее биографии. Она училась когда-то на Высших женских курсах Герье⁹⁰. В Первую мировую войну добровольно ушла на фронт и служила сестрой милосердия. Там же на фронте примкнула к большевикам. После революции была на технической работе в Ивановском губкоме РКП(б), когда его возглавлял А. Воронский⁹¹.

⁸⁹ Контора АХЧ (административно-хозяйственная часть) лаготделения, ведающая распределением пайков и учетом затраченных продуктов.

⁹⁰ Московские высшие женские курсы (курсы профессора В. И. Герье), действовали в Москве с 1872 по 1918 г.

⁹¹ Воронский Александр Константинович (1884—1937) — российский революционер, писатель, литературный критик, теоретик искусства. Член ВКП(б). Расстрелян в 1937 году.

В 1921 году, во время повсеместного изымания из церквей золота и драгоценностей для помощи голодающим Поволжья, в ней совершился нравственный переворот. Это ли было решающим толчком, утверждать не берусь, но именно тогда она душой обратилась к религии, открыла для себя Бога. И это было не некое высшее существо, и не Бог Толстого. Она стала православной, с верой в святость церкви, со строгим соблюдением обрядов, почитанием ее священнослужителей.

Была будто бы причастна к какому-то мятежу, что и обрекло ее на тюрьмы, ссылки и лагерь все эти годы. В короткие перерывы служила библиотекарем.

Помощником она оказалась в высшей степени добросовестным. Когда бы я ни пришел, в самую рань, я заставал уже ее на месте. Делала она все аккуратно, не подымая головы, не вступая в разговоры с посетителями. По целым дням я не слышал ее голоса.

За хлипкой дощатой стенкой располагался женский барак. Оттуда иногда доносилось такое изощренное в своей мерзости сквернословие, что я и то весь покрывался краской. Мне в эти минуты стыдно было поднять на нее глаза. «Каково, — думал я, — ей это слышать!» Моя помощница же хоть бы бровью повела. Она не слышала. Нет! У нее был нормальный слух. Но живя все эти годы вместе с блатнячками, она, видимо, приучила себя не слышать. Сколько же нужно было выстрадать, как глубоко погрузиться в свой внутренний мир, чтобы научиться не слышать и не видеть многого!

По состоянию здоровья она была «сактирована», то есть — полный инвалид, поэтому и подлежала освобождению. На работу ее не назначали, но она сама напрашивалась, полагая за грех есть хлеб, не трудясь. Так она и попала под мое начало.

Инвалидам полагалось мизерное питание. Как работнику продстола я, с разрешения завхоза, выписывал ей 700 граммов хлеба и соответствующий «котел», полагавшийся хозяйственной обслуге. Тут я встретил ее решительное сопротивление:

— Вы не имеете права так поступать. Это противозаконно. Мне это не полагается.

Время от времени на больничное питание поступало молоко. Его выдавали ослабевшим заключенным. Моя помощница была крайне истощена, и завхоз, по моей просьбе, разрешил однажды выдать ей пол-литра молока. Она отказалась его получить по той же причине, а свой «незаконный» паек, как я узнал, делила с одной старухой.

Эта ветхая старушка была единственным человеком, с кем она в бараке общалась. Блатнячки считали ее чокнутой и всячески притесняли. Место ее в бараке было самым неудобным. Во время этапа ее загоняли чуть ли не под нары.

А интеллигентные женщины из «пятьдесят восьмой», то есть политические заключенные? Те ее или не замечали, или просто презирали.

Я спросил у моей знакомой, жившей с ней в одном бараке, о причине такой неприязни.

— Ну подумайте сами, — услышал я в ответ, — можно ли не возмущаться этой святошей. Посылают нас, к примеру, в овощехранилище перебирать картофель. Как тут не испечь в железной печурке пару картофелин? Голодные же! А она писк поднимает! «Нельзя! Это нам не принадлежит. Чужое. Не смейте трогать! Это воровство!» Как та собака на сене — сама не гам и другому не дам. Строгое начальство, и то закрывало на это глаза. Мы же из овощехранилища не выносили, тут же съедали эти жалкие несколько картофелин. Святее римского папы захотела быть, этакая пигалица!

Я не заметил, как ко мне прилипла дурная привычка в шутку клясться: «Вот те хрест и святая икона!» Однажды вот так побожившись, я услышал ее укоряющие слова:

— Зачем вы кощунствуете? Вы ведь неверующий.

Наконец ее освободили. Кто-то перевел ей с воли по почте нужную сумму денег, и она успела улететь на самолете до начала войны. Вскоре я получил от нее письмо. Начиналось оно следующим обращением: «Брат мой во Христе!»

Все годы его помню.

1977 г.

ЛЕПИЛЫ

Сначала о самом слове. Из армейской службы переключалась в лагерь должность — «лекарский помощник», сокращенно — лекпом. Но в русском языке не встретишь слов, где бы за согласной «К» шло «П». Русскому уху привычна обратная последовательность. В лагере ЛЕКПОМ превратился в ЛЕПКОМА, а отсюда уже добродушно-ироническое — ЛЕПИЛО. Так называли всех медицинских работников.

«Мотанусь к лепиле, может, закошу освобождение».

Принадлежавший к разряду придурков, то есть людей, избавленных от тяжелого физического труда, лекпом — объект зависти. В особенности потому, что он, как правило, не жил в общем бараке, а изолированно — в медпункте.

В жизни заключенного лекпом играет заметную роль. Не столько из-за медицинской помощи, сколько из-за того, что в его власти на время освободить тебя от работы, дать день-два передохнуть, прокантоваться. Тут уместно вспомнить краткое, но точное изречение: «День канта — месяц жизни».

В этом очерке я попытаюсь вспомнить нескольких лепил, с которыми меня сводила судьба.

На тракте Чибью — Крутая, где я начинал свою лагерную жизнь, лекпомов не было. Во всяком случае, при мне на лагерных пунктах 36-го и 58-го километров. Жизнь там была максимально приближена к первобытному существованию. Умирали без медицинской помощи.

Первое лекарство я получил из рук секретаря ЦК египетской компартии. Это было уже на Крутой, где этот бывший политэмигрант исполнял обязанности лекгома.

Утром еще ничего не предвещало беды. А вечером я вышел по нужде из барака — и будто попал в глубокий погреб. Кромешная тьма. Не могу найти своего барака. Ничего не вижу, даже своей протянутой руки, пока на меня кто-то не наткнулся и не отвел в барак. То была куриная слепота. Бывший секретарь ЦК, а нынешний зэка давал мне три раза в день по столовой ложке рыбьего жира, и я прозрел.

Дипломированного врача я впервые встретил в той же деревне Крутой на лагпункте 1-я Буровая. Небольшого роста, с черной бородкой. При знакомстве я его спросил:

— Как ваше имя-отчество?

— Раньше меня звали Борис Степанович, а теперь «...ный в рот», — ответил он вполне серьезно.

И он поведал о своем отчаянном положении.

⁹² Сюда были собраны все отбросы со всей «колонны»⁹². Шпана приставала к нему с требованиями «дать освобождение», а ему врачебная совесть не позволяла освобождать от работы здоровых верзил. Дело не ограничивалось тем, что его всячески поносили, ему угрожали и физической расправой.

Борис Степанович нелюбим был и начальством. Надо иметь в виду, что нам тогда лагерного обмундирования не выдавали. Каждый донашивал свою одежду, принесенную с воли. У большинства не было теплой обуви, летняя, и та разваливалась. Стояла зима. Мой одноэтапник Шатуновский приморозил в каменном карьере большие пальцы на обеих ногах. Борис Степанович всю зиму освобождал его от наружных работ. Начальство на него орало, а он неизменно отвечал:

— Выдайте ему валенки, и я в тот же день выпишу его на работу.

Там же, на Крутой, был один врач, по слухам, известный хирург. Но у него в формуляре была отметка: «Использовать только на тяжелых работах». Несколько раз его сажали в самолет и увозили на Воркуту или в Чибью, когда требовалось оказать срочную помощь кому-нибудь из крупного начальства. А потом возвращали к лопате и кирке.

О докторе Пинти я уже рассказывал в очерке «Вавилон». Он принадлежал к тем лепилам, о которых говорили: «Ты ему принеси свою голову под мышкой, тогда он поверит, что ты болен».

До него в Вавилоне обязанности лекпома исполнял Яша Мейстер. Он прославился тем, что мужчин превращал в женщин. На всякие жалобы о боли спины, рук, ног он отвечал: «Это у вас месячные боли». Так звучало у шепелявого Яши слово «мышечные». Легче не становилось, зато было смешно.

На запани «Сынянырд» лекпомом был Джафар Фаталибеков. Невозмутимый созерцатель. Единственное пристрастие — чай. Целыми днями он хлебал этот напиток, разумеется, без сахара. Разжиться настоящим чаем редко удавалось, чаще всего он заваривал сушеный лук.

Времени свободного у него было много. И не потому, что не было больных. Прием он вел своеобразно. Не только не выстукивал и не выслушивал пациента, но и не задавал стереотипного вопроса: «На что жалуетесь?» Тем, кто приходил не первым, он говорил:

— Сегодня я уже исчерпал свой лимит. Приди завтра, и я дам тебе отдохнуть день-два.

В Усть-Усе, на исходе моего пятилетнего заключения, я впервые увидел больницу-стационар. Возглавлял его доктор Крамов Николай Александрович. Как и Борис Степанович, он строго следовал

врачебному долгу. Но если первый был робким новичком, то Крамов имел уже солидный лагерный стаж и сумел отвоевать полную независимость. Без его разрешения никто не смел зайти в стационар, где он полновластно правил.

Однажды его доброта и непреклонность обратились во вред. Поместил он к себе в стационар одну из своих приятельниц. 14 июня 1941 года заканчивался срок ее заключения. Накануне в стационар явился сотрудник учетно-распределительной части:

- Выписывайте Н. на освобождение.
- Не могу выписать, у нее повышенная температура, — заявил в ответ Крамов.
- Но мы не имеем права держать в зоне ни одного дня после окончания срока.
- А я знать ничего не желаю. Пока она не будет совсем здорова, я не выпишу ее.
И не выписал ни назавтра, ни через неделю.

22 июня грянула война. Пришло указание приостановить освобождение впредь до особого распоряжения. Это «особое распоряжение» последовало только в 1946 году, и бедная женщина пересидела в лагере ровно пять лет. Мог ли такое предположить добрейший Николай Александрович!

К сожалению, мне неизвестны подробности трагедии, разыгравшейся на Рейде. Каким-то образом Крамов был в нее замешан и расстрелян в 1942 году. Можно предположить, что он погиб, кого-то спасая.

На Воркуте ко мне пристала трофическая экзема на ногах. Иногда она до того разыгрывалась, что мне бывало трудно ходить. Поместили меня в стационар, описанный в очерке «Леонид Иванович».

Лечил меня довольно милостивый молодой человек, заключенный родом с Западной Украины. В первый же день, осмотрев мои язвы, он мне объяснил:

- Это все делают зверьки. Их надо гонять.

Самым тщательным образом, не жалея ни труда, ни времени, он стал пинцетом снимать корочки с моих язв. Обнажив сырое мясо, он приложил тряпку с чем-то обжигающим. Я буквально взвыл от боли. А он одобрительно смотрел на мои корчи и приговаривал:

— Ага, не нравится им!

Часа два я места себе не находил, пока жжение несколько не утихло. Назавтра молодой лепило так же методично стал обдирать образовавшиеся пленки на язвах и снова «гонял зверьков».

Не знаю, что там чувствовали выдуманные самозванным лекарем «зверьки», но я не выдержал и сбежал от него.

Попал я в стационар на Руднике к Исааку Константиновичу Нинбургу. Он смазывал мои язвы реванолем, и они со временем затянулись.

Нинбург был личностью примечательной. Молодой, стремительный, с копной густых вьющихся волос на всегда высоко поднятой голове, непокрытой в любую непогоду. Женолюб с постоянной улыбкой на губах. Я знал его и раньше, но тут он мне запомнился своей увлеченностью.

Он водил меня по стационару, как по картинной галерее, где им собраны редчайшие произведения искусства. Обнажая больного, нежно перебирал в пальцах мешочек сморщенной сухой кожи на том месте, где у здорового человека находятся ягодицы, и торжествуяще восклицал:

— Где вы еще увидите такую классическую форму пеллагры! Обратите внимание на «ошейник» — полосу темной кожи вокруг шеи. А вот «браслеты» — такие же полосы на запястьях.

В эту минуту он совсем не думал, что обладатель этой «классической пеллагры» не сегодня-завтра умрет. При этом он вовсе не был человеком бессердечным. Это в нем говорил профессионал. Тот же Исаак Константинович непременно держал у себя в стационаре парочку-другую «зэкашек», которым крайне нужно было отдохнуть или подкре-

питься. А хвойный настой! Помню его на лагпункте «Предшахтная». Он становился свирепее самого злого коменданта, следя лично за тем, чтобы каждый выпил свой ковшик «противоцинготного».

До сих пор речь у меня шла о лепилах-заключенных и действие происходило в лагере. Считаю уместным рассказать заодно о встрече, весьма памятной, с вольным врачом, и уже не в лагере, а в ссылке.

В конце 1950 года нас доставили на грузовых автомобилях со станции Канск в село Абан Красноярского края. Этап — человек двести пятьдесят — направлялся для работы в Химлесхоз. Я в тайгу не поехал, но и в Абане мне не разрешили остаться. Направили на жительство в глухую деревню Петропавловку.

Поселился я у вдового «лопотона». Так коренные сибиряки, чалдоны, называют выходцев из Белоруссии и Украины. С нами в избе жили куры и поросенок. Куры — в подпечье, а поросенок возле железной печки. В тот раз я убедился, сколь несправедливы слова «неопрятный, как свинья». Поросенок был очень чистоплотен. Он никогда не справлял нужды там, где лежал, а выбрал для этого угол, в котором я помещался. Было уныло, грязно и голодно.

Однажды я выбрался в Абан на почту, да и продукты закупить нужно было. Зашел в чайную пообедать. Расплескав щи, за мой столик плюхнулся совершенно пьяный человек. Я поднялся, чтобы пересесть за другой столик.

- Нет, нет, сидите, что вы! Я вовсе не пьян. Надо же sprиснуть новую должность, новое место. Я принял бухгалтерию Химлесхоза. А вы ссыльный, конечно. Не работаете? Ну да, время не обеденное. А какая у вас профессия?
- Ваш коллега, — буркнул я.
- Бухгалтер! И хороший бухгалтер?
- Уж не знаю.

— Наверно, хороший. Вижу по вас, что хороший. Приходите завтра ко мне, я вас возьму на работу. Хочу там все поменять.

— Да вы завтра не сможете вспомнить, где были сегодня, а меня и подавно забудете.

— А вы приходите, тогда увидите.

Я не принял всерьез пьяных слов. Но мой одноэтапник, нашедший работу шорника в колхозе, слышавший наш разговор, посоветовал:

— Ну что вам стоит. Переночуйте где-нибудь и зайдите к нему. Разве можно упустить такую возможность. А вдруг..

Соблазн был велик. Я заночевал у дочери моего квартирохозяина, к которой имел поручение, и утром отправился в Химлесхоз.

Арсений Иванович — так звали вчерашнего пьяного — встретился мне в коридоре.

— Ага, пришли. Садитесь и пишите заявление. С моим заявлением он вошел в кабинет директора. Вскоре вышел оттуда:

— Вы приняты. Выходите на работу.

Тут же он позвонил в комендатуру, чтобы меня перечислили в Абан. По его распоряжению завхоз дал мне лошадь для перевозки моих пожитков из Петропавловки. В тот же день по рекомендации возницы я снял угол у одной старушки и переехал.

Работал с утра до позднего вечера, дорожа местом, понимая, как мне повезло.

Однажды ночью меня вдруг схватили почечные колики. Наутро я не смог подняться. Два дня я промаялся в постели. На третий — еле дошел до поликлиники. Времена тогда были строгие. Не принеси я больничного листа, меня тут же уволят за прогул, да еще угонят в тайгу на подсочку. А претендентов на мое место избыток.

Меня приняла женщина-врач. Я знал, что она приезжая. Вслед за своей дочерью, молодой девушкой, сосланной сюда на поселение, и она приехала. Я еще думал: «Какая благородная душа! Где-то оставила обжитой дом, хорошую работу, большой город,

поехала в Сибирь, чтобы тут содержать свою нигде не работающую дочь».

— На что жалуетесь?

Я ей рассказал. Она постучала поясницу.

— Болит?

— Нет.

А у меня, на мою беду, такая аномалия: симптом Пастернацкого отрицательный.

— Кто вам сказал, что у вас камни в почках?

— В прошлом году установлено рентгенологически.

— Если бы у вас были камни в почках, вы заслужили бы большого сожаления. Нет у вас камней. Вы здоровы. Идите.

Я объяснил ей, что мне грозит увольнение за прогул, что я страдал два дня и сейчас еще болен.

— Неужели я похож на симулянта?

Она была непоколебима. Даже справки, что я был на приеме, и той не дала.

Ожидая самого страшного, поплелся я в Химлесхоз. Арсений Иванович выслушал меня, ничего не сказал, достал табель и поставил против моей фамилии две «птички».

1977 г.

ПРОСТИ МЕНЯ, РЕКС!

Я люблю собак. Если не считать лошадей, это самое красивое домашнее животное. А по верности, по преданности нет ему равных. Впрочем, после Джека Лондона, Михаила Пришвина и Гавриила Троепольского отважусь ли я говорить о достоинствах лучших из наших младших братьев...

Я люблю собак. Больших и маленьких, гладких и лохматых, аристократов и плебеев. Но есть одна порода, вид которой невольно бросает меня в унижительную дрожь, заставляет всего сжиматься. Это — немецкая овчарка. Ее ныне принято называть восточно-европейской, но для меня она всегда будет немецкой.

Я их боюсь. При встрече с ними меня охватывает постоянный страх. Я цепенею в ожидании чего-то ужасного. Стыжусь этого страха, презираю себя в это время, но не в силах его побороть.

...После длительной безработицы, особо страшной тем, что комендатура могла меня схватить и отправить в тайгу на подсочку, мне крупно повезло. Знакомый ветеринарный лекарь, такой же ссыльный, как и я, сказал, что на Зооучастке освобождается вакансия бухгалтера. Я поспешил туда и был принят на работу.

Заведующий участком Георгий Афанасьевич Афанасьев, могучий сибиряк в очках, добродушнейший человек, на подпитии гнувший для потехи тремя пальцами медные пятаки, отнесся ко мне благожелательно. Со временем он разрешил мне поселиться в бывшей конюховке. Я обзавелся кошкой Мартой, и мы с ней зажили своим домом.

У Афанасьева, жившего рядом, в главном здании ветлечебницы, был пес, немецкая овчарка по кличке Рекс. То был красивый экземпляр, силой под стать своему хозяину. Целую тушу забракованного барана он мог нести в зубах, высоко подняв голову. Но при этом был незлобив. Ни разу я не слышал его лая. Даже моя Марта, и та не боялась его.

Хозяин его не ласкал. В Сибири считается постыдной блажью нежничанье с кошкой или с собакой. Когда одна из наших ссыльных женщин прибежала как-то в лечебницу со своей кошкой-первородкой, погибавшей от невозможности разродиться, ее подняли на смех. И только ссыльный врач Шишко спас бедняжке жизнь, сделав ей кесарево сечение.

В погожие дни, после работы, я сиживал на колоде у дверей своей избушки, играл с Мартой или вычесывал соседскую дворнягу. Рекс приближался к нам, явно показывая, что не прочь присоединиться к нашей компании. Но я его не приглашал. Он был гордый пес — не вилял хвостом, не ползал на брюхе. В глазах его я читал укор и недоумение.

А я ему говорил:

— Ты хороший пес. Вся вина твоя в том, что ты похож на Грозного. При виде тебя перед глазами возникает армейская палатка в Важкурье. Вечер. В палатку врываются вохровцы с собакой. Звучит команда: «Грозный, возьми шакала!» Овчарка вскакивает на нары рядом со мной, рвет одежду на моем соседе, добивается до тела и начинает терзать. В чем-то он перед охраной провинился. До сих пор в моих ушах звучат его истошные вопли.

Ты скажешь, что Грозный поступал не по своей воле, что его этому научили люди. Верно! Я видел на запани, как это делается. Видел, чтобы до самой смерти не забыть. Один из вохровцев облачался в робу заключенного: ватные штаны, бушлат и матерчатую шапку-ушанку. Другой, держа собаку на поводке, натравливал: «Возьми шакала!», заставляя трепать лагерное обмундирование. Вохровцы натаскивали собаку на человека, как охотники — на дичь. Что я говорю — «на человека». Нет! Они нас людьми не считали. Мы были для них «шакалами» — самыми презренными из зверей. Хорошим считался тот пес, который при одном виде заключенного оскаливал зубы и рвался с поводка. Сами наставники были так натасканы.

И это в нашей стране, где издревле в народе жалели арестантов, называя их «несчастненькими». В праздничные дни было принято нести в тюрьмы и остроги куличи и пироги. Сибиряки выставляли на приступочку еду. Авось какой-нибудь беглый, боясь днем показаться, забредет ночью — пусть подкрепится.

Ты скажешь: в крови у собаки живет любовь к человеку. Это злые люди совершали страшное злодейство, уродуя собачью натуру.

Понимаю, все понимаю. Но я не могу тебя погладить. Вот ты стоишь передо мной, а я уж весь замер. Я жду — сейчас раздастся команда: «Рекс, возьми его!», и ты ринешься, повалишь и будешь рвать...

Прости меня, Рекс!

1977 г.

МАЗУР

ГЕНИЙ, лат. — у римлян добрый дух, хранитель человека. Считалось, что Г. формирует характер человека и сопутствует ему всю жизнь.

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Ты гений свой воспитывал в тиши.

ПУШКИН А. С. «19 ОКТЯБРЯ»

Больше двадцати лет тому назад я написал первый невыдуманный рассказ «Иван Акакиевич». В нем я вспоминал об уроках, преподанных мне Бирюковым, когда я только-только начал постигать муки-науки лагерного университета. Он наставлял меня, как сохранить свое тело живым и чистым. В конце страсотерпного моего пути судьба подарила мне встречу с человеком, сохранившим свою ангельскую душу живой.

Не было в лагере человека ближе мне, чем Ушер Иосифович Мазур. Сотни дней мы с ним ели из одного котелка, сотни ночей мы провели рядом на нарах, укрываясь его серым армейским одеялом. Да и после освобождения, вплоть до его безвременной кончины, приземистая засыпная избушка была нашим совместным обиталищем. Никого лучше я не знал, никого глубже не чтил. По сей день он служит мне нравственным эталоном. Каждый свой ответственный поступок — к сожалению, чаще всего после содеянного — я примеряю: а как бы на это посмотрел Мазур.

Почему же до сих пор я не написал о нем? Да потому, что слишком несоизмеримы мои слабые силы этой на вид неприметной, ничем не выделяющейся из толпы, но такой глубокой, такой красивой натуре.

А время торопит. Мне уже семьдесят пять. Неумолимые часы отстукивают свое *memento mori*. Ушел из жизни Л. А. Быстрицкий. Вот кто мог написать

достойный портрет нашего общего друга. Я знакомил его со своими набросками. Он мне много помог тонкими замечаниями. Воспользовался я и сведениями, сообщенными другими друзьями. Перебираю свои заметки, ясно вижу их слабость, но так и быть, приступаю...

...За далью десятилетий, из глубокого мрака доносится луч яркого и теплого света. Неисчислимо много злого и звериного повстречалось на моем пути. Казалось иногда, что человеческое и есть звериное. Великим счастьем и спасением было общение с людьми, подобными Ушеру. Они являли пример человеческого — противоположного звериному. Без такого общения выжить было бы во много раз труднее. В человеческое среди такого обилия дьявольского вплетаются все же нити ангельского. Это — как противопоставление Достоевским Содома и Мадонны. Неспроста народы сотворили образ Христа и две тысячи лет черпают из него силы духовные; неспроста гении создали Дон Кихота и князя Мышкина.

Передо мною ясно зримый образ Мазура, неотделимый от лагерного фона. Я как будто слышу его громкий, раскатистый, добрый и задушевный смех — так смеются только люди чистой совести и маленькие дети. Вижу эти удивительные складки на смуглом с землистым оттенком лице. Воображая его улыбку, я вспоминаю удивительные слова Экзюпери о магии человеческой улыбки. Венчал лицо большой, выпуклый лоб мудреца.

Роста он был небольшого. Худоцав. В еде и одежде неприхотлив. Единственная роскошь, какую он себе разрешал в лагере, — бритье головы. На это он тратил последние гроши, когда они водились, а то и хлебный паек. Когда ему удавалось побрить голову, он бывал в приподнятом настроении. Время от времени он любовно проводил ладонью по гладкой голове и тихо улыбался. И еще — очень любил париться в бане. Выходил оттуда весь дымящийся.

Раздумывая, он обычно рассматривал свои несколько загнутые вверх пальцы на руках. Они,

как ладони, были у него белые и чистые. Глядя на него в эти минуты, я вспоминал Шолом-Алейхема: «Ах, какие белые руки были у моей мамы!»

И еще одно пристрастие — табак. Курил, как и все, что делал, самозабвенно, вкусно и в то же время изящно. Мне уже приходилось рассказывать, как мы, счастливы, раздобывшие щепотку махорки, таясь в укрытии от неимущих приставал, смаковали драгоценную самокрутку. С тем большим удивлением следил я в первые дни нашего знакомства за Мазуром. Ни разу он не выкуривал сигарки сам до конца. Не только не отказывал просящим, но сам, бывало, ищет, кому оставить покурить. Нужно быть самому курильщиком, нужно знать лагерную жизнь тех лет, чтобы по достоинству оценить такое самопожертвование.

Уже будучи вольным, в отличие от меня, он даже на ночь не мог остаться без курева. Помню, вечерами он посылал нашу дневальную Катю в барак к мобилизованным немцам. Они получали с воли посылки, у них можно было за 15 рублей купить спичечный коробок самосада. Почти весь наш оклад мы тратили в то время на курево.

Несколько штрихов из его биографии. Родился в начале века на Украине, около Черкасс. Подростком трудился у переплетчика. Юношей ушел добровольцем в Красную Армию. На Гражданской войне политработник Мазур хватанул горюшка. «Голодом давануло, холодом обожгло». И всякая грызущая нечисть одолевала. Запомнился его рассказ, как на фронте он выводил паразитов, расплотившихся в шинели, закапывая ее в снег и выставив на поверхность конец одного рукава. Снег вскоре серел вокруг.

Когда я думаю о политработнике Мазуре, неизменно вспоминаю «Думу про Опанаса». Это с Мазура мог Багрицкий списать образ Когана. Я слышу, как подобно ему он «большевицким разговором мужиков смущает». И на предложение бандита, покоренного его моральной высотой: «Утекай же в кукурузу — я выстрелю в спину», мог спокойно, не заду-

мываясь, принять смерть, ответив: «Опанас, работай чисто, мушкой не моргая, неудобно коммунисту бегать, как борзая». В армии он остался и после окончания Гражданской войны в должности комиссара полка, размещенного в Киеве.

Злоключения его начались в тот день, когда на партийном собрании обсуждали решение ЦК об исключении Троцкого из партии. При голосовании он воздержался. Вот и все его преступление. Сперва его только сняли с должности комиссара и уволили из армии. Горком⁹³ направил его на работу в Госбанк. Тамошние чиновники встретили чужака, да еще «комиссарчика» полупрезрительно, полувраждебно. Новичок в банковском деле, любознательный и трудолюбивый, он подкупал своим простодушием: не стыдился спрашивать совета, разъяснить непонятное. Пригодилось знание политэкономии. Со временем экономические анализы работы промышленных предприятий, составленные новым кредитным инспектором, расположили к нему былых недругов своей солидностью. Поступил учиться на экономический факультет вечернего отделения института, но окончить его так и не удалось. Началось преследование. Сменил несколько мест работы. Его однокашник вспоминает:

— Однажды встретил его в коридоре института. Печально улыбнулся, поднял на меня прекрасные свои глаза и как-то певуче-грустно спрашивает: «Тебя на работе не терзают? А меня так поносят! Мне очень трудно, все валится из рук. Не могу ни работать, ни учиться». После этого я долго не видал его. Столкнулся с ним на Крещатике. Он сказал: «Меня исключили. По-видимому, надо искать другую работу. А кто примет теперь прокаженного?»

В 1936 году арестовали. Попал в общую дробилку. КРТД. 5 лет. Этап и Воркута.

⁹³ Горком — Городской комитет ВКП(б) — высший орган городской организации партии.

В первое время, когда еще разрешалось, родные слали продовольственные посылки, но он все раздавал в первый же день, ничего себе не оставляя.

Если сказать, что он был добр, то это еще не даст представления о размерах, характере этой доброты. Не останови его — все отдаст тому, кто только случился рядом.

Он весь лучился добродушием, незлобивостью. Тем разительнее были его вспышки, когда он за кого-нибудь заступался. В рассказе «Леонид Иванович» я уже показал Мазура отчитывающим своего начальника. Гневался он бурно, но его гнев никого не обижал, тем более никого не унижал. У сторонних людей он даже вызывал улыбку — видно было сразу, что этот добряк сердиться не умеет.

Тот же властолюбивый Вирич, больно уязвленный обличениями своего подчиненного, располагал многими средствами расправиться с ним, но не смел мстить. Он знал, что все его осудят. Понимал, что обидеть Мазура так же подло, как ударить маленькое дитя.

Такой вроде серенький с виду, Ушер только при близком знакомстве раскрылся для меня во всем внутреннем богатстве, продолжая все больше и больше удивлять. Он обладал точным музыкальным слухом, но, пожалуй, только мне одному посчастливилось услышать, как он напевает русские романсы и народные песни. Случайно обнаружил я в нем и хороший литературный вкус, влечение ко всему прекрасному. В каждом человеке, пусть самом испорченном, нравственно изуродованном, он, радуясь, отыскивал под грязной оболочкой чистые черты.

Случалось мне, восхищенному глубиной его проникновения, восклицать: «Ушер, вы гений!» А он, мягко улыбаясь, снижал мою выпренность, указывая на свое лицо, не блещущее красотой: «Гений чистой красоты». Теперь-то я знаю, что не очень преувеличивал. В нем жил гений в том изначальном его понимании, в каком его употребил Пушкин. В нем жил гений душевной красоты.

Я еще не сказал, что он никогда не был женат. Не удосужился. Сперва бивачная жизнь не располагала к этому. А после армии все было так зыбко, так неустроено, что о семье страшно было и помыслить. Была у него в Киеве связь с одной женщиной, которая его, как он говорил, «опустошала».

Исключительно вежливый, застенчивый, он был особенно деликатен с женщинами, что приводило иногда к недоразумениям.

Как и я, он пересиживал, но его освободили на полгода раньше, в середине сорок четвертого года. Поселился за зоной в бывшей инструменталке. Ворье кишело вокруг. Оставить избушку без присмотра даже на малое время нельзя — вмиг обворуют. Топить печку нужно почти круглые сутки. Столовой поблизости нет. Это вынуждало вольнонаемных брать из лагеря дневальных, внося за них плату. Не избежал этого и Мазур. К нему выводили на день одну женщину средних лет.

Спустя несколько дней уже трудно было понять, кто кого обслуживает. Воду, уголь таскал хозяин, всю черную работу за нее делал. Стыдился поручить ей выстирать белье — относил его в баню. Приготовленный ею из его продуктов обед чаще всего скармливал ей. И все на «вы», и все по имени-отчеству, «милая», «пожалуйста», «будьте любезны». Не знает, как еще ее ублажить.

Опытная лагерница со стажем, привыкшая совсем к другому обращению, возомнила, что он попал под действие ее женских чар. Тогда она совсем обнаглела. Чуть не стала уже им помыкать. Не дождавшись с его стороны естественных в ее понимании шагов, сама пошла в атаку. Мазура это привело в совершенную растерянность. Сперва ничего не мог понять, а уразумев, стыдился смотреть ей в глаза, винил в чем-то себя.

Пришлось отказаться от ее услуг. Но не дай бог, ее пошлют на тяжелые работы, так выхлопотал ей место дневальной в бараке, продолжая через посторонних заботиться о ней.

Когда мы уже жили с ним вдвоем, случилось, что стрела амура все же поразила неприступного Ушера. Он влюбился в молоденькую заключенную, присланную к нему на работу в плановую часть.

Сам потом признавался, сокрушаясь:

— Она совершенная пустышка, но я ничего не мог с собой поделать.

При этом больше всего страшился, как бы она не догадалась о его чувствах. Подкармливал ее. Не вмешайся я, он бы отдал ей весь свой паек. Внешне его заботы о ней выглядели отеческими, она годилась ему в дочери. А она, эта «пустышка», понимала ли, как ее одарила судьба, приблизив к этой необыкновенной личности?

Другие ведь чувствовали эманацию, излучаемую этой необычной натурой. Я уже не говорю о нас, его друзьях. Даже урки, презиравшие нас, норотившие обидеть, а то и ограбить, никогда, мне кажется, его не трогали. Что-то в нем их оставляло.

А вот и весьма примечательный случай. В том же бараке, где жил еще заключенный Мазур, только в отдельной кабинке, помещался начальник технического снабжения Стройконторы. Блатные звали его «Батя». Жгучий брюнет в годах. Курчавые волосы с проседью. Крупные черты лица. Солиден. Ровен в обращении со всеми. На воле был начальником снабжения Главмилиции Украины. За какие-то крупные аферы был осужден к десяти годам заключения. Успел что-то натворить и в лагере. Начальник комбината приказал содержать его только на общих работах. Его «проводили» в рабочей бригаде, выводили ему хорошие проценты выработки, а он занимался снабжением.

Питался он, разумеется, не зная особой нужды. Присмотрел Мазура, к тому времени крайне отощавшего. Захотелось помочь. Но как это сделать? Что-то в облике этого тихого, независимого человека говорило, что он подачки не примет. И Батя договорился с комендантом, чтобы переселили Мазура

к нему в кабинку. Под видом того, что посуды не хватает, он поручил дневальному приносить из кухни еду на двоих. Естественно, что ему все отпускалось и обильнее, и вкуснее. Незаметно добавлял в рацион кое-что из своих запасов. Так он долго подкармливал своего соседа. И выглядело это не актом милосердия. Наоборот, Батя почитал для себя честью, что Мазур делит с ним его стол.

Не думаю, что он верил в Бога, в загробную жизнь, страшился будущего возмездия карающей десницы за свои нечестивые дела. Но где-то в тайниках души, перед собственной совестью это обещало искупление. А там, чем черт не шутит, вдруг помощь, оказанная праведнику, ему где-то зачтется.

Зимой сорок пятого истощенный организм не смог справиться с легкой инфекцией, и Ушер заболел. Мы отвезли его в больницу на «Капитальную». Когда я его навещал, он уклонялся от разговоров о его самочувствии, а забрасывал меня вопросами о моем Юре.

Незадолго перед тем одна знакомая женщина, ездившая по особому разрешению в Киев за своим мальчиком, которого не видела больше десяти лет, привезла и моего сынишку. Привезла закутанного в одеяло. Выехали, когда в Киеве было еще тепло, пробыли в пути больше двух недель, а на Воркуте уже лютовала пурга. Купить что-нибудь из одежды нельзя — все по ордерам. Ушер отдал свои ватные штаны. Он же помог достать через одного хозяйственника старую флотскую шинель. Перешили для Юры. Помню, как он драил мелом медные пуговицы, доводя их до золотого блеска. И вот теперь он все допытывался, готов ли уже весь остальной гардероб. Расцвел в счастливой улыбке, услышав, что мальчик не может вдосталь налюбоваться бесценным украшением — сияющими пуговицами.

В это время дни его уже были сочтены. Через два дня соседи по палате, удивленные тем, что уже позднее утро, а он не подымается, отвернули одеяло и обнаружили его бездыханным и уже остывшим.

Он умер тихо, незаметно, никого не побеспокоив в последние свои часы. отошел в небытие, как и жил.

В своих материалах к биографии Глеба Успенского известный писатель-биограф Н. А. Рубакин приводит легенду, рассказанную ему одним стариком-евреем. Я ее тоже слышал в свои детские годы.

Вот она в изложении Рубакина:

«На земле нашей обитает группа так называемых «ламедвовников», т. е. 36 человек, настолько благородных и чистых, добрых и справедливых, что только из уважения к ним Господь Вседержитель оставляет в живых испорченный род людской. Не будь этих беспорочных праведников, население земного шара давно бы постигла та же лютая казнь, какой подверглись нечестивые граждане Содома и Гоморры. Праведники эти расселены по разным странам и ведут себя до того скромно и смиренно, что в лицо их никто не знает. Известно только, что они существуют, действуют, но кто они именно, как их зовут, про то ведает лишь Вездесущий и Всезнающий Творец Вселенной».

Одного из них я имел счастье знать в лицо. Звали его Ушер Иосифович Мазур.

Когда перед моим умственным взором возникает его лучистый образ, я шепчу поразившие меня строки Бориса Пастернака:

Ширяй, как высь, над мыслями моими:

Им хорошо в твоей большой тени.

1982 г.

**В «БЛАТНОЙ МУЗЫКЕ»
МНОГО ГОЛОГО НЕПРИКРЫТОГО
ЦИНИЗМА, НО ВМЕСТЕ С ТЕМ
СКОЛЬКО ТАМ ПОД ИНЫМИ
СЛОВАМИ КРОЕТСЯ ТРАГЕДИИ,
СЕМЕЙНЫХ НЕСЧАСТИЙ,
ПОГИБШИХ ЖИЗНЕЙ,
СЕРДЕЧНОЙ БОЛИ,
ПРОЛИТЫХ СЛЕЗ! ВНИКНИТЕ,
СООБРАЗИТЕ И ТОЛЬКО ТОГДА
ПРОИЗНОСИТЕ ПРИГОВОР.
И.А. БОДУЭН ДЕ КУРТЕНЭ**

СЛОВАРЬ УПОМИНАЕМЫХ СЛОВ ИЗ ЛАГЕРНОГО ОБИХОДА

Когда Леонид Городин только приступал к серии рассказов «Одноэтапники», стал очевидным тот факт, что лагерные слова, довольно часто встречающиеся в тексте, не всегда понятны читателю и требуют пояснения. Ему пришлось составить небольшой словарь упоминаемых слов из лагерного обихода. Эта работа так увлекла его, что превратилась в лексикографическое исследование, растянувшееся на два десятилетия. Итогом этой работы стали четыре машинописных тома «Словаря русских арготизмов» и «Словаря арготических синонимов».

В этом профессиональном увлечении Л. Городина поддерживали Д. Лихачев, А. Солженицын, В. Каверин, Л. Успенский.

«Словарь русских арготизмов» и «Словарь арготических синонимов» готовятся к печати в рамках издательской программы Музея истории ГУЛАГа и Фонда Памяти.

АБИССИНИЯ

Скопище оборванной, голодной шпаны.

АКТИРОВАННЫЙ ДЕНЬ

День, когда из-за сильных морозов не выводили на наружные работы.

АТТЕСТАТ

Документ, удостоверяющий право на получение лагерником или бойцом ВОХР довольствия во время этапа.

БАЛАН

Бревно.

БАЛАНДА

Тюремная, лагерная похлебка.

БАЦИЛЛА

Болезнь.

МОЯ БАЦИЛЛА НЕ ВЫДЕРЖИВАЕТ — сил моих нет это стерпеть, вынести.

БЛАТНОЙ

Преступный, «свой брат», представитель уголовного мира.

БЛИН БУДУ!

Облагороженная клятва «блядь буду!».

БОБЕР

Хорошо одетый, сытый, обеспеченный человек.

БУШЛАТ

Род верхней одежды лагерника. Хлопчатобумажное полупальто.

БЫТОВИК

Осужденный по «бытовой» статье, не политический, уголовник.

ВЕРТУХАЙ

Часовой, конвоир.

ВЗДРЮЧИТЬ

Избить палкой, «дрюком».

ВКАЛЫВАТЬ

Тяжело работать.

В НАТУРЕ

В самом деле, по правде.

ВОЛК ЛАГЕРНЫЙ

Старый лагерник, изучивший его внутренние законы, умеющий приспособиться.

ВОЛЬНЯШКА

Вольнонаемный служащий.

ВОХР

Вооруженная охрана в лагере.

ВРАГ НАРОДА

Так называли в конце тридцатых и в сороковых годах лиц, осужденных и репрессированных по политическим статьям УК и по «формулировкам» (см.).

ГОРБУШКА

Полный паек хлеба (1000 г) на общих работах.

ГРАБКИ

Руки, пальцы.

ГУЖЕВАТЬСЯ

Пиршествовать в лагерном понимании.

ДАВАЙ, ДАВАЙ!

Ненавистный клич десятника и бригадира, призывающий ретивее работать.

ДАТЬ ЖИЗНИ

Избить, извести, замучить.

ДЕРЖАТЬ ЗАКОН

Соблюдать правила воровской этики, не «ссучиться» (см.).

ДИРЕКТИВНИК

Вольнонаемный из бывших заключенных, не имевший, согласно «директиве», права выезда с Воркуты до 1946 года.

ДОХОДИТЬ

Слабеть, терять силы, постепенно истощаться, умирать.

ДОХОДЯГА

Ослабевший, истощенный человек.

ДРУГ НАРОДА

Уголовник, «бытовик».

ЖИТУХА

Отличная жизнь.

ЖМОТНИЧАТЬ

Скупиться, скаредничать.

ЗАГАШНИК

Потаенный запас.

ЗАГРЕМЕТЬ

Быть свергнутым; попасть в этап из благополучного места в место, известное своими суровыми условиями содержания.

ЗАКОН

Неписанные правила воровской этики.

ЗАКОННИК

Блатной, ревниво следящий за соблюдением законов воровской этики.

ЗАКОСИТЬ

Незаконно получить что-либо.

ЗЭКА

Заклученный.

ЗЫК

То же.

КАНТОВАТЬСЯ

Ничего не делать, «поворачиваться с боку на бок», быть на «блатной работенке».

КАПТЕР

В лагере ведал хранением и выдачей продовольствия и носильных вещей — «вещдоловствия».

КАПТЕРКА

Склад продовольственный или вещевого.

КАПТЕРОЧНОЕ

Та часть причитающегося заключенному довольствия, которая выдавалась раз в месяц на руки (сахар).

КАТУШКА

Максимальный срок заключения.

КАЦО

Грузин.

КЛЕВЫЙ

Красивый.

КОМАНДИРОВКА

Небольшой по численности лагерный пункт производственного назначения, филиал крупного ОЛПа.

КОМЕНДАНТ

Должностное лицо, следящее за порядком в лагерном пункте.

КОЛОНИЗИРОВАННЫЙ

В тридцатых годах с некоторыми заключенными (бытовиками) заключали договоры, что они останутся после отбытия наказания «колонизировать» край. К. пользовались большими льготами.

КОЛХОЗ

Лагерное товарищество для общего питания.

КОНВЕЙЕР

Непрерывный, в течение многих часов допрос, когда следователи меняли друг друга, а допрашиваемый оставался без отдыха.

КОНДЕЙ/КАНДЕЙ

Карцер, изолятор.

КОРЕШ

Приятель, друг, верный сообщник.

КОТЕЛ

Норма питания. Существовало несколько «котлов», в зависимости от норм выработки и служебного положения.

КРАСЮК

Красавчик, любитель пофрантить.

КРТД

КонтрРеволуционная Троцкистская
деятельность.

КУМ

Уполномоченный 3-го отдела. «Оперуполно-
моченный».

КУСОЧНИК

Человек, подбирающий куски, побирушка.

ЛАТАТЬСЯ

Примазываться, выпрашивать.

ЛЕПИЛО

Врач. Фельдшер.

ЛОПУХ

Недотепа. Дурак.

МАГАЗУХА

Магазин.

МАНТУЛИТЬ

Работать на тяжелых физических работах.

МАРУХА

Подруга, возлюбленная, любовница вора.

НАКОЛКА

Татуировка.

НАРЯДЧИК

Сотрудник УРЧ, наряжающий людей
на работу.

НЕ СВЕТИТ

Не подходит, невыгодно; неудача.

ОБЩИЕ РАБОТЫ

Тяжелый физический труд.

ОЛП

Отдельный лагерный пункт.

ОРГАНЫ

ГПУ, НКВД, МГБ, КГБ.

ОСО

Особое совещание. Сперва при ГПУ, потом при НКВД. Подвергало репрессиям, минуя судебную процедуру.

ОТКАЗЧИК

Заклученный, отказавшийся выйти на работу.

ОТРИЦАЛОВКА

Отрицательный элемент. Так лагерная администрация называла злостных «отказчиков» и бандитствующих в лагере.

ПАДЛО

Бранное слово. От слова «падаль».

ПАЙКА

Паек хлеба.

ПАРАША

1. Большой ушат, бочка в тюремной камере для испражнений.
2. Непроверенный, несбыточный слух. Сплетня.

ПАХАН

Воровской главарь.

ПЕРЕСИДЧИК

Заключенный, которого не освободили после истечения срока заключения.

ПЕРЕСЛЕДСТВИЕ

Пересмотр судебного дела.

ПЕТРЯТЬ

Понимать, соображать.

ПИДЕР

Бранное слово. От «педераст».

ПЛЕШЬ ПЕРЕЕЛО

Надоело, осточертело.

ПОВТОРНИК

Повторно репрессированный.

ПОГОРЕТЬ

Попасться на чем-либо незаконном.

ПРИДУРОК

Так называли в лагере всех, кто не был на общих работах.

ПРИПУХАТЬ

Задержаться от этапа; отлеживаться на нарах; притаиться.

ПРОЦЕНТНАЯ НОРМА

До революции в России количество евреев, допускаясь к поступлению в средние и высшие учебные заведения ограничивались (для гимназий 5% к общему числу).

ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ

Под этим термином подразумевались все осужденные и репрессированные по политическим обвинениям. Статья 58 УК РСФСР.

СВОЙ

Жулик. Блатной.

СИДОР ПОЛИКАРПОВИЧ

Одна из насмешек урок над заключенными из среды интеллигентов, называвших друг друга по имени и отчеству.

СКУРВИТЬСЯ

Изменить, переметнуться.

СОСАТЬ

Голодать, бедствовать.

СПРЫСНУТЬ

Удрать, убежать.

СРОК

Срок заключения; судимость. «Второй срок» — вторая судимость.

СТАНОК

Пристанище для этапов и обозов. Этапная изба.

СТОЙКА

Держать подследственного по многу часов на ногах, не разрешая присесть.

СТОЛЫПИНСКИЙ ВАГОН

Специально оборудованный вагон для перевозки заключенных.

СУКА

1. Бранное слово.
2. Так называли блатные тех из «своих», кто сотрудничал с администрацией — становился комендантом, нарядчиком.

СЯВКА

Мелкий воришка, крадущий у своих.

ТЕЛЯЧИЙ ВАГОН

Товарный вагон.

ТЕМНИТЬ

Не говорить правды; обманывать; скрывать что-либо.

ТОРГСИН

В начале тридцатых годов так назывались магазины для иностранцев. Советские граждане, сдававшие в Торгсин благородные металлы и драгоценности, получали вместо денег «боны», на которые могли приобрести там же дефицитные товары.

ТРЕТИЙ ОТДЕЛ

Сыскай, «оперативный», отдел при Управлении лагеря.

ТРОЙКА

Специальный суд, рассматривающий дела по политическим обвинениям на закрытых процессах без участия сторон, минуя все процессуальные нормы.

ТУФТА

Обман в работе. Подделка.

УПИРАТЬСЯ РОГАМИ

Тяжело работать.

УРКА

Вор. Жулик.

УРЧ

Учетно-распределительная часть, ведавшая трудовым использованием, перебросками лагерников.

УШЛЫЙ

Опытный, хитрый, изворотливый.

ФИЛОНИТЬ

Отлынивать от работы, лениться.

ФОРМУЛЯР

Личное дело каждого заключенного в лагере, куда записывались все сведения о нем. Так называемые установочные данные: статья УК, срок заключения, начало и конец срока, категория трудоспособности и пр.

ФРАЕР

Жертва вора; не жулик, не вор; не понимающий лагерных обычаев; простак.

ФРАЕРНУТЬ

Обмануть, перехитрить, оставить в дураках.

ХЕВРА

Компания, банда, шайка.

ХИПЕЖ

Тревога, шум, крик.

ХИПЕСНИЦА

Проститутка, заманивающая состоятельного клиента к себе при помощи «кота» (сутенера), обкрадывающая его.

ХИТРЫЙ ДОМИК

Резиденция уполномоченного третьего отдела, опера, кума.

ЧАПАТЬ

Идти.

ЧОКНУТЫЙ

Психически ненормальный, «тронутый».

ШАЛМАН

Шумный, грязный барак; притон.

ШЕБУТНОЙ

Шумливый, беспокойный, горячий,
суетливый.

ШЕСТЕРИТЬ

Прислуживать.

ШЕСТЕРКА

Лакей, прислужник.

ШМАЛЯТЬ

Стрелять.

ШМОН

Обыск.

ШПАНА

Мелкие представители уголовного мира.

ШУРОВАТЬ

Развить бурную деятельность.

ЩИПАЧ

Карманный вор.

ЭНКАВЭДЭШНИК

Следователь; сотрудник НКВД
(Народный комиссариат внутренних дел).

ЭТАП

Партия заключенных, следующая из тюрьмы в лагерь или из одного лагерного пункта в другой.

ЭТАПИРОВАТЬ

Переводить заключенных из одного места в другое.

**НЕТ! ВОСПОМИНАНИЙ НЕ УБИТЬ.
ТОЛЬКО БЫ ОНИ НЕ УБИВАЛИ!**
Л.М. МАРТЫНОВ
«ВОСПОМИНАНЬЯ»

О СЕБЕ. О СЛОВАРЕ

23 июня 1936 года
в третий раз арестовали.
Сидел в одиночке. Следова-
тель, выполняя скучную обязан-
ность, вел допрос: «Расскажите
о своей троцкистской деятель-
ности до 1928 года» и «Рас-
скажите о своей контрреволю-
ционной деятельности после
восстановления в членах пар-
тии». На первый вопрос я отве-
чал: «Распространял «письмо
Ленина», а на второй: «Таковой
не занимался». Через два
месяца сообщили решение
Особого совещания при НКВД
от 16.8.1936 г. Статья КРТД,
срок заключения 5 лет.
Этап через Котлас, в барже
по Вычегде, Усть-Вышь.

«О себе. О словаре»,
стр. 172

Этап в Сынянырд на лесозаготовки. Три года работы на лесоповале. В начале 1941 года, так как приближался конец срока, этапировали в Усть-Усу, где было Управление Райлага и паспортный стол.

22 июня, как известно, началась война. Освобождение приостановили «до особого распоряжения». Этап на Воркуту. Работа в каменном карьере, затем в Дорстрое. В конце 1944 года, в связи с юбилеем Воркуты, «за хорошие показатели в работе» досрочно освободили.

«О себе. О словаре»,
стр. 172

На фотографии Леонид
Городин в Воркуте в 1947 году
(из личного архива сына
Л. Городина — Бориса Дубова)

Я, Городин Леонид Моисеевич, родился 5 мая 1907 года на Украине. Рано начал учиться — с шести лет. В 1919 году, когда Деникин был в двадцати пяти километрах от нашего местечка, вступил в комсомол. Примерно через год начал трудовую деятельность: сначала у сапожника в неполные пятнадцать лет, потом у кузнеца. По тогдашним обычаям первую половину года работал бесплатно за ученичество. Хозяйчик заставлял работать с пяти утра до восьми вечера с двумя перерывами на завтрак и обед. Через несколько месяцев мы потребовали восьми-часовой рабочий день. Все кузнецы местечка объявили нам локаут, и я остался без работы.

В конце 1922 года переехал в Киев. Безработица в то время была большая. Больше всего страдала от нее не имевшая специальности молодежь. Вот в то время комсомол — да будет за это благодарен — совершил свой самый главный подвиг — добился издания советским правительством декрета о десятипроцентной брони для подростков. По этой брони я был послан губкомом комсомола в Главные трамвайные мастерские им. Домбалья. Был учеником токаря и учился в школе ФЗУ. Избирался секретарем комсомольской организации. Был рабкормолом областной газеты «Молодой пролетарий». В 1926 году вступил в партию.

В 1927 году распространял среди коммунистов письмо В. И. Ленина съезду, известное под названием «Завещание». Оно тогда было объявлено троцкистской выдумкой. За это был исключен из партии, а в 1928 году в первый раз арестован.

Нас, политических заключенных, тогда, вероятно, было не больше десяти. Сидели по двое в одиночных камерах. От любых показаний мы отказались, добились сухой голодовкой коллективной прогулки и дополнительного к тюремному политпайка. От нас вскоре администрация избавилась, переведя в тогдашнюю столицу Украины Харьков. Оттуда в сопровождении важного сотрудника ГПУ отправили в ссылку. Первое место ссылки город Сызрань, а затем Пенза.

В те времена мы, политические ссыльные, получали ежемесячно от ГПУ на содержание тридцать рублей. Этого хватало на скромное проживание. В середине 1929 года эта сумма была уменьшена вдвое, а уж на пятнадцать рублей невозможно было прожить. На производство нас не принимали. При помощи Окружкома партии удалось поступить в больницу санитаром с окладом 24 рубля. Вскоре нас лишили и пятнадцатирублевого пособия, а потом и вовсе арестовали.

Местное ГПУ задумало составить процесс. Они предъявили нам обвинение, что мы поддерживаем связь с местными оппозиционерами.

В 1929 году в печати появилось письмо видных оппозиционеров Радека, Смилги и Преображенского, призывавших своих единомышленников отказаться от фракционной работы и возвратиться в ряды партии. Мы, сидельцы Пензенской тюрьмы, присоединились к этому заявлению. Администрация долго нас мытарилла, но, прибегнув к спасительной голодовке, мы добились освобождения.

Я возвратился в Киев и к токарному станку на своем трамвайном заводе. Вскоре я был восстановлен в партии. Редактировал заводскую многотиражную газету.

Одновременно с этим я посещал вечерние курсы подготовки и Институт кадров ВУАМЛИНа. Осенью сдал экзамены и переехал в Харьков. Однако ЦК партии не утвердил моей кандидатуры, так как у меня был перерыв в партийном стаже.

Работал в единственной центральной газете, выходившей на русском языке, «Пролетарий». В 1934 году столица переехала в Киев, а я стал корреспондентом союзной газеты «Социалистическое земледелие» по Харьковской области.

Как известно, в декабре 1934 года в Ленинграде был убит Киров. Центральный комитет решил проверить всех корреспондентов центральных газет. Я был вызван в Москву. Со мной побеседовал ответственный товарищ, а через две недели я получил

извещение, что «в связи с сокращением штатов» освобожден от работы. Начались мытарства. Из номенклатуры обкома я был переведен в горком, а оттуда в райком. Предлагали должности директора магазина или столовой. Я боялся растраты, отказывался. Жить было не на что. Жену с ребенком отправил в Киев к ее родителям. Наконец меня послали инспектором сберегательной кассы.

23 июня 1936 года в третий раз арестовали. Сидел в одиночке. Следователь, выполняя скучную обязанность, вел допрос: «Расскажите о своей троцкистской деятельности до 1928 года» и «Расскажите о своей контрреволюционной деятельности после восстановления в членах партии». На первый вопрос я отвечал: «Распространял «письмо Ленина», а на второй: «Таковой не занимался». Через два месяца сообщили решение Особого совещания при НКВД от 16.8.1936 г. Статья КРТД, срок заключения 5 лет.

Этап через Котлас, в барже по Вычегде, Усть-Вышь. Пеший этап до Чибью и дальше на строящийся тракт Чибью — Крутая. Затем кирпичный завод в деревне Крутая. Снова этап на Воркуту. Однако так и не довезли на этот раз — Уса стала покрываться льдом. Этап в Сынянырд на лесозаготовки. Три года работы на лесоповале. В начале 1941 года, так как приближался конец срока, этапировали в Усть-Усу, где было Управление Райлага и паспортный стол.

22 июня, как известно, началась война. Освобождение приостановили «до особого распоряжения». Этап на Воркуту. Работа в каменном карьере, затем в Дорстрое. В конце 1944 года, в связи с юбилеем Воркуты, «за хорошие показатели в работе» досрочно освободили.

В феврале 1950 года, работая на ШУ-2, был снова, в четвертый раз, арестован. В ордере на арест было написано: «за хранение оружия и связь с заключенными». Продержали (за неимением тюрьмы) семь месяцев в бывшем изоляторе ОЛПа «Капитальная»

в одной камере с ворами и убийцами. Никакого нового «дела» и не пытались сотворить и, в конце концов, сослали в Красноярский край.

В конце 1954 года по амнистии, связанной со смертью Сталина, был из ссылки освобожден.

В 1955 году вместе с вновь обретенной семьей возвратился по собственному желанию на Воркуту.

В 1956 году после XX съезда КПСС по решению Харьковского областного суда был реабилитирован.

В 1958 году покинул Воркуту и переехал на жительство в Свердловск. В течение двадцати лет сотрудничал на положении внештатного корреспондента в газете «Уральский рабочий». В 1962 году был принят в Союз журналистов СССР.

Написал серию невыдуманных рассказов о жизни в лагере под названием «Одноэтапники».

Так как в этих рассказах употреблялось много лагерных слов, не всегда понятных читателю, составил небольшой словарь. Так началась моя лексикографическая работа, растянувшаяся на два десятилетия, наполнившая смыслом всю жизнь.

Захотелось разобраться в происхождении некоторых слов. Обратился к языковедческой литературе. Работал в библиотеках Свердловска, Москвы, Ленинграда, Одессы. Благодаря работам криминалиста Гернета набрал на исключительный раздел изданий силами заключенных. Завязалась переписка с А. Солженицыным, В. Кавериним, Л. Успенским. В работе над словарем мне оказывал во все годы неоценимые услуги доцент Челябинского университета Владимир Федорович Житников. По его инициативе мой словарь служит учебным пособием для изучения диалектологии. С его помощью написаны и защищены курсовые и дипломные работы.

Словарь мой машинописный. В приложениях к словарю даны: 1. Пословицы, поговорки, присловья, начиная с седой старины и современные. 2. Обширный раздел «Блатная поэзия». 3. Клятвы и заверения. 4. Брань.

Стремясь облегчить получение любой справки, я составил и второй словарь — арготических синонимов. В отличие от «толкового словаря», здесь первым стоит русское нормативное слово, а против него — жаргонные синонимы. Насколько я знаю, у нас еще не было подобного словаря. Между тем это бесценное подспорье не только для лингвистов, но и для историков, социологов, криминалистов, писателей, переводчиков.

Академик В. В. Виноградов в свое время писал: «Вопросы социальной диалектологии представляют исключительную важность для изучения истории и современного состояния языков».

Живя в Свердловске, вдали от моих друзей, перебирая свои карточки, вчитываясь в записи, в которых, по выражению академика Л. Щербы, «языковая жизнь бьется и кипит», я досадовал, что мои иногородние друзья лишены удовольствия любоваться собранными мною драгоценностями. Как сделать доступными для них эти богатства? И пришла мне в голову мысль — создать передвижную выставку самых замечательных экспонатов — музей для друзей. Лучше всего, решил я, группировать экспонаты по темам, создать этикие тематические экспозиции. И ныне их у меня уже семь: 1. Пайка. Речь в ней о самом главном — о питании. 2. «Человек — это звучит гордо». 3. Скверноподданный остролов. В ней приводится жаргон политзаключенных. 4. «Принужденная» и «Перековка». О труде. 5. «Кобылка лыбится». Это об остротах арестантской массы. 6. Этика блатных. 7. «Нашествие

давно усопших». В этой экспозиции приводится много примеров интересного явления — появления в разговорном языке тюрьмы давно забытых слов, архаизмов.

Возвращаюсь к основному словарю.

Как я уже говорил, он составил четыре машинописных тома. По рекомендации академика Д. С. Лихачева словарь принят для хранения и изучения в Институт русского языка Академии наук СССР. Дирекция поручила рецензирование доктору филологических наук Е. А. Земской и кандидату филологических наук Л. А. Капанадзе. Привожу отрывок и заключительные слова рецензии: «Словарь русских арготизмов Л. М. Городина представляет собой уникальную работу. До сих пор у нас не было издано сколько-нибудь полных словарей этого самого сниженного слоя русского лексикона, издавались лишь словники жаргонизмов определенных регионов или небольшие словари-справочники. Автор поставил своей задачей охватить почти вековой период в истории жаргонов — начиная со времен каторги царской России. Исследована большая литература. Используются и авторские записки. Не обладая знаниями лексикографа, Л. М. Городин сумел придать своему труду единообразию и стройную композицию.

...Отмеченные недостатки не снижают большой ценности рецензируемого словаря.

Да, это словарь-справочник — но какой богатый, полный, неожиданный!

...Исходя из сказанного, можем рекомендовать Словарь Л. М. Городина к печати (о тираже и специальных оговорках можно думать).

Научные сотрудники отдела современного русского языка.

Е. А. Земская, Л. А. Капанадзе 23 февраля 1988 г.».

ИСКЛЮЧЕН ИЗ ВКП(Б)
14 ОКТЯБРЯ 1927 ГОДА
ЗА РАЗДЕЛЕНИЕ ВЗГЛЯДОВ
ЛЕНИНСКОЙ ОППОЗИЦИИ,
ИЗЛОЖЕННОЙ В ПЛАТФОРМЕ
БОЛЬШЕВИКОВ-ЛЕНИНЦЕВ.
ПО ВОПРОСУ О МОЕЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК
ОППОЗИЦИОНЕРА НИКАКИХ
ПОКАЗАНИЙ ДАВАТЬ НЕ ЖЕЛАЮ.
Л.ГОРОДИН
ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА
ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ
ПРИ КОЛЛЕГИИ ГПУ УССР
ОТ 9.11.1928 Г., СТР. 185

МАТЕРИАЛЫ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЛ ЛЕОНИДА ГОРОДИНА

Материалы следственных дел предоставлены Центральным государственным архивом общественных объединений Украины, Государственным архивом Харьковской области. Печатаются выборочно, с сокращениями.

В 1927 году по стране прокатилась волна арестов так называемых «троцкистов» — сторонников одного из лидеров большевистской партии Л. Троцкого. В результате внутрипартийной борьбы Л. Троцкий потерпел поражение, был исключен из партии и отправлен в ссылку. Леонид Моисеевич Городин как член киевского троцкистского центра молодежи был арестован в 1928 году и выслан в Пензу. Через год его освободили.

1 декабря 1934 года был убит Первый секретарь Ленинградского обкома партии С. М. Киров, это событие послужило поводом для начала новой волны террора против тех, кто был в оппозиции в 1920-х годах. В июне 1936 года Городин, проживающий на тот момент в Харькове, был арестован по обвинению в контрреволюционной троцкистской деятельности. Для подтверждения этого факта следователю хватило лишь фотографий, привезенных Городиным из ссылки, на которых были изображены его товарищи-троцкисты. Материалы дела также содержат протоколы допроса Городина и свидетелей, в которых полностью отрицалась его троцкистская деятельность в 1930-х годах. Тем не менее по сфабрикованному обвинению 16 августа Л. М. Городин был осужден Особым совещанием при НКВД СССР по статье 54-10 УК УССР (аналог статьи 58 УК РСФСР) — «антисоветская агитация и пропаганда» на пять лет лагерей. В 1941 году срок заключения подошел к концу, но Городин, как и все осужденные по политическим мотивам, не был освобожден, т. к. в соответствии с директивой НКВД от 22 июня 1941 года запрещалось освобождение из лагерей уголовников и «контрреволюционных элементов» до окончания войны. Только в сентябре 1944 года Городин вышел на свободу.

В конце 1940-х годов заканчивались сроки заключения тех, кто был осужден в годы Большого террора. Эти бывшие заключенные представляли серьезную опасность как источник нежелательной информации о незаконных методах ведения след-

ствия и бесчеловечных условиях жизни и работы в лагерях. 21 февраля 1948 года Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «О направлении особо опасных государственных преступников по отбытии наказания в ссылку на поселение в отдаленные местности СССР». Начались повторные аресты всех политзаключенных, кто уже отбыл наказание и вышел из лагерей. В феврале 1950 года Л. М. Городина, проживавшего на тот момент в Воркуте, повторно арестовали по делу 1936 года как «активного троцкиста». Следовательно, не владея никакими реальными фактами, подтверждающими антисоветскую деятельность обвиняемого после освобождения из лагеря, упорно принуждал Городина сознаться в своих «преступлениях», но последний отрицал все предъявленные ему обвинения. Несмотря на то что в обвинительном заключении признается отсутствие доказательств антисоветской деятельности Городина, Особое совещание при МГБ СССР приговорило его к ссылке на поселение в Красноярский край.

В 1956 году Леонид Моисеевич был освобожден и получил справку об отмене приговоров за 1936 и 1950 гг. за недоказанность преступлений. Приговор за 1928 год оставался в силе. Городин стал одним из многих политических заключенных, чьи судебные дела за 1920-е годы не подлежали пересмотру. Процесс реабилитации незаконно осужденных растянулся на долгие годы, проходил несколько стадий и развивался в зависимости от политической ситуации внутри страны. Первые шаги по освобождению и реабилитации политических заключенных начались сразу после смерти Сталина. Секретный доклад Н. С. Хрущева «О культе личности и его последствиях» на XX съезде КПСС дал идеологическое обоснование и значительно ускорил этот процесс. В итоге в конце 1950-х годов освобождению и реабилитации подлежали главным образом политические заключенные, осужденные в годы массовых репрессий, а точнее, в период Большого террора, при этом сохранялись ограничения на реабилитацию троцкистов, оппорту-

нистов, эсеров, меньшевиков и представителей других социалистических партий. Завершающий период реабилитации начался лишь в середине 1980-х годов, когда новое руководство страны взяло курс на Перестройку. В это время началась подготовка к пересмотру судебных дел и процессов 1920-х годов. Результатом этой работы стал Указ Президента СССР от 13 августа 1990 года «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20—50-х годов», который положил начало разработке законопроектов для окончательного решения вопросов реабилитации жертв политических репрессий в СССР.

На основании этого Указа Президента СССР в союзных республиках были приняты аналогичные законодательные акты.

В 1991 году Леонид Моисеевич Городин подал заявление в УКГБ УССР по г. Киеву и Киевской области о снятии с него обвинения в троцкистской деятельности по делу 1928 года. 27 ноября 1991 года Л.М. Городин был реабилитирован.

Весь трудный путь Леонида Моисеевича, его борьбу за свою свободу и жизнь в тисках репрессивной машины можно проследить по материалам трех следственных дел.

ПОСТАНОВИЛИ: ГОРОДИНА
ЛЕОНИДА МОИСЕЕВИЧА
ВЫСЛАТЬ ЧЕРЕЗ
ПП ОГПУ В СРЕДНЕ-ВОЛЖСКУЮ
ОБЛАСТЬ, СРОКОМ НА ТРИ
ГОДА. ДЕЛО СДАТЬ В АРХИВ.
ВЫПСКА ИЗ ПРОТОКОЛА
ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ
ПРИ КОЛЛЕГИИ ОГПУ
ОТ 7 ДЕКАБРЯ 1928 Г., СТР. 197

**МАТЕРИАЛЫ
СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЛА
№47074 (Ф. 263, ОП. 1)
1928 ГОДА
(ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АРХИВ ОБЩЕСТВЕННЫХ
ОБЪЕДИНЕНИЙ УКРАИНЫ)**

У. С. Р. Р.

ДЕРЖАВНЕ ПОЛІТИЧНЕ УПРАВЛІННЯ

СПРАВА

№ 472

По обвин.

Розстріляний під час війни

Речеві докази №

ПОЧАТО *4/81* 192 р.

СКІНЧЕНО 192 р.

НА АРКУШАХ

Здано в архив

для 192 р.

за №

Витки в наказу ДПУ УСРР № 252 (інстр.)

Згідно з п. 6 п.п. 3, 4, 15.

п.п. 3 і 4 Витки складено відразу по на-
казу, який не через В. П. Р., а на місцях
через Регістрацію, к. 5. Відповідальність за по-
ширення інформаційного пункту несе
на себе відділ, відділок і на себе, що
вдають ся, стр.

Дело № _____

ПРОТОКОЛ.

1928 г. Кавказ и-из 9 дня, Уполномоченный СохмановОтд. ГПУ УССР Лутман допросил именованного гр.

кек _____, который показал:

- Имя, отчество, фамилия Арошан Семид Моисе вич
- Возраст 1907г
- Место рождения и приписки г. Машик Кавказ. окр.
- Происхождение сын кулибаш
- Имущественное положение Кешишадан
- Подданство Росс
- Образование Среднее
- Семейное положение Семейн
- Отношение к воинской повинности доп. призван к
- Профессия токарь в Ст. металл. му
- Занимаемая должность Работ. ГПУ
- Сведения о судимости и нахождении под следствием нет
- Партийная принадлежность б. чл. Кавказ 1925 г. и чл. ком. 1919г
- Состоит ли в профсоюзе Работническ. с 1925г
- Точный адрес Кавказ-Горская 10 кв. 12.
- Служба у белых: добровольно или по мобилизации нет

Будучи предупрежденным о содержании ст. 178 УК УССР, 64 и 167 УПК УССР по существу дела показал:

Семидан из В.Н.П. 14 кв. 12.
1927 года за размещение взрывчат. веществ
на территории завода в г. Машик
был арестован. В отношении
Семиданов. Семиданов. Семиданов. Семиданов.
Семиданов. Семиданов. Семиданов. Семиданов.
Семиданов. Семиданов. Семиданов. Семиданов.

Семиданов

Дело № _____

ПРОТОКОЛ

1928 г. 28 ноября м-ца — дня. Уполномоченный Сельдинского
 Отд. ГПУ УССР Сафаров допросил ниженазванного гр.
 как свидетельского, который показал:

1. Имя, отчество, фамилия Городиш Леонид Михайлович
2. Возраст 1904
3. Место рождения и приписки _____
4. Происхождение _____
5. Имущественное положение _____
6. Подданство _____
7. Образование _____
8. Семейное положение _____
9. Отношение к военной повинности _____
10. Профессия _____
11. Занимаемая должность _____
12. Сведения о судимости и нахождении под следствием _____
13. Партийная принадлежность _____
14. Состоит ли в профсоюзе _____
15. Точный адрес _____
16. Служба у белых: добровольно или по мобилизации _____

Будучи предупрежденным о содержании ст. 178 УК УССР, 64 и 167 УПК УССР по существу дела показал: Вашинка в В.Л.К. в 1919 году
и в К.Т.П. в 1926 году. Состоял из К.Т.П. Членом
1908 года, из Владимирской области родом.
Членом из партии и комсомола да руководителем
бригады большевистско-коммунистический
в Сталиноград и да пошел на фронт и дасть
печкой 537. О своей работе по данному делу
бригады свидетельствует давить по заданию и про
требую против воевавших в Г.П.У. по делу
припартийные дела.

Допрошен

Сельдинский

Дело № _____

Лист № 22

15

ПРОТОКОЛ

192 8 г. Калуга н-ца 28 дня. Уполномоченный А. КрестинскогоОтд. ГПУ УССР Сиварев допросил нижеподписанного гр.как адвокатского, который показал:

1. Имя, отчество, фамилия Торазин Михаил Майсевич
2. Возраст 1902.
3. Место рождения и приписки _____
4. Происхождение _____
5. Имущественное положение _____
6. Подданство _____
7. Образование _____
8. Семейное положение _____
9. Отношение к военной повинности _____
10. Профессия _____
11. Занимаемая должность _____
12. Сведения о судимости и нахождении под следствием _____
13. Партийная принадлежность _____
14. Состоит ли в профсоюзе _____
15. Точный адрес _____
16. Служба у белых: добровольно или по мобилизации _____

Будучи предупрежденным о содержании ст. 178 УК УССР, 64 и 167 УПК УССР по существу дела показал: В НКВД я состоял с 1919 г. а в КД(В)З с 1925 г. Из партии я исключен 14/II-24, а из Комсомола исключен по моему желанию. Фамилия моего исключенца неизвестна по моему разведки и защиты. Везде я состою. Не исключено было мое исключение. Вечером фракционной работы и в силу своих личных дел я состою в "Майдарму 15" и "разведки-ние 85"

Будучи хорошо знаком с майдармой и тактикой эмиграции и в ее организации-решной деятельности, я их всецело разде-

ринъ
 нонбко е
 Директоръ
 мъ
 нонбко е
 нонбко е

Суратка

Намышныя показаны займаны
 со еубъ Тарома. Онъ неженъ ихъ
 онъ еубъ Тарома забубъ о менамъ нонб-
 саны показаны еубъ Тарома. Сур-
 еубъ Тарома еубъ Тарома нонб-
 нонбко е.

Суратка. Намышныя. Со Тарома

Муромъ

АНКЕТА ОБВИНЯЕМОГО

"30. ноября 1928 года.

В О П Р О С Ы:

О Т В Е Т Ы:

Фамилия	Горюхин
Имя и отчество	Александр Иванович
Год рождения	1907
Место рождения	Коропченковская окр. Шиньский р. отшельный город Шинь
Адрес	окр. село, город Киев Промышленная 10 кв. 12
Время ареста	27/11-28
Кем задержан	Киевским окружным Губ
Откуда и когда прибыл	из Киевского района

Сод. проф. принадлежность

РОД ЗАНЯТИЙ ИЛИ МЕСТО СЛУЖБЫ:

а) сельское хозяйство	округ, село	рабочий (произв. не производств.)
б) тяжелая индустрия	название и адрес предприятия, должность	крестьянин (кулака, зажиточный, серед.
в) легкая индустрия и с/х	название и адрес пред.	

хар. промышленности	практик. должность	лиц, бедняк)
г) местная промышленность	название и адрес предприятия, должность	профессор
д) транспорт	название ш. л. должность	учитель
е) кооперация	название и адрес предприятия, или учр. долж.	учащийся
ж) госторговая	название и адрес предприятия, или учр. долж.	специ.
з) финансы	название и адрес учреждения, должность	служащий
и) государственная	название и адрес учреждения, должность	лицо своб. проф.
к) органы ГПУ	наименование органа, должность	военнослужащий
л) органы шма. и разведки	наименование органа, должность	выборное лицо
м) армия и флот	название части, должность	кустаря
н) школы и культурно-просвет. органы, и учр.	название учр. или организации, должность	частный предприниматель, торговец
о) обществ. организации (парти, проф., добр. о-ва)	наименование организации, должность	служ. культа
п) частная торговля и промышленность	название предприятия, должность	проч. занятый
р) кустарные ремесла	род ремесла	без опред. занят.
с) прочие		<i>дезинтерн</i>

ПАРТИЙНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ:

чл. КПД. ВКП(б) _____ орг. бил. № _____, б. чл., член. ВКП(б), чл. АКСМ, чл. АКСМ, меньшевик, анархист, лев. эсер, прав. эсер, лев. социст (чл. _____), лев. социст (чл. _____), чл. ЕКРП, чл. ЕКРСМ, чл. Учр. парт. _____ чл. ПНС,

чл. партии леваяя цутол, проч. парт. _____, беспартийный.

ПРОФСОЮЗНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ:

чл. союза

бил. №

Раб. Ком. Кооп.

3	Израильская Эсфирь	23	И	И
4	брайн Гердон Сашуни	24	картинка	Але-Винни
5				
6				
7				
8				
9				

Подпись обвиняемого *А. Гердон*

Где содержится

За кем числится

Основ: зачисления

Особые приметы
обвиняемого

Примечание:

Подпись заполняющего анкету: *А. Гердон*

З А К Л Ю Ч Е Н И Е.

По след. делу № 458 по обвинению гр. ГОРОДИНА Леонид Ивановича, 1907 г. рожд., из м. Палина, Кого стеночного округа, из мещан, еврей, подданства УССР, немужатой, по специальности токарь по металлу, ныне безработный, член союза Рабкомхоз/ со стедии обрезывнимом, б. член ЦШ/б/У, заключен за списов цию, под судом и следствием не состоял, просия. по Пролетарской ул. 10 кв. 12 в совершил преступ лений, предусмотренных ст. 54-10 УК УССР

Н а щ е л :

что ГОРОДИН Леонид Иванович, состоял членом партии с 1926г. и членом ЦСМ. С момента возникновения оппозиционного блока ГОРОДИН принимается к оппозиции и становится активным участником в оппозиционной работе, распространяет нелегальную оппозиционную литературу участником в оппозиционных кружках на квартире АЛЕКСАНДРА, собрал подпольный под оппозиционно-плотформой, за что в октябре 1937г. был исключен из партии и в ноябре этого же года исключен из ЦСМ. После исключения ГОРОДИН продолжает активно участвовать в оппозиционной работе, выезжая на некоторое время на родину, получая от них инфор руководящими работниками Киевской оппозиции, ввиду отсутствия с ним о состоянии оппозиции. За последние месяцы он был отстранен от всякой оппозиционной работы с целью запуганки и подрывки его на случаи арестов. С момента ликвидации партии него и комсомольско го оппозиционных центров, ГОРОДИН становится руководителем вновь созданного комсомольского центра в Киеве, концентрирует у себя все связи, выделяет новых районных организаторов, создает раг опные активы по линии комсомольской оппозиции, интригует их и руково дит работой районных стенокваторов, связывается с стеночными руководителями Киевской оппозиции, получает от них директивы и указ

заниматься своей работой. Не дойдя до половины готовых арестованных 19 октября оппозиционерами, ГОРОДИН редактирует листовку, проект которой был получен из заключения, вместе с другими активными оппозиционерами печатает 500 шт. этих листовок и раздает руково- дящим работникам для распространения, одновременно он принимает активное участие в подготовке этой работы к демонстрации к испол- нению 17.10. Вызванная на допрос он отказывается дать какие либо показания о своей оппозиционной деятельности.

Из оснований изложенного установлено, что г-р ГОРОДИН Леонид Борисович состоял в нелегальной организации троцкистов, руководил работой текстов, печатал и распространял антисоветскую литературу, в частности, считая его **ЕВЖЕ** социальное-слизистым элементом и руковод- ствует призывом ОГПУ СССР № 72 1924г. Подтверждена приказом ОГПУ СССР № 384 от 1924 г. в циркуляром приказом ОГПУ

И О Д А Р А Д + Б И:

следственное дело по обвинению г-р ГОРОДИНА Леонид Борисовича, напечатать в Сводное Соединение при Союзе ГПУ СССР с ходатайством подтвердить его административке за пределы ГССР.

Уполном. г-р. СО

СОГЛАСЕН: НАЧ. СО

УТВЕРЖДАЮ: НАЧ. КОСГИ

/ ГОДАМ /

/ ЛТОХ /

/ ЖАНОВ /

С п. р. в в к. о: Сблизяемая ГОРОДИН Л. И. содержится в КОПР"е
2/11. Ветдоки индизаруются.

Уполном.

/ ГОДАМ /

Копия: Копия 20

Выписка из протокола № 87/242

Особого Совещания при Коллегии ГПУ УССР от "1" декабря 1928 года.

С Л У Ш А Л И:

ПО СТА Н О В И Л И:

Холдательство Киевского Округового
ГПУ № 488 об етничаньскаге гр.
ГОРОДИНА Десняде Мосеевичи,
21 годя, еврея, безработного,
жк в нтисоветската элемент.
/Дска. т. Сидоров/

Возбудить ходатайство перед
Особовещанием при Коллегии ОГПУ-о
амьскаге ГОРОДИНА вь пределн УССР,
сроком вь ТРИ годя.

Верно: 8е Нач. УСО ГПУ УССР

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА

Особого Совещания при Коллегии ОГПУ от "7" декабря 1928 г.

СЛУШАЛИ:

61. Дело № 66856 по обв.
гр. ГОРОДИНА Леонида Моисе-
евича по 58/10 ст. УК.

ПОСТАНОВИЛИ:

ГОРОДИНА Леонида Моисеевича
выслать через ИПОГПУ в Сред
не-Волжскую область, сроком
на ТРИ года.
Дело сдать в архив.

Секретарь Коллегии ОГПУ

(Ис)

Серия "К".

133720

211-79

В Г. П. У. УКРАИНЫ - ГОР. ХАРЬКОВ.

Центр. Регистр.

8 декабря 8

530812

ОПР ОГПУ при сем препровождает выписку из протокола Особого Соединения при Коллегии ОГПУ от 7/ХІ-28 г. по делу № 66856 - ГОРОДИНА Леонид Александровича - на исполнение, при чем сообщает, что такового надлежит направить в распоряжение ОПР ОГПУ по СВО г. Самары, в сопровождении оперативного сотрудника, и дать ГОРОДИНУ Л. А. 50 рублей и разрешить перед отъездом свидание с родственниками или знакомыми.

Исполнение срочно сообщите.

ПРИЛОЖЕНИЕ: выписка.

211

ПОМ. НАЧ. ОПР ОГПУ: (Павлов)

НАЧ. ЧОТ ДЕЛЕНИЯ: (Зубан)

Зубан

Павлов

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА

Особого Совещания при Коллегии ОГПУ от 23 августа 1932 г.

СЛУШАЛИ: ПОСТАНОВИЛИ: ДОН. 2

83. "ересмотр дела № 68856 гр. ГО-
РОДИНА Леонид Моисеевич. П. Ф. И. Г.
пост. Ос. Сов. от 7/12-28 г. К
высылке в СЕО, сроком на ТРИ го-
да.

ГОРОДИНА Леонид Моисеевич.
ДОСРОЧНО от наказания ОСЕО-
БОДИТЬ, разрешив свободное
проживание по СЕО.

Секретарь

Секретарь

Секретарь Коллегии ОГПУ

1024-91

УТВЕРЖДАЮ

Прокурор г.Киева

старший советник юстиции

С.В. Доток

"24" ноября 1991 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

в отношении Городина Леонида Моисеевича

/фамилия, инициалы/

по материалам уголовного дела /арх. № 47074-3п /Фамилия, имя и отчество Городин Леонид МоисеевичГод рождения 5 мая 1907Место рождения г.Малин Житомирской областиМесто жительства до ареста г.Киев, ул.Пролетарская, 10, кв. 12Место работы и должность по аресту без определенных занятийСведения о партийности б/п

Когда, каким органом, по каким статьям УК был осужден /репрессирован/, в чем признан виновным, изменялось ли решение по делу и как:

арестован 27 октября 1928 года на основании ст.54-10 УК УССР.

Обвинялся в том, что якобы состоял членом нелегальной организации троцкистов, печатал и распространял антисоветскую литературу.

По постановлению особого совещания при Коллегии ОГПУ от

7 декабря 1928 года был послан в Средне-Волжскую область сроком на 3 года. От наказания освобожден на основании решения особого

совещания при коллегии ОГПУ от 23 августа 1930 года с правом про-
живания на всей территории СССР (мотивы освобождения не указаны).

Арестован " 27 " октября 19 28 года
 Освобожден " 8 " декабря 19 28 года отправлен в ссылку

Содержался под стражей, в местах лишения свободы, на принудительном лечении /ненужное вычеркнуть/:

____ лет, _____ месяцев, _____ дней.
 Находился в ссылке _____ лет, _____ месяцев, _____ дней.

Данные о репрессированном или его родственниках:

сам - Городин Л.М., проживает по адресу: 252053, г. Киев,
 ул. Воровского, 10, кв. 6

На Городина Леонида Моисеевича

/ф., и., о./

распространяется действие ст. 1 Закона Украинской ССР "О реабилитации жертв политических репрессий на Украине" от 17 апреля 1991 г.

Начальник следственного УКТБ УССР
 по г. Киеву и Киевской области
 подполковник

" _____ " ноября 1991 года А.Ф. Береза

Ст. помощник прокурора г. Киева по надзору

за следствием в органах госбезопасности

ст. советник юстиции

И.М. Абраменко

" 27 " ноября 1991 г.

Примечание: справка о реабилитации

/фамилия, инициалы/

" _____ " _____ 199 _____ г. направлена

_____ /степень родства, ф., и., о./
 по адресу _____

Подпись: _____

ПРОТОКОЛ

1928 г. ноября м-ца 9 дня. Уполномоченный Сокиевского Отд. ГПУ УССР Гутман допросив ниженазванного гр. как ..., который показал:

1. Имя, отчество, фамилия:
Городин Леонид Моисеевич
2. Возраст: 1907 г.
3. Место рождения и прописки:
г. Малин Коростеньский окр.
4. Происхождение: сын кустика.
5. Имущественное положение: неимущий
6. Подданство: УССР
7. Образование: среднее
8. Семейное положение: холост
9. Отношение к воинской повинности:
допризывник
10. Профессия: токарь по металлу
11. Занимаемая должность: безработный
12. Сведения о судимости и нахождения под следствием: нет
13. Партийная принадлежность:
б.ч. партии 1925 г. б. ЧЛКСМУ 1919 г.
14. Состоит ли в профсоюзе: Рабкомхоз с 1923 г.
15. Точный адрес: Пролетарская 10 кв. 12
16. Служба у белых (добровольно или по мобилизации): нет

Будучи предупрежденным о содержании ст. 178 УК УССР, 64 и 167 УПК УССР по существу показал: Исключен из В.К.П.(б) 14 октября 1927 года за разделение взглядов ленинской оппозиции, изложенной в платформе большевиков-ленинцев. По вопросу о моей деятельности как оппозиционера никаких показаний давать не желаю.

Подпись Л. Городин

3

ПРОТОКОЛ

1928 г. 28 ноября м-ца — дня. Уполномоченный Секретного Отд. ГПУ УССР Сидоров, допросив ниже-названного гр. как обвиняемого, который показал:

1. Имя, отчество, фамилия:
Городин Леонид Моисеевич
2. Возраст: 1907

Будучи предупрежденным о содержании ст. 178 УК УССР, 64 и 167 УПК УССР по существу дела показал: Состоял в В.Л.К.С.М. с 1919 года и в К.П./б/У. с 1925 года. Исключен из К.П./б/У. 14 октября 1927 года, из комсомола исключен позже.

Исключен из партии и комсомола за разделение взглядов большевиков-ленинцев изложенных в Платформе и за подпись под заявлением «83-х». О своей работе по защите своих взглядов отказываюсь давать показания и протестую против вмешательства Г.П.У. во внутривластные споры.
Городин

4,5

ПРОТОКОЛ

1928 г. ноября м-ца — 28 дня. Уполномоченный Секретного Отд. ГПУ УССР Сидоров, допросив ниже-названного гр. как обвиняемого, который показал:

1. Имя, отчество, фамилия:
Городин Леонид Моисеевич

Будучи предупрежденным о содержании ст. 178 УК УССР, 64 и 167 УПК УССР по существу дела показал: В ВЛКСМ я состоял с 1919 г., а в КП(б)У с 1925 г. Из партии я исключен 14/х-27 г. а из комсомола несколько позже. Причиной моего исключения послужило то, что я разделял и защищал взгляды оппозиции. Мотивировано было мое исключение ведением фракционной работы. Я в силу своих убеждений подписал «платформу 13» и «заявление 83х».

Будучи хорошо знаком с платформой и тактикой оппозиции и с ее организационной деятельностью, я их всецело разделяю и считаю себя за нее ответственным. Что же касается нелегальной оппозиционной работы, то я считаю ее нежелательной в условиях диктатуры пролетариата, но в настоящее время я считаю ее принципиально допустимой и необходимой. Она является единственным способом довести наши взгляды до сведения партии.

Свои взгляды я защищал в партии и после своего исключения из нее, по некоторым вопросам я защищал их и среди наиболее близких нам беспартийных рабочих.

В чем заключалась моя конкретная оппозиционная работа говорить отказываюсь, т.к. об этом я могу говорить только с партийными органами.

Отказываюсь так-же говорить работал ли я по линии партийной или комсомольской оппозиции.

Справка

Настоящие показания записаны со слов Городина.

От подписи их он отказался заявив о желании написать показания собственоручно.

Собственоручные его показания прилагаются.

Старш. Уполномоч. СО ГПУ УССР

6.7 ГПУ УССР

При заполнении анкеты лицо, ведущее дело, предупреждает обвиняемого об ответственности за дачу ложных сведений.

АНКЕТА ОБВИНЯЕМОГО

30 НОЯБРЯ 1928 ГОДА

Фамилия: Городин

Имя и отчество: Леонид Моисеевич

Год рождения: 1907

Место рождения: Коростеньский окр. Малинский р.
город Малин

Адрес: город Киев Пролетарская 10 кв. 12

Время ареста: 27/XI-28

Кем задержан: Киевский Окруждепом ГПЗ

Откуда и когда прибыл: Из Киевского Д(нрзб)

РОД ЗАНЯТИЙ ИЛИ МЕСТО СЛУЖБЫ

Соц. проф. принадлежность

рабочий (произв), безработный

ПАРТИЙНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ

б. чл. ВКП(б) ЛКСМ

ПРОФСОЮЗНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ

чл. союза Рабкомхоз

Пол: Мужской

Образование: среднее

Возраст: от 18 до 24

Гражданство: УССР

СОСТАВ СЕМЬИ

- 1 Отец Моисей Шмарьевич, 59 лет, кустарь,
г. Малин
- 2 Сестра Орман Рива, 25 лет, д. х., г. Малин
- 3 Сестра Израилевская Эсфирь, 25 лет, д. х.,
г. Малин
- 4 Брат Гордон Самуил, 34 года, портной
Лос-Анжелас

АРХИВ № 1

У. С. Р. Р.

ДЕРЖАВНЕ ПОЛІТИЧНЕ УПРАВЛІННЯ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По след. делу № 458 по обвинению гр. Городина Леонида Моисеевича, 1907 г. рожд., из м. Малина, Коростенского округа, из мещан, еврей, подданство УССР, неимущий, по специальности токарь по металлу, ныне безработный, член союза Рабкомхоза со средним образованием, б. член КП/б/У, исключен за оппози-

цию, под судом и следствием не состоял, прожив. по Пролетарской ул. 10, кв. 12, в совершении преступлений, предусмотренных ст. 54-10 УК УССР Нашел:

Что ГОРОДИН Леонид Моисеевич состоял членом партии с 1926 г. и членом КСМ. С момента возникновения оппозиционного блока ГОРОДИН примыкает к оппозиции и становится активным участником в оппозиционной работе, распространяет нелегальную оппозиционную литературу, участвовал в оппозиционных кружках на квартире ДАВИДЗОНА, собирал подписи под оппозиционной платформой, за что в октябре 27 г. был исключен из партии и в ноябре этого же года исключен из КОМ. После исключения ГОРОДИН продолжает активно участвовать в оппозиционной работе, выезжая на некоторое время на родину, он переписывается с руководящими работниками киевской оппозиции. За последние месяцы он был отстранен от всякой оппозиционной работы с целью зашифровки и подготовки его на случай арестов. С момента ликвидации партийного и комсомольского оппозиционных центров, ГОРОДИН становится руководителем вновь созданного комсомольского центра в Киеве, концентрирует у себя все связи, выделяет новых районных организаторов, созывает районные активы по линии комсомольской оппозиции, инструктирует их и руководит работой районных организаторов, связывается с арестованными руководителями киевской оппозиции, получает от них директивы и указания о дальнейшей работе. Еще до объявления голодовки арестованными 19 октября оппозиционерами, ГОРОДИН редактирует листовку, проект которой был получен из заключения, вместе с другими активными оппозиционерами печатает 900 шт. этих листовок и раздает руководящим работникам для распространения, одновременно он принимает активное участие в подготовительной работе к демонстрации к Исполкому 27.X. Вызванный на допрос он отказывается дать какие-либо показания о своей оппозиционной деятельности.

На основании изложенного установлено, что гр. ГОРОДИН Леонид Моисеевич состоял в нелегальной организации троцкистов, руководил работой таковой, печатал и распространял антисоветскую литературу, а почему, считая его социально-опасным элементом и руководствуясь приказом ОГПУ СССР № 72 1924 г. подтвержденным приказом ГПУ УССР № 384 от 1924 г. и циркуляром Наркомюста УССР ПОЛАГАЛ БЫ:

Следственное дело об обвинении гр. Городина Леонида Моисеевича направить в Особое Совецание при Коллегии ГП УССР с ходатайством подвергнуть его админвысылке за пределы УССР.

Уполном. 1 гр. СО. /РОДАЛ/

СОГЛАСЕН: НАЧ. СО. /ШТОХ/

УТВЕРЖДАЮ: НАЧ. КООГПУ /ИВАНОВ/

Справка: Обвиняемый ГОРОДИН Л.М. содержится в ДОПР'е

2/Ц. Вещдоки прилагаются.

Уполном. /РОДАЛ/

2

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 87/242

Особого совещания при Коллегии ОГПУ УССР от 1 декабря 1928 года.

Слушали:

Ходатайство Киевского Окротдела ГПУ № 458 об админвысылке гр. ГОРОДИНА Леонида Моисеевича, 21 года, еврея, безработного, как антисоветский элемент. /Докл. т. Сидоров/
Постановили:

Возбудить ходатайство перед Особсовещанием при Коллегии ОГПУ о высылке ГОРОДИНА за пределы УССР сроком на ТРИ года.

Верно: За НАЧ. УСО. ГПУ УССР /Вяткин/

Верно: Начальник УСО ГПУ УССР

10

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА

Особого совещания при Коллегии ОГПУ
от 7 декабря 1928 г.

Слушали:

61. Дело № 66856 по обв. гр. ГОРОДИНА
Леонида Моисеевича по 58/10 ст. УК.

Постановили:

ГОРОДИНА Леонида Моисеевича выслать через
ППОГПУ в Средне-Волжскую область, сроком
на три года. Дело сдать в архив.

Секретарь Коллегии ОГПУ

11 В Г.П.У. Украины — гор. Харьков.
Центр. Регистр.

8 декабря

ОЦР ОГПУ при сем препровождает выписку из протокола Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 7/XII-28 г. по делу № 66856 — ГОРОДИНА Леонида Моисеевича — на исполнение, при чем сообщает, что такового надлежит отправить в распоряжение ПП ОГПУ по СВО г. Самара, в сопровождении оперативного сотрудника, выдать ГОРОДИНУ Л.М. 50 рублей и разрешить перед отправкой свидание с родственниками или знакомыми.

Исполнение срочно сообщите.

ПРИЛОЖЕНИЕ: выписка.

ПОМ.НАЧ. ОЦР. ОГПУ: (Павлов)

НАЧУЧОТДЕЛЕНИЯ: (Зубкин)

12

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА

Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 23 августа 1930 г.

Слушали:

83. Пересмотр дела № 66856
гр. ГОРОДИНА Леонида Моисеевича приг.
пост. с. Сов. от 7/12-28 г. к высылке в СВО,
сроком на ТРИ года.

Постановили:

ГОРОДИНА Леонида Моисеевича ДОСРОЧНО
от наказания ОСВОБОДИТЬ, разрешив свободное
проживание по СССР.

Утверждаю

Прокурор г. Киева

Старший советник юстиции

С.В. Лотюк

27 ноября 1991 г.

13.14

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

в отношении Городина Леонида Моисеевича
по материалам уголовного дела / арх. № 47074-фп /
Фамилия, имя, отчество: Городин Леонид Моисеевич
Год рождения: 5 мая 1907 г.

Место рождения: г. Малин Житомирской области

Место жительства до ареста: г. Киев, ул. Пролетар-
ская, 10, кв. 12

Место работы и должность до ареста:

без определенных занятий

Сведения о партийности: б/п

Когда, каким органом, по каким статьям УК был
осужден /репрессирован/, в чем признан виновным,
изменялось ли решение по делу и как:

Арестован 27 октября 1928 года на основании

ст. 54-10 УК УССР. Обвинялся в том, что якобы

состоял членом нелегальной организации троцки-

стов, печатал и распространял антисоветскую литературу.

По постановлению особого совещания при Коллегии ОГПУ от 7 декабря 1928 года был выслан в Средне-Волжскую область сроком на 3 года. От наказания освобожден на основании решения особого совещания при коллегии ОГПУ от 23 августа 1930 года с правом проживания на всей территории СССР (мотивы освобождения не указаны).

Арестован: 27 октября 1928 года

Освобожден: 8 декабря 1928 года отправлен в ссылку

Данные о репрессированном или его родственниках:

Сам Городин Л.М., проживает по адресу: 252053, г. Киев, ул. Воровского, 10, кв. 6.

На Городина Леонида Моисеевича распространяется действие ст. 1 Закона Украинской ССР «О реабилитации жертв политических репрессий на Украине» от 17 апреля 1991 года.

Начальник следотделения УКГБ УССР по г. Киеву и Киевской области

Подполковник А.Ф. Береза

Ст. помощник прокурора г. Киева по надзору за следствием в органах госбезопасности

Ст. советник юстиции Л.М. Абраменко

27 ноября 1991 г.

Примечание: справка о реабилитации __

« » __ 199 г. направлена __ по адресу __

Подпись:

Березюк В.В.

**ГОРОДИНА ЛЕОНИДА
МОИСЕЕВИЧА
ЗА К/Р ТРОЦКИСТСКУЮ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ —
ЗАКЛЮЧИТЬ
В ИСПРАВТРУДЛАГЕРЬ,
СРОКОМ НА ПЯТЬ ЛЕТ,
СЧИТАЯ СРОК С 23/06-36 Г.
ДЕЛО СДАТЬ В АРХИВ.
ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА
ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ
ПРИ НАРОДНОМ КОМИССАРИАТЕ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
ОТ 16 АВГУСТА 1936 Г., СТР. 229**

**МАТЕРИАЛЫ
СЛЕДСТВЕННОГО
ДЕЛА № 2996
(Ф. 6452, ОП. 4) 1936 ГОДА
(ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
ХАРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ)**

024758

1932

Ф. № 164520 п. № 09 к
 Делу № 2960
 ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
 МИНИСТЕРСТВА
 ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА И
 БЕЗОПАСНОСТИ

Государственный архив

ДЕЛО №

По обвинению

Городица Леонид Иванович

Начато <u>22. июля</u> 19 <u>26</u> г. Окончено <u>16. августа</u> 19 <u>26</u> г.	В _____ томах Том № <u>1</u>
После судебного рассмотрения и вступления приговора в силу настоящее дело подлежит немедленному возвращению в <u>НКВД</u> . <u>В деле выложены документы</u> <u>о передаче в органы МГБ</u> <u>о передаче в органы МГБ</u> К делу должна быть приобщена копия приговора.	Передача находящихся в производстве следственных дел, а также дел из архива дел в другие органы или органы МГБ, хотя бы в порядке, производится усиленно мерс (название учебного заведения)
СОСТАВЛЕНИЕ: Приказ НКВД, Прокуратуры и НКЮ Союза ССР № 00359 от 10.IV 1939 г.	Передача следственного дела оформляется постановлением, утвержденным начальником соответствующего управления МГБ или его заместителем.
Архив № _____ Слано в архив _____ 19 ____ г.	024758

024758

АРХИВ МГБ при СМ СССР

по Харьковской области

Арх. №

1432

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ХАРЬКОВСКОЙ ОБЛ.

П. № 246

УТВЕРЖДАЮ
ЗАМ НАЧ ХОУ НКВД
И. А. С. БОРС

MS
ПОСУДА РАЗЪЕДИНО БЕЗОПАСНОСТИ
(НА МЕСЯЦ)

Постановление

об избрании меры пресечения и пред'явления обвинения

Город Харьков 193 г. 6 июня 28ия

Х Харьковский областной Секретно-Политич. отдел
(должность и фамилия)

Харьковский областной НКВД

рассмотрев следственный материал по делу № _____ и приняв во внимание,

по-гр. ГОРОДИН Леонид Моисеевич

достаточно изобличается в том, что он проводил к-р антипартийную деятельность
Нобль троцкистского характера

П о с т а н о в и л:

г р . Г О Р О Д И Н , Л е о н и д а М о и с е е в и ч а р и в л е ч ь в к а ч е с т в е о б в и н я е м о г о п о с т . с т .

54-10 ч. 1-я У К , м е р о й п р е с е ч е н и я с п о с о б о в у к л о н е н и я о т с л е д с т в и я и с у д а
и з б р а т ь с о д е р ж е н и е п о д с т р а ж а л ь в С п е ц к о р п у с е № 2 Х О У Н А Э Д

У п о л н о м о ч е н н ы й

. С О Г Л А С Е Н - В р и д . С Т О Д Л И М И Н

С т . Л а й т а н е н т Г о с у д а р с т в е н н о й Б е з о п а с н о с т и

Н а с т о я щ е е п о с т а н о в л е н и е м н е о б я в л е н о . в . Ш о л ь . 193 6 г .

П о д п и с ь о б в и н я е м о г о

П О С Т А Н О

Гор. Харьков,
Облпрокурора по спецделам по
смотрев представление СПО Харь
НИВД на арест ГОРОДИНА Леонида
ного, подданства СССР,

Н А Ш

ГОРОДИН Леонид
участник к-р троцкистской орга
в Киеве, входил в подпольный
активную контр-революционную д
дучи в ссылке, также проводил
ментов исключен, как неразрору

П О С Т А

Арест ГОРОДИН
ЦИОН РАВЕНСТВО .-

ЗАМ ОБЛПРОКУ

В Д Е Н И Е

3

1936 года, июня 22-го дня, я - зам
Карьювской области - МОРОЗ, рас-
Карьювского Областного Управления
Моисеевича, 1907 г.р., безработ

Д:

Моисеевича - в прошлом активный
организации. В 1927-28 г.г., проживая
комсомольско-троцкистский центр. За
деятельность высылался на Север. Бу
к-р работу. При проверке партдоку
жившийся троцкист, а посему

Н О В И Д:

А Леонида Моисеевича - с в н к -

РОРА ПО СПЕЦДЕЛАМ /МОРОЗ/

19

ПОСТАТОВЛЕНИЕ

Гор. Харьков, 1936 года, июля 31-го дня, я -
 Спец. полномоченный СНО Харьковского Облест. орг. «Пролетария» НКВД
 мл лейтенант Государств. Безопасности - СИНУВАН, рассмотрев
 материалы, изъятые при обыске у обвиняемого ГОРОДИНА Леониды
 Николаевича,

ТАНЕЦ:

Изъяты при обыске у ГОРОДИНА 4 фотоснимка троцкистских
 листов с контр-революционными троцкистскими надписями изданных
 от ГОРОДИНА в контр-революционной троцкистской деятельности,
 а именно:

ПОСТАТОВЛЕНИЕ:

4 фотоснимка троцкистских листов с троцкистскими надписями
 изъяты у ГОРОДИНА, приобщить к следственному делу № 8601, как
 вещественные доказательства.

СПЕЦПОЛНОМОЧЕННЫЙ СНО

Мл лейтенант Государств. Безопасности

Синуван

СОГЛАСНО: НАЧ I ОТД СНО

Ст лейтенант Государств. Орг. Безопасности

/СИНУВАН/

УТВЕРЖДАЮ:

БРИГ НАЧ СНО УГВ
 Капитан Государств. Орг. Безопасности*Александров*

Пространство дитя
 Общ. Городица Леонид
 Мойсеевич
 19 мая 1928 года

вопрос: С какой целью вы
 хранили у себя эти вещи? ^{или}
 были ли это грунтовые фотогр.
 или троцкистов с К-р.
 троцкистским надпи-
 сями? —

ответ: Фотографии троцкист.
 в количестве 4х и хранил как ^{№ 7}
 памятку о товарищах с

которыми я ~~работал~~ ^{и.}
~~работал~~. Был в шате в связи с ^{делом}

вопрос: Для какой цели вы
 хранили у себя грунтовую см.
 мак везманских в 1928 году тро-
 цкистов и где вы приобрели эту
 сминку? —

ответ: В 1928 году я ушел на
 квартиру у одного из нем., нем.
 Кольо Гершберга и, очевидно,
 на время его ^{мае тогда даю}
 отсутствия ^{его} ^{рабочий кабинет}

дѣлать что-то хорошее. - Знаю, что
 изъ этого много смущаю озо-
 мовано много человек -
 Халва, Бекма, Курчалд
 Охав, Ермоган, Супоты
 и Кидуца-Теча.

Вопрос: С кем изъ этихъ
 захватить мы бы захватили
 замъ ночью?

мы изъ саака.

Отвѣтъ: Изъ насъ бы захватили
 на, урмле. Ермоган, Супоты, члв

С. С. С. Р.

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Главное Управление Государственной Безопасности

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

К ДЕЛУ № _____

1936 г. 18 мес. 18 дня З. Ручейниковой Ю. Ю. У. М.Людмила Степановна допросил в качестве Свидетель
(долж., имени, отчества, фамилии)

1. Фамилия

Хаздан

2. Имя и отчество

Вера Зинарьевна

3. Дата рождения

1904

4. Место рождения

с. Малая Теремья Вишницкого обл.

5. Место жительства

г. Карьков Мещинский уезд З. К. В. 7

6. Нац. и гражд. (подданство)

Сербка,
иностранец

7. Паспорт ⁵⁻¹⁵⁻⁴ Шибанов Х.М. № 306066 выдан Зод. Р.К.И.
в Казахстане ^{всего выдан 1000000, из них 1000000} 21-1936г.; ^{всего проведено} Шибанов

8. Род занятий ^{всего 500000 и в том числе} старший конторщик
Оберкраски № 1 в г. Караганда

9. Социальное происхождение ^{род за эти периоды и их имуществом}
из Сыурусандас

10. Социальное положение (род занятий и имущественное положение)

а) до революции:

ушманас
Сыурусандас

б) после революции:

11. Состав семьи Шибанов - Дев. Сеставин Шибанов
^(близкие родственники: из числа, фамилии, адреса и род занятий)
Шибанов Сибанов Шибанов Шибанов Шибанов
Шибанов - 14 человек ушманас

Шибанов

18. июня 1956 г.

Будучи предупредившая в уголовном судопроизводстве за одну почку показания по ст. 89 УК РСФСР показана:
Вопрос: Скажите ли вы знаете Герадника Мануила Майсевича?

Ответ: Герадника знаю с 1935 года. В начале 1935 года в его записи, как сотрудника Наркомвнешторга СССР, а с октября 1935 года в записи Герадника по совхозной работе в совхозе № 1, он работал до ареста заведующим совхозом.

Вопрос: Что вам известно об антипартийной деятельности Герадника?

Ответ: В следствии было то, что Герадника знали очень мало, считая что много об антипартийной деятельности с ним не было.

Дельцова сказала, что Герадника все с собой считали инкауто, скитом. На политические темы с ним разговаривать не приходилось. Герадник много заходил к нам домой в тот раз в мая месяце и у меня

Появился

В. Хазан

с шурши олажност, така вое
 шит мене, що зародки, как-то, му-
 бсают пашитинские беседа.
 то афанасии природоублааой раба-
 ры, дашае сказае, що зародки
 как то стирался не абуарья
 афанасий с антаракты кассы
 за смет абуарья пашитин, как
 то не реалитозаине на пашит-
 тиное пашитин с абуарья
 кассы абуарья рабаублааой
 кассы. — Мне востаннись
 едик ракт, когда какой-то
 кшеселуаий из абуарья
 пашитин у нас по абуарья-
 тиную днае, зародки абуарья-
 брессовался абуарья ли ра-
 боты, абуарья и пр., и абуарья
 по абуарья пашитин беседа
 ван с абуарья кшеселуаий. —
 пашитин абуарья абуарья
 слов абуарья, абуарья абуарья,
 в чем и абуарья абуарья

В. Карин

Вопросы:

Вне, абуарья абуарья

Подпись

В. Карин

✓ А. 2

НАЧ УЧ АРХ ОТД УТВ НКВД УССР г. Киев.

КОПИЯ:

Г У Г Б
Учетно-Статистическ. Отдел
28 августа 6
30/8601/И

Препровождается для исполнения и объявления выписки из постановления Особого Совещания при НКВД СССР от 16

августа 1933 г. по делу № 8601 гр.

— Торонда Леонидовна,

которую надлежит направить с первым откопченным эталом

в гор. архивный отдел, в распоряжение Нач. арх. управления

УКЦИНЛАГА НКВД, для направления на экспертизу.

Дать на проведение особого учета, согласно приказа № 257/с-33 г. НКВД, в части на особый учет.

ПРИЛОЖЕНИЕ: выписка.

Зпм. Начальник УСО ГУГБ НКВД СССР:

Нач. Отдела УСО:

32
ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА

Особого Совещания при Народном Комиссаре Внутренних Дел СССР

от 16 августа 1936 г.

СЛУШАЛИ

ПОСТАНОВИЛИ Д.1

Дело № 8801 о ГОРОДИНЕ
Леониде Моисеевиче, 1897 г
рождения, б.член ВКПб.ГОРОДИНА Леонида Моисееви-
ча - за к/р. троцкистскую
деятельность - заключить в
исправтрудлагерь, сроком на
пять лет, считая срок с
23/6-36г.

Дело сдать в архив.-

Отв. Секретарь Особого Совещания

34

справка.

Паспорт и 633328.

Военный билет.

три удостоверения № 602, 7489 и 3048.

Городина Леонида Моисеевича

сдан в архив

решипр. УАо 5416 нко.

10/II-1936г. Озургучин.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

об избрании меры пресечения и предъявления обвинения

Город Харьков 1936 года июня 23 дня отделения Секретно-Политич. отдела Харьковского Областного Управления НКВД рассмотрев следственный материал по делу № и приняв во внимание, что гр. ГОРОДИН Леонид Моисеевич достаточно изобличается в том, что он проводил к-р. антипартийную деятельность троцкистского характера

Постановил:

гр. ГОРОДИНА Леонида Моисеевича привлечь в качестве обвиняемого по ст. ст. 54-10 ч. I-я УК, мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда избрать содержание под стражей в Спец-корпусе № 2 СОГЛАСЕН Врид СПО

Ст. Лейтенант Государственной Безопасности /ШИРИН/

Настоящее постановление

мне объявлено 8 июля 1936

Подпись обвиняемого

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Гор. Харьков, 1936 года, июня 22-го дня, я — зам. Облпрокурора по спецделам по Харьковской области — МОРОЗ, рассмотрев представление СПО Областного Харьковского Управления НКВД на арест ГОРОДИНА Леонида Моисеевича, 1907 г. р., безработного, подданства УССР, НАШЕЛ:

ГОРОДИН Леонид Моисеевич — в прошлом активный участник к-р троцкистской организации. В 1927—28 гг., проживая в г. Киеве, входил в подпольный комсомольско-троцкистский центр. За активную контр-революционную деятельность высылался на Север. Будучи в ссылке, также проводил к-р работу. При проверке партдокументов исключен

как неразоружившийся троцкист, а посему
ПОСТАНОВИЛ:

Арест — ГОРОДИНА Леонида Моисеевича
санкционировать.

ЗАМ ОБЛПРОКУРОРА ПО СПЕЦДЕЛАМ /МОРОЗ/

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Гор. Харьков, 1936 года, июля 31-го дня, я —
оперуполномоченный СПО Харьковского Областного
Управления НКВД мл. лейтенант Государств.

Безопасности — СПИВАК, рассмотрев материалы,
изъятые при обыске у обвиняемого ГОРОДИНА
Леонида Моисеевича,

НАШЕЛ:

Изъятые при обыске ГОРОДИНА 4 фотоснимка
троцкистов с контр-революционными троцкистскими
надписями изобличают ГОРОДИНА в контр-
революционной троцкистской деятельности,

а посему

ПОСТАНОВИЛ:

4 фотоснимка троцкистов с троцкистскими
надписями изъятые у ГОРОДИНА, приобщить
к следственному делу № 8601, как вещественные
доказательства.

ОПЕРУПОЛНОМОЧЕННЫЙ СПО

Мл. лейтенант Государств. Безопасности
/СПИВАК/

СОГЛАСЕН: НАЧ I ОТД СПО

Ст. Лейтенант Государственной Безопасности
/ШИРИН/

УТВЕРЖДАЮ: ВРИД НАЧ СПО УГБ

Капитан Государственной Безопасности
/ЯКУШЕВ/

19.20

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ОБВИН. ГОРОДИНА ЛЕОНИДА МОИСЕЕВИЧА

19 июля 1936 г.

ВОПРОС: С какой целью вы хранили у себя изъятые при обыске групповые фотографии троцкистов с к-р. троцкистскими надписями?

ОТВЕТ: Фотографии троцкистов в количестве 4-х, я хранил как память о товарищах, с которыми я раньше работал. был вместе в ссылке.

ВОПРОС: Для какой цели вы хранили у себя групповой снимок высланных в 1928 году троцкистов и где вы приобрели этот снимок?

ОТВЕТ: В 1928 году я жил на квартире у одного из них, некоего Гершберга и, очевидно, жена его мне тогда дала (Зачеркнутое «раньше работал» не читать) эту фотографию. Знаю я из группового снимка этого только шесть человек — Хаенко, Левина, Куреневско-го, Гершберга, Сироту и Клементьева.

ВОПРОС: С кем из указанных лиц вы были связаны после возвращения из ссылки?

ОТВЕТ: Один раз видел на улице Гершберга, раза два встречал Сироту. Связи с ними я никак не поддерживал.

Показания записаны с моих слов верно, мне прочитаны, в чем и расписываюсь.

Добавляю к ответу на первый вопрос. Троцкистскую надпись на фотографии я лично сам вычеркнул после возвращения как контр-революционную, а фотографии оставил потому еще что сам на них изображен. Допросил оперуполномочен.

СПО СССР НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

21. Главное Управление Государственной Безопасности

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

к делу № _____

1936 г. июля месяца 18 дня оперуполномоченный
СПО УПТ

ХОУ НКВД Спивак допросил в качестве свидетеля

1. Фамилия: Хазан
2. Имя и Отчество: Вера Григорьевна
3. Дата рождения: 1901
4. Место рождения: с. Малая Чернявка
Винницкой обл.
5. Место жительства: г. Харьков, Театральный
пер. 3 кв. 7
6. Нац. и гражд. (подданство):
Еврейка, гр-ва СССР
7. Паспорт 5-ти летний: ХЛ №530606, выдан
3 отд. РКМ в г. Харькове, 3/II-1936; прописка
там-же
8. Род занятий: старший контролер сберкассы
№ 1 в г. Харькове
9. Социальное происхождение: из служащих
10. Социальное положение (род занятий
и имущественное положение):
а) до революции училась
б) после революции служащая
11. Состав семьи: Муж — Лев Остапович 41 год,
нач. аптечного склада Южной дороги, сын —
Пьер — 14 лет учится

22.23

ПОКАЗАНИЯ СВИДЕТЕЛЯ ХАЗАН В. Г.

18 июля 1936 г.

Будучи предупреждена об уголовной ответственности за дачу ложных показаний по ст. 89 УПК УССР показала:

ВОПРОС: Давно ли вы знаете Городина Леонида Моисеевича?

ОТВЕТ: Городина знаю с 1935 года. В начале 1935 года я его знала, как сотрудника центральной кассы, а с октября 1935 года я знаю Городина по совместной работе в сберкассе № 1. Он работал до ареста заведующим сберкассы.

ВОПРОС: Что вам известно об антипартийной деятельности Городина?

ОТВЕТ: Вследствии того, что я Городина знаю очень мало, сказать что-либо об антипартийной его деятельности я не могу. Должна сказать, что Городин вел себя очень замкнуто, скрыто. На политические темы мне с ним разговаривать не приходилось. Городин иногда заходил к нам домой, играть в шахматы, и у меня с мужем сложилось такое впечатление, что Городин как бы избегает политические беседы. В отношении производственной работы, должна сказать, что Городин как-то старался не обострять отношений с аппаратом кассы за счет отдельных поблажек, как-то — не реагирование на нетактичное поведение с вкладчиками отдельных работников кассы. Мне вспомнился единственный факт, когда какой-то неизвестный из Хабаровска получал у нас по аккредитиву деньги, Городин очень интересовался условиями работы, оплатой и пр., и примерно около получаса беседовал с этим клиентом. Показания записаны с моих слов верно, мне прочитаны, в чем и расписываюсь.

Допросил Оперуполномоченный СПО

Подпись

- 24 НАЧ УЧ АРХ ОТД УГБ НКВД УССР г. Киев
ГУГБ
арх.
Учетно-статистич. Отдел
28 августа 6
30/8601/Л
Препровождается для исполнения и объявления
выписки из постановления Особого Совещания
при НКВД СССР от «16» —
августа 1936 г. по делу № 8601 гр.
ГОРОДИНА Леонида Моисеевича,
которого надлежит направить с первым отходящим
этапом в гор. Архангельск, в распоряж. НАЧ АРХ ПЕР-
ПУНКТА УХТПЕЧЛАГА НКВД, для направления на Вор-
куту.
Дату направления сообщите к 20/IX-36
НКВД и взять на особый учет, согласно приказа
№ 257/с — 1933 г.
ПРИЛОЖЕНИЕ: выписка
- Зам. Начальник УСО ГУГБ НКВД СССР:
Нач 1 Отд-ния УСО:
1059835

25 ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА

Особого Совещания при Народном Комиссариате
Внутренних дел
от 16 августа 1936 г.
Слушали

1. Дело № 8601 о ГОРОДИНЕ Леониде Моисее-
виче, 1897 г. рождения, б. член ВКПб

Постановили д. 1
ГОРОДИНА Леонида
Моисеевича — за к/р троцкистскую деятельность —
заключить в исправтрудлагерь, сроком на ПЯТЬ лет,
считая срок с 23/06—36 г.
Дело сдать в архив.
Отв. Секретарь Особого Совещания

ПОСТАНОВИЛИ
ГОРОДИНА ЛЕОНИДА
МОИСЕЕВИЧА
ЗА ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ
К АНТИСОВЕТСКОЙ
ТРОЦКИСТСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
СОСЛАТЬ НА ПОСЕЛЕНИЕ
В КРАСНОЯРСКИЙ КРАЙ.
ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 34
ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ
ПРИ МИНИСТРЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ СОЮЗА ССР
ОТ 29 ИЮЛЯ 1950 Г., СТР. 259

**МАТЕРИАЛЫ
СЛЕДСТВЕННОГО
ДЕЛА № 2961
(Ф. 6452, ОП. 4) 1950 ГОДА
(ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
ХАРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Дело хранится в архиве
Учреждения: 00001 - г. Москва, ЦК ВКП
С.П. № 1

Министерство Государственной Безопасности СССР

Виндел М.Т.б
При 4-м и 5-м лагере м.к. с.с.с.р.

ДЕЛО № 33

По обвинению Бородина Леонида Моисеевича в преступ. пред. соотв. ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР.

Начато 26 февраля 1950 г. В одном томах

Окончено 29 марта 1950 г. Том № 2

Архив №

Сдано в архив " " 19 г. 1/10 50

Дело хранится в архиве
Учреждения: 00001 - г. Москва, ЦК ВКП
С.П. № 1

После судебного рассмотрения и вступлении приговора в силу, настоящее дело подлежит немедленному возвращению в Отдел "А" МГБ СССР. К делу должна быть приобщена копия приговора.

Одновременно: Приказ НКВД, Прокуратуры и КГБ
Союза ССР № 00203 от 10.07.1939 г.

архив 1432

Государственный архив Ленинградского Обл.

300306452 4 1961 15447

СПИСОК

ОБВИНЯЕМЫЕ ПРОКОМАНДЫ ПО СПИСОКУ В. 2/28

1

Имя, фамилия и отчество	И-дата	Где содержится
Геродим Леонид Моисеевич.		В см.п.окагоре Воркутанск., МВД СССР гор. Воркута.

ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА СЛЕД. ОТДЕЛЕНИЯ / ОТДЕЛА МПС
И А Н О Р - *И. Соловьев* / СОЛОВЬЕВ /

ИТВЕРЖАЮ

Савельев

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

(об избрании меры пресечения)

г. Ленинград, 3-го Управления Отдела МП при Речном МВ СССР

(местность) РЕПУБЛИКА ЛЭТВИЯ (отдел и орган)

(звание и фамилия)

содержащие материалы о преступной деятельности:

г. Ленинград

именем ЛЕОНИД МОИСЕВИЧрождения 1907место жительства г. Ленинград, Ленинградская областьпрофессия и специальность бухгалтерработы и должности гл. бухгалтер 2-го производственного комбината"Боркостроитель"парг. олимпийский член ВЛКСОсудимости есть гр-но СССРимя Леонид нац. ленинпол муж

с. Ленинград, 2-го производственного ДМ № 55

подозреваем в преступлении,

г. Ленинград, ул. ГОРОДНИК

(фамилия)

номер 58-10-11наименование ГОРОДНИКна основании решения от 10.01.58 Судьи И. Сидясудебного заседания от 10.01.58 Судьи И. Сидя

руководствуясь ст.ст. 145 и 158 УПК РСФСР

«Прест. санкционирую»
№ Прокурор Коляс АССР 4
Советник Конституции
(Воеводин) Д.И.И.

Анкета заполнена в следственном изоляторе
Воркута № 3 а с/р
Город, село, ж-д ст. г. Воркута - Колшаср.

№ 111
Зам. Начк. след. отделения Отдела ИС
при Рязан. обл. с/р Майор

Подпись

Шоловский

Место для фотокарточки (преступного)

Отпечаток указательного пальца
правой руки
(от одной крошки ногтя до другой)

Личная подпись
арестованного

Шоловский

11

Материал. 91. С. 10. 10. 10. 10.

1. Вскрыта 1950. 24 февраля

д. Топова Асенов Манастир

Гидрологическое описание местности:

Климатический материал 3

3

Почва 1

Растительность

Растительность и Рельеф

Рельеф местности

Разная судьба

Кургановский Романовский,
 Промышленному в. паразитическим
 1912 г. и 34

Справочник

Справка:

Самостоятельно изданы
 число и.о. М.к.а. издательство М.Г.Б.
 1912 г. и 34
 М.Г.Б. издательство М.Г.Б.
 М.Г.Б. издательство М.Г.Б.

А К Т

гор. Воркута, 1950 года, марта "17" дня.

Мы, нижеподписавшиеся - Зам. Начальника Следственного Отделения Отдела МГБ при Речлага МВД СССР - майор СОЛОВЬЕВ и Следователь Следственного Отделения Отдела МГБ - Капитан ТУНАККИН, сего числа произвели уничтожение, путем сожжения, переписки, как не имеющую ценность и не являющейся вещественным доказательством по делу. Изъятую при аресте ГОРОДИЦА Леонида Моисеевича, о чем и составили настоящий акт.

ЗАМ. НАЧ. ОТДЕЛЕНИЯ СЛЕДСТВЕННОГО ОТДЕЛА МГБ
- МАЙОР - *И. Соловьев* /СОЛОВЬЕВ/

СЛЕДОВАТЕЛЬ ОТДЕЛА МГБ
- КАПИТАН *Тунаккин* /ТУНАККИН/

Городица

Леонидас Моисеевич

Вопрос: Вам предъявлены обвинения по ст. ст. 58-10 и 58-11 УК РСФСР согласно постановлению от 16 марта 1950 года, знаете ли Вы себя виновным в предъявленном обвинении?

Ответ: Я признаю себя виновным в том, что в 1927 году в бытность моей работы токарем на заводе им. Дюбаль в гор. Киеве был завербован в Контрреволюционную троцкистскую организацию студентов политтехнического Института Глобинскими Борисом иль и отчество которого я не знаю.

И начиная с 1927 года по июль 1929 года я являюсь участником этой организации активно проводя антисоветскую работу.

Я являюсь членом ВКПб до октября 1927 года на партийных заводских собраниях я выступал в защиту троцкистских фотановок, пелел и читал троцкистскую литературу.

После исключения из ВКПб за дурью голову работу, оставался на троцкистские собрания и поддерживал связь с троцкистами и продолжал вести антисоветскую деятельность, участвовал на нелегальных собраниях троцкистов, где среди участников читывалась и обсуждалась троцкистская литература. В июле 1929 года я подал заявление в Центральную Контрольную Комиссию ВКПб об идейном и организационном отходе от троцкизма и с того момента никакой антисоветской деятельности не проводил и в этом виновным себя не признаю.

За совершенное мной преступление в период начиная с 1927 года и до июля 1929 года я наказан отбыванием наказания.

Подпись

Л. Моисеевич

Торшина
Козима Коиселова

Вопрос: Выполняя троцкистские задания вы не подали заявления в КГБ с той целью чтобы собрать себя в партию и продолжить вести антисоветскую работу, высказываясь правдиво о нашей дальнейшей троцкистской деятельности?

Ответ: После отхода от троцкизма в 1929 г. троцкистской деятельностью не занимался, и взглядов с ними не разделял, а задания троцкистов о сохранении связи в КГБ, для продолжения антисоветской работы, я не получил и совершенно не был знаком с такой деталюшкой.

Вопрос: Вы говорите неверно связь с троцкистами не порвали до настоящего времени и продолжаете заниматься антисоветской деятельностью, следствие настаивает прекратить записываемость и дать правдивое показание по этому вопросу?

Ответ: Показывая следствие ясно правдиво и заявляю, что начиная с июля 1929 года никакой связи с троцкистами до настоящего времени я не имел и антисоветской деятельностью не занимался.

Вопрос: Вы вторично говорите неверно, после освобождения из заключения, проинформирован в г. Воркуте, вы имели тесную связь с троцкистами Козимой и Крайцманом, почему вы об этом скрываете от следствия?

Ответ: Козима и Крайцман я знал только по работе и являлись им око троцкистским мне об этом не известно и связи с ними не имел.

Вопрос: После освобождения из заключения среди своего окружения вы про-

Подпись

А. Луговой

должны проводить антикоммунистическую деятельность, направленную против террористической ГДР и советского правительства.

Найти показавший по этому вопросу:

Ответ: Накануне с июля 1925 года антикоммунистическая деятельность не прекращалась и не проводилась ее.

Протокол допроса мне прочитан заново с моим слов прилюдно: ~~В. Г. Г. Г.~~

Андрей Иванович Навка с/о/з ~~Г. Г. Г. Г.~~
Шайбу и, ~~В. Г. Г. Г.~~

Прокурор г.р. Восток и Кош. Дев
Советник Восточной
(Восточная) и ~~В. Г. Г. Г.~~

Подпись:

ПРИМЕЧАНИЕ: 1. Каждая страница протокола заверяется подписями допрашиваемого и одного или нескольких свидетелей.

2. Предложение протокола должно произноситься на устных языках.

Показания обвиняемого (Знаменца)

Героиня

Леонова, Ероисевича.

Вопрос: В каком лагере и сколько времени вы отбывали срок наказания?

Ответ: С августа и до октября 1936 года я содержался под стражей в Харьковской тюрьме Управлений НКВД, а затем находился в тюрьме следствия в Управлении по труду и делам лагерей.

С октября 1936 года и до 6 октября 1944 года я отбывал наказание в Воркуте, Голубовской ИТЛ, 209 Воркутинской ИТЛ.

Вопрос: По заключению вы привлекались к какой-либо ответственности?

Ответ: Во время отбывания срока наказания под судом и следствием не содержался.

Вопрос: Административными взысканиями в заключении подвергались?

Ответ: И административными взысканиями во время, содержась в заключении не подвергался.

Вопрос: Будучи в лагере вы допрашивались?

Ответ: Нет, не допрашивался.

Вопрос: Находясь в заключении с кем из троцкистов вы имели контакты?

Ответ: Будучи в заключении не какой-либо личной переписки ни с кем из троцкистов я не имел.

Вопрос: Назовите известны вам троцкисты вместе с которыми вы отбывали срок наказания.

Ответ: Троцкистов по советскому пребыванию в Управлении по труду и делам лагерей я не знал и поэтому назвать их мне не могу.

Вопрос: Вы полагаете неверно, с какими сотрудниками за троцкистскую деятельность?

Подпись

Знаменца

С П Р А

ГОРОДИН Леонид
уроженец г.Малин, Жито
СССР, работает в доле
шахтоуправления № 2 К
СССР, проживает в пос

29

В К А

Моисеевич, 1907 года рождения,
Омской области, еврей, гр-н
ности главного бухгалтера
Комбината "Воркутуголь" МВД
с. ШУ-2 дом № 35 кв. I.

ДЕЛЕНИЯ № 3 ОТДЕЛА МГБ
МВД СССР мл. ЛЕЙТЕНАНТ: -
БЕВ/

БЭ-9

"УТВЕРЖАЮ"НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА МГБ
ПРИ РЕЧЛАГЕ МВД СССР
— ПОДПОЛКОВНИК —

/СИНЕРЕНИ/

"23" марта 1950 г.

"УТВЕРЖАЮ"

ПРОКТОРОМ АССР

СОВЕТСКИХ РАТОНОВ

/ВОСВОДНИ/

1950г.

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По следственному делу № 38
по обвинению ГОРОДИНА Леонида
Моисеевича в преступлениях
предусмотренных ст.ст.
58-10 и 58-11 УК РСФСР.

25 февраля 1950 года Отделом МГБ при Речлаге
МВД СССР арестован и привлечен к уголовной ответ-
ственности ГОРОДИН Леонид Моисеевич.

Расследованием по делу установлено, что обвиняе-
мый ГОРОДИН Л.М., проживав в гор. Киеве в 1927 году
был завербован в контрреволюционную троцкистскую
организацию бывшим студентом киевского политехническо-
го института — ЗЛОВИНСКИМ и по заданию которого про-
водил антисоветскую деятельность, направленную про-
тив руководителей ВКП/б/ и Советского правительства.

Являясь членом киевского троцкистского моло-
дежного центра принимал активное участие в организации
нелегальных сборов, на которых выступал с троцкист-

34

2.

скими устанавками и распространяли литературу анти-советского содержания.

В 1928 году во время ареста руководителей киевского подпольного трокистского центра пытался организовать демонстрацию молодежи в знак протеста / л.д. 20-21 и см. Особый пакег/.

Обвиняемый ГОРОДИН Л.М. 24 июня 1936 года УНКВД по Харьковской области был арестован и привлечен к уголовной ответственности по ст.ст.58-10 и 58-11 УК РСФСР. В предъявленном обвинении виновным себя признал.

16 августа 1936 года Особым Советом при НКВД Союза ССР за контрреволюционную трокистскую деятельность ГОРОДИН был осужден сроком на 5 лет ИТЛ.

Меру наказания ГОРОДИН Л.М. отбывал до 23 сентября 1944 года в Воркуто-Печорском ИТЛ МВД Союза ССР.

После освобождения из заключения антисоветская деятельность обвиняемого ГОРОДИНА следствием не установлена.

Исходя из изложенного , -

ПОЛАГАЛ - БИ :

Следственное дело № 38 по обвинению :

ГОРДИНА

Леонид Моисеевич, 1907 года рождения, уроженца гор. Малина, Антонисской области, еврей, гр-н СССР, из семьи кустаря, с высшим образованием, быв. члена ВКП/б/, женатого, судимого в 1936 г. Особым Советом при НКВД СССР за контрреволюционную троцкистскую деятельность сроком на 5 лет ИТЛ, наказание отбыл 23/IX-14 года, до ареста работавшего главным бухгалтером 2-го Пахтоуправления Комбината Воркутуголь и проживавшего в гор. Воркута Коми АССР р.п. 2-го Пахтоуправления.

направить на рассмотрение Особого Соездания при МГБ Союза ССР.

Учитывая, что обвиняемый ГОРДИН Леонид Моисеевич является социально опасным элементом, определить в отношении его в качестве меры наказания ссылки в отдаленные районы СССР.

ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА СЛЕДОСТВИЯ ОТДЕЛА МГБ
- МА И О Р - *И. Давыдов* /СОЛОВЬЕВ/

"СОГЛАСЕН"

НАЧ. ОТДЕЛА СЛЕДОСТВИЯ ОТДЕЛА МГБ
- К А П И Т А Н - *Смирнов* /СМИРНОВ/

обв. заключение
СОСТАВЛЕНО
"22" марта 1950 г.
в г. Воркуте.

37

Выписка из протокола № 34

Особого Совещания при Министре Государственной Безопасности Союза ССР
от 29 июля 1950 г.

СЛУШАЛИ

ПОСТАНОВИЛИ

29 июля в 38 Отделе МГБ при Речном
УМ СССР по обвинению ГОРОДИНА
Леонида Моисеевича, 1907 г.р., урож.
г. Малин, Иркутской обл., из
постарей, еврей, гр-на СССР, бес-
партийного.

Об-но ст.ст. 58-10 и 58-11 УК
СССР.

ГОРОДИНА Леонида Моисееви-
ча за принадлежность к
антисоветской троцкистской
организации сослать на по-
селение в Краснодарский край.

5 июля 1950

Директор

18 СЕН 1950

Директор

511198
[Handwritten signature]

Нач. Секретариата Особого Совещания

К Сурганову 1864

Дружел

Велъ горелъ по гены Инорпавас. а

45

1. Грымто вхъ прозорпавуи
кагмисеуи на одыге - мре

2. Гозорпавас Мубасага - агна

Препити мееи Ото Франк

ТЕКСТ НА ОБОРОТЕ ФОТОГРАФИИ:

ГРУППА ТРОЦКИСТОВ ВЫЕХАЛА
ИЗ КИЕВА В НАЧАЛЕ
1928 ГОДА
ХАЕНКО
ЛЕВИН
КУРЕНЕВСКИЙ
ГЕРШБЕРГ
СИРОТА
КЛЕМЕНТЬЕВ
ОСТАЛЬНЫЕ ФАМИЛИИ НЕ ПОМНЮ

ТЕКСТ НА ОБОРОТЕ ФОТОГРАФИИ:

1. ГОРОДИН
2. КАЧАРАВА
3. ЯМАШЕВ
4. МИЛЬНЕР

ИЗЪЯТО У МЕНЯ 24.06.29 Г. ПОДПИСЬ Л.ГОРОДИН

ТЕКСТ НА ОБОРОТЕ ФОТОГРАФИИ:

1. ГОРОДИН
2. КАЧАРАВА
3. ЯМАШЕВ
4. МИЛЬНЕР

БОЛЬШЕВИКИ ОППОЗИЦИИ ВКП(Б) 2 ИЮНЯ 1929 ГОДА

Wy. eps
9 miles
24/10/1902

НА ФОТОГРАФИИ — А. МИЛЬНЕР

ТЕКСТ НА ОБОРОТЕ:

6/IX 20 Г. ДРУГУ ТОВ. ГОРОДИНУ Л.

НА ВТОРОЙ ДЕНЬ ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ИЗ
ПЕНЗЕНСКОГО ИСПРАВДОМА, ПОСЛЕ 4-И ДНЕВНОЙ
ГОЛОДОВКИ. ВСПОМНИ! ВМЕСТЕ ГУЛЯЛИ, ВМЕСТЕ
ЗА РЕШЕТКОЙ, ВМЕСТЕ ГОЛОДАЛИ, ВМЕСТЕ УЕЗЖАЕМ.

29

СПИСОК

Обвиняемых, проходящих по след. делу № 38
Фамилия, имя и отчество в деле где содержится
Городин Леонид Моисеевич
В сл. изоляторе Воркутлага, МВД СССР, гор. Воркута

ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА СЛЕД. ОТДЕЛЕНИЯ ОТДЕЛА МГБ
МАЙОР /СОЛОВЬЕВ/
«Арест санкционирую»
Прокурор Коми АССР
Советник юстиции
(Воеводин)

30

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

17 февраля
(об избрании меры пресечения)
Я, И. О. Нач. 3 Отделения Отдела МГБ при Речлаге
МВД СССР
ЛЕЙТЕНАНТ ПОТЯВИН
просмотрев поступившие материалы о преступной
деятельности:
фамилия: ГОРОДИН
имя и отчество: Леонид Моисеевич
год рождения: 1907
место рожд.: г. Малин, Житомирской области
профессия и специальность: бухгалтер
место работы и должность: Гл. бухгалтер 2-го шахто-
управления комбината «Воркутуголь»
парт.: бывший член ВКП/б/
образование: низшее нац. еврей гр-во СССР
семейное положение: женат
адрес: поселок 2-го шахтоуправления дом № 35
ПОСТАНОВИЛ, что ГОРОДИН подозревается в пре-
ступлениях, предусмотренных 58-10-11 ст. УК РСФСР
и принимая во внимание, что ГОРОДИН находясь
на свободе может уклониться от следствия и суда
руководствуясь ст. ст. 145 и 158 УПК РСФСР

32

СПРАВКА №4112/9761

Выдана гражданину Городину Леониду Моисеевичу 1907 года рождения, уроженцу г. Малин Житомирской обл. гражданство СССР, национальность еврей осужденному по делу НКВД СССР

06 августа 1936 года по ст. ст. УК к лишению свободы на пять лет с поражением в правах на кот. года, имевшем в прошлом судимость (со слов ранее не судим) в том, что он отбывал меру наказания с 23 июня 1936 г. по 5 октября 1944 г. и по отбытии меры наказания с применением Воркутского ИТЛ НКВД освобожден 5 октября 1944 года и следует к избранному месту

Оставлен при комбинате на работе по вольному найму без права выезда до окончания войны подпадает под ст. 39 полож. о паспортах
Настоящая справка выдана 5 октября 1944 года

Нач. комбината Воркутуголь /Чепига/
Капитан Госбезопасности
Нач. ОУРЗ КВУ НКВД /Десятовский/
Лейтенант адмслужбы
БЕ-2

33

ЛИЧНАЯ ДОВЕРЕННОСТЬ

г. Воркута 1950 г. 24 февраля

Я, Городин Леонид Моисеевич, доверяю свое личное имущество: костюмов шт. мужских 3; брюк 5; пальто демисезонное 1; различное белье; радиоприемник «Рекорд»; постельные принадлежности; разная обувь Кучмарю Якову Рафаиловичу, проживающему в Рабочем поселке
ШУ-2 д. №34

Подпись — Л. Городин

Справка:

Данная доверенность передается мною и. о Н-ка. отделения МГБ Потявину для приобщения ко всем материалам.

Подпись — Л. Городин

34

АКТ

гор. Воркута, 1950 года, марта 17 дня.

Мы, нижеподписавшиеся — Зам. Начальника Следственного Отделения Отдела МГБ при Речлаге МВД СССР — майор СОЛОВЬЕВ и Следователь Следственного Отделения Отдела МГБ — Капитан ТУНАЛКИН, сего числа произвели уничтожение, путем сожжения, переписки, как не имеющую ценность и не являющуюся вещественным доказательством по делу. Изъятую при аресте ГОРОДИНА Леонида Моисеевича, о чем и составили настоящий акт.
ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА СЛЕДОТДЕЛЕНИЯ ОТДЕЛА МГБ
МАЙОР /СОЛОВЬЕВ/
СЛЕДОВАТЕЛЬ ОТДЕЛА МГБ
КАПИТАН /ТУНАЛКИН/

35

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

(о предъявлении обвинения)

1950 года марта «11» дня

Я, ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА СЛЕДОТДЕЛЕНИЯ МГБ
ПРИ МГБ СССР

РЕЧЛАГЕ МВД СССР — МАЙОР СОЛОВЬЕВ

Отсмотрев следственный материал по делу № 38 и приняв во внимание, что ГОРОДИН Леонид Моисеевич достаточно изобличается в том, что с 1927 года является активным участником контрреволюционной троцкистской организации и проводит антисоветскую деятельность, направленную против мероприятий ВКП/б/ и Советского правительства.

36—39

ПОКАЗАНИЯ ОБВИНЯЕМОГО ГОРОДИНА ЛЕОНИДА МОИСЕЕВИЧА

Вопрос: Вам предъявляется обвинение по ст. ст. 58-10 и 58-11 УК РСФСР согласно постановлению от 11 марта 1950 года, признаете ли Вы себя виновным в предъявленном обвинении?

Ответ: Я признаю себя виновным в том, что в 1927 году в бытность моей работы токарем на заводе им. Домбалея в гор. Киеве был завербован в контрреволюционную троцкистскую организацию студентом политехнического института Злобинским Борисом, имя и отчество которого я не знаю. И начиная с 1927 года по июль 1929 года являясь участником этой организации активно проводил антисоветскую работу.

Являясь членом ВКП(б) до октября 1927 года на партийных заводских собраниях я выступал в защиту троцкистских установок, получал и читал троцкистскую литературу.

После исключения из ВКП(б) за фракционную работу, оставаясь на троцкистских позициях я поддерживал связь с троцкистами и продолжал вести антисоветскую деятельность, участвовал на нелегальных собраниях троцкистов, где среди участников зачитывалась и обсуждалась троцкистская литература. В июле 1929 года я подал заявление в центральную контрольную комиссию ВКП(б) об идейном и организационном отходе от троцкизма и с того момента никакой антисоветской деятельности не проводил.

И в этом виновным себя не признаю.

За совершенное мной преступление в период начиная с 1927 года и до июля 1929 года я наказание отбыл полностью.

Вопрос: Выполняя троцкистскую установку Вы и подали заявление в ВКП (б) с той целью, чтобы сохранить себя в партии и продолжать вести антисоветскую работу, рассказывайте правдиво о Вашей дальнейшей троцкистской деятельности?

Ответ: После отхода от троцкизма в 1929 году троцкистской деятельностью не занимался и взглядов с ними не разделял, а установку троцкистов о сохранении себя в ВКП (б) для продолжения антисоветской работы я не получал и совершенно не был знаком с такой установкой.

Вопрос: Вы говорите неверно, связь с троцкистами не порвали до настоящего времени и продолжаете заниматься антисоветской деятельностью, следствие настаивает прекратить заперательство и дать правдивое показание по этому вопросу.

Ответ: Показания следствию даю правдивые и заявляю, что начиная с июля 1929 года никакой связи с троцкистами до настоящего времени я не имею антисоветской деятельностью не занимаюсь.

Вопрос: Вы вторично говорите неверно, после освобождения из заключения, проживая в гор. Воркуте, Вы имеете тесную связь с троцкистами Козиным и Крайзман, почему Вы об этом скрываете от следствия?

Ответ: Козина и Крайзман я знаю только по работе и являются ли они троцкистами, мне об этом не известно и связи с ними не имею.

Вопрос: После освобождения из заключения своего окружения Вы продолжаете проводить антисоветскую деятельность, направленную против мероприятий ВКП (б) и советского правительства. Дайте показания по этому вопросу.

Ответ: Начиная с июля 1929 года антисоветской деятельностью не занимался и не провожу ее.

Допрос закончен в 15 часов.

Протокол допроса мне прочитан, записано с моих слов правильно:

Допросил: зам. нач-ка с/о отдела МГБ
майор И. Соловьев

Прокурор гор. Воркута Коми АССР
Советник юстиции (Вячеславов)

Вопрос: В каких лагерях и сколько времени Вы отбывали срок наказания?

Ответ: С августа и до октября 1936 года я содержался под стражей в Харьковской тюрьме управления НКВД, а затем находился в пути следования в Исправительно-трудовой лагерь.

С октября 1936 года и до 5 октября 1944 года я отбывал наказание в Воркуто-Печорском ИТЛ, гор. Воркута Коми АССР.

Вопрос: В заключении Вы привлекались к уголовной ответственности?

Ответ: Во время отбытия срока наказания под судом и следствием не содержался.

Вопрос: Административным взысканиям в заключении подвергались?

Ответ: И административным взысканиям во время содержания в заключении не подвергался.

Вопрос: Будучи в лагере Вы допрашивались?

Ответ: Нет, не допрашивался.

Вопрос: Находясь в заключении с кем из троцкистов Вы имели переписку?

Ответ: Будучи в заключении никакой письменной переписки ни с кем из троцкистов я не имел.

Вопрос: Назовите известных Вам троцкистов, вместе с которыми Вы отбывали срок наказания.

Отчет: Троцкистов по совместному пребыванию в исправительном трудовом лагере я никого не знал. И поэтому назвать таковых не могу.

СПРАВКА

ГОРОДИН Леонид Моисеевич, 1907 года рождения, уроженец г. Малин, Житомирской области, еврей, гр-н СССР, работает в должности главного бухгалтера шахтоуправления № 2 Комбината «Воркутуголь» МВД СССР, проживает в пос. ШУ-2 дом № 35 кв. 1.

ОПЕР. УПОЛНОМ. ОТДЕЛЕНИЯ №3 ОТДЕЛА МГБ
ПРИ РЕЧЛАГЕ МВД СССР мл. ЛЕЙТЕНАНТ
/СОЛОВЬЕВ/

41—43 БЕ-9

«УТВЕРЖДАЮ» «УТВЕРЖДАЮ»
НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА МГБ
ПРИ РЕЧЛАГЕ МВД СССР
ПОДПОЛКОВНИК
/СМИРЕНИН/
23 марта 1950 г. ПРОКУРОР КОМИ АССР
СОВЕТНИК ЮСТИЦИИ
/ВОЕВОДИН/
3 апреля 1950 г.

г. Воркута, Коми АССР
ул. Первомайская 14а
гр. Городину Л. М.

«УТВЕРЖДАЮ»
НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА МГБ
(должность)
ПРИ РЕЧЛАГЕ МВД СССР
(звание)
ПОДПОЛКОВНИК
МАРТА 1950 г.
ВОРКУТА
/СМИРЕНИН/

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По следственному делу № 38 по обвинению
ГОРОДИНА Леонида Моисеевича в преступлениях,
предусмотренных ст. ст. 58-10 и 58-11 УК РСФСР.
25 февраля 1950 года Отделом МГБ при Речлаге
МВД СССР арестован и привлечен к уголовной

ответственности ГОРОДИН Леонид Моисеевич. Расследованием по делу установлено, что обвиняемый ГОРОДИН Л. М., проживая в гор. Киеве в 1927 году был завербован в контрреволюционную троцкистскую организацию бывшим студентом киевского политехнического института — ЗЛОБИНСКИМ и по заданиям которого проводил антисоветскую деятельность, направленную против руководителей ВКП/б/ и Советского правительства.

Являясь членом киевского троцкистского молодежного центра принимал активное участие в организации нелегальных сборищ, на которых выступал с троцкистскими установками и распространял литературу антисоветского содержания.

В 1928 году во время ареста руководителей киевского подпольного троцкистского центра пытался организовать демонстрацию молодежи в знак протеста /л. д. 20-21 и см. Особый пакет/.

Обвиняемый ГОРОДИН Л. М. 24 июня 1936 года УНКВД по Харьковской области был арестован и привлечен к уголовной ответственности по ст. ст. 58-10 и 58-11 УК РСФСР. В предъявленном обвинении виновным себя признал.

16 августа 1936 года Особым Совещанием при НКВД Союза ССР за контрреволюционную троцкистскую деятельность ГОРОДИН был осужден сроком на 5 лет ИТЛ.

Меру наказания ГОРОДИН Л. М. отбывал до 23 сентября 1944 года в Воркуто-Печорском ИТЛ МВД Союза ССР.

После освобождения из заключения антисоветская деятельность обвиняемого ГОРОДИНА следствием не установлена.

Исходя из изложенного, —
ПОЛАГАЛ-БЫ:

Следственное дело № 38 по обвинению:

3. ГОРОДИНА Леонида Моисеевича, 1907 года рождения, уроженца гор. Малина, Житомир-

ской области, еврея, гр-на СССР, из семьи кустика, с низшим образованием, быв. члена ВКП/б/, женатого, судимого в 1936 г. Особым Совещанием при НКВД СССР за контрреволюционную троцкистскую деятельность сроком на 5 лет ИТЛ, наказание отбыл 23/IX-44 года, до ареста работавшего главным бухгалтером 2-го Шахтоуправления Комбината Воркутуголь и проживавшего в гор. Воркута КОМИ АССР р. п. 2-го Шахтоуправления.

направить на рассмотрение Особого Совещания при МГБ Союза ССР.

Учитывая, что обвиняемый ГОРОДИН Леонид Моисеевич является социально опасным элементом, определить в отношении его в качестве меры наказания ссылку в отдаленные районы СССР.

ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА СЛЕДОТДЕЛЕНИЯ ОТДЕЛА МГБ
МАЙОР /СОЛОВЬЕВ/

«СОГЛАСЕН»
НАЧАЛЬНИК СЛЕДОТДЕЛЕНИЯ ОТДЕЛА МГБ
КАПИТАН /СМИРНОВ/

обв. заключение
СОСТАВЛЕНО
«22» марта 1950 г.
в г. Воркуте.

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА №34

Особого Совещания при Министре Государственной
Безопасности Союза ССР
от «29» июля 1950 г.

СЛУШАЛИ

240. Дело № 38 Отдела МГБ при Речлаге МВД СССР по обвинению ГОРОДИНА Леонида Моисеевича, 1907 г. р., урож. г. Малин, Житомирской обл., из кустарей, еврея, гр-на СССР, беспартийного.

ПОСТАНОВИЛИ

Обв. по ст. ст. 58-10 и 58-11 УК РСФСР. ГОРОДИНА Леонида Моисеевича за принадлежность к антисоветской троцкистской организации сослать на поселение в Красноярский край.

⁴⁵ 16 СЕН 1950 г.

Нач. Секретариата Особого Совещания
К следделу № 8601

ОПИСЬ

вещ доков по делу Городина Л. М.

1. Групповых фотографий с надписями на обороте — три
2. Фотография Мильнера — одна

Оперуполном подпись

ЛЕОНИД ГОРОДИН
ОДНОЭТАПНИКИ
Невыдуманные рассказы

Татьяна Полянская,
научный редактор-консультант,
старший научный сотрудник
Музея истории ГУЛАГа,
кандидат исторических наук

Александр Макеев,
специалист Центра документации
Музея истории ГУЛАГа

Инна Кроль,
корректор

Игорь Гурович,
дизайн, arbeitskollektiv

Дмитрий Криворучко,
верстка, arbeitskollektiv

Светлана Пухова,
куратор издательской программы
Музея истории ГУЛАГа

Музей истории ГУЛАГа
127473, Москва
1-й Самотечный переулок, 9, стр. 1
+7 495 681-88-82
+7 495 621-73-10
www.gmig.ru

Отпечатано в типографии «Август Борг»
+7 495 787-06-77
www.augustborg.ru
Печать офсетная
Тираж 500 экз.

— МЫ ЭТОТ ЛЕС НЕ САЖАЛИ,
МЫ ЕГО И РУБИТЬ НЕ СТАНЕМ.
НЕ РАБОТНИКИ МЫ ТЕБЕ.
НЕ НАДЕЙСЯ И НЕ ЖДИ. ПУСТЬ
У ТЕБЯ ИЩАЧАТ ВРАГИ НАРОДА,
А НАМ ПО ЗАКОНУ НЕ ПОЛОЖЕНО.
«БЛАТНАЯ РАБОТЕНКА», СТР. 38

— БЕНЯ, ЗА ЧТО ВАС ПОСАДИЛИ?
— ЗА ЧТО, ЗА ЧТО? КАК БУДТО
ВСЕГДА САЖАЮТ «ЗА ЧТО».
«БО ВБЫТЬ ТРЕБА», СТР. 51

ПАРАШЕЙ В ЭТАПЕ И ЛАГЕРЕ
НАЗЫВАЛИ ВСЯКИЙ
НЕПРОВЕРЕННЫЙ,
НЕСБЫТОЧНЫЙ СЛУХ: О ЯКОБЫ
ГОТОВЯЩЕЙСЯ АМНИСТИИ,
МАССОВОМ ПЕРЕСМОТРЕ ДЕЛ,
ПЕРЕВОДЕ ВСЕХ НА ВОЛЬНОЕ
ПОСЕЛЕНИЕ И ПРОЧЕМ.
НА ВЫБОР ЭТОГО СЛОВА
ПОВЛИЯЛО СОЗВУЧИЕ
С ВЫРАЖЕНИЕМ «ПО РАДИО».
«ПО РАДИО ПЕРЕДАВАЛИ» —
ПАРАШУ ПЕРЕДАВАЛИ.
«РАСКОЛОЛСЯ», СТР. 55

ОДНОЭТАПНИКИ

НЕВЫДУМАННЫЕ
РАССКАЗЫ

ЛЕОНИД
ГОРОДИН

ОДНОЭТАПНИКИ

ОДНОЭТАПНИКИ

И ТУТ Я ВПЕРВЫЕ УСЛЫЩАЛ
ЕГО ЯСНЫЙ, СПОКОЙНЫЙ,
НЕМНОГО ГРУСТНЫЙ ГОЛОС:
— ТЫ ПОЩТО НА МЕНЯ ГРЕМИШЬ?
Я НЕ ТВОЙ РАБ, Я РАБ ГОСУДАРСТВА.
«РЫЖИЙ МУЖИК», СТР. 35

